

№

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

6
2012
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Суслов А.В.</i> (Москва). Генрик Сенкевич и проекты лидеров польского национально-демократического движения на рубеже XIX–XX веков	3
<i>Шведова Н.В.</i> (Москва). Темы любви и смерти в поэзии словацкого надреализма	13
<i>Карцева З.И.</i> (Москва). Роман эпохи конца литературоцентризма (на материале русской и болгарской прозы)	22
<i>Виноградова Л.Н.</i> (Москва). Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий	29
<i>Колосова В.Б.</i> (Санкт-Петербург). Этноботанические заметки. VII. Тысячелистник	35

К ЮБИЛЕЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

<i>Макарова Г.В.</i> (Москва). Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект	47
<i>Филатова Н.М.</i> (Москва). Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года	60
<i>Фалькович С.М.</i> (Москва). Миф Наполеона в сознании поляков	74
<i>Марней Л.П.</i> (Москва). Из истории наполеоновских подделок русских ассигнаций в начале XIX века	78
<i>Сагомонян А.А.</i> (Москва). Под знаменами Наполеона и Александра: испанские солдаты в России в 1812 году	88

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Вольман С. Моя жизнь между наукой и искусством	95
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Валенцова М.М.</i> E. Večerková, V. Frolcová. Evropské Vánoce v tradicích lidové kultury	99
<i>Виноградова Л.Н.</i> B. i A. Podgórcy. Mitologia Śląska czyli przywiarki ślónskie: Leksykon i antologia śląskiej demonologii ludowej	104
<i>Косик В.И.</i> Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе	108
<i>Шведова Н.В.</i> A. Zelenková. Medzi vzájomnosťou a nevzájomnosťou: Sondy do česko-slovenských a slovensko-českých literárnych vzťahov	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Валенцова М.М.</i> Толстовские чтения–16. Синонимия в языке и народной культуре	115
--	-----

НЕКРОЛОГ

Памяти Виктора Александровича Хорева (1932–2012)	121
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2012 году	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, **М.М. ВАЛЕНЦОВА**, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **А.А. ГИППИУС**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **М.В. ЛЕСКИНЕН**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **К.В. НИКИФОРОВ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**, **А.С. СТЫКАЛИН**,
Б.Н. ФЛОРЯ, **О.В. ХАВАНОВА**, **В.А. ХОРЕВ**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2012 г.

© 2012 г. А.В. СУСЛОВ

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ И ПРОЕКТЫ ЛИДЕРОВ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В статье проанализированы связи между писателем Г. Сенкевичем и лидерами национально-демократического движения, указаны моменты сближения их политических взглядов и идеологические разногласия, а также конкретные проекты эндеков, в которых Сенкевич принимал участие.

The article analyses contacts between the Polish writer Henryk Sienkiewicz and the leaders of the national-democratic movement; it points both out at the moments of their convergence in Polish issues and ideological disagreements, as well as mentions concrete projects of the NDs, which Sienkiewicz was taking part in.

Ключевые слова: Генрик Сенкевич, эндеки, Роман Дмовский, национализм, национальное самосознание.

В данной статье затронута малоизученная тема взаимоотношений известного польского писателя Генрика Сенкевича (1849–1916) и наиболее успешной политической силы на территории бывшей Речи Посполитой рубежа XIX–XX вв. – национально-демократического движения Р. Дмовского, Я.Л. Поплавского и З. Балицкого (эндеки¹). В научной литературе и публицистике давно бытует мнение о том, что Сенкевич оказал значительное влияние на осознание поляками себя как исторического народа с великим прошлым². Но, хотя наследие писателя многократно исследовалось с точки зрения *ars scribendi* и авторских интенций, мы сравнительно мало знаем об общественно-политическом функционировании его текстов и их адаптаций. Цель статьи – восстановить картину, связанную с таким важным аспектом этой проблемы, как участие писателя в проектах эндеков.

Сближение между Сенкевичем и лагерем национал-демократов к началу XX в. подтверждают как субъективные впечатления современников, так и фактические данные. Какие у них могли быть точки соприкосновения? Прославленный писатель имел татарские корни (хотя придерживался иной версии своей родословной), родился в бедной, но известной шляхетской семье, в подляшской деревне (на пограничье польских и литовско-белорусских земель), в качестве корреспондента использовал псевдоним Литвос (подчеркивая свое «кресовое» происхождение в кругу варшавских коллег), зачитывался старопольской

Суслов Александр Валерьевич – аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ От аббревиатуры ND – Narodowa Demokracja (отсюда *endecki*, *endecja*). Ядро движения составляла национально-демократическая партия (НДП).

² В этом отношении показательны синтетические труды по истории Польши и польской культуры (см. [1. С. 345; 2. С. 162; 3. С. 332–333]).

литературой и впечатлял однокашников Главной школы знанием старинных шляхетских гербов³. Принимая во внимание биографию и лейтмотивы текстов Сенкевича, трудно связать его с этноцентричной и «плебейской» идеологией интегрального национализма (по крайней мере, в редакции начала XX в.), которую проповедовали эндеки [5. С. 263–342]. Последние подвергали суровой критике как романтический мессианизм XIX в., так и современные им течения общественно-политической мысли (варшавских позитивистов, консерваторов-«угодовцев», социалистов), с сожалением смотрели на «ягеллонскую» эпоху польской истории с ее восточным вектором внешней политики и разобщенностью сословий, базировались на поддержке широких слоев населения, все больше осознающих национальное единство как собственный интерес. Напротив, будущий нобелевский лауреат имел репутацию любителя и воспевателя старины, консерватора, вхожего в дома краковской аристократии, глашатая интересов высшего сословия⁴.

Чем же национал-демократы сумели привлечь автора «Трилогии» на свою сторону? Первый вывод, который можно сделать после изучения карьеры писателя, таков: несмотря на увлечение героическими образами Речи Посполитой XVII в. и явную симпатию к повстанческой традиции XIX в., Сенкевич был человеком прагматического склада характера. Это выражалось не только в том, как он вел писательские дела, но и в отношении к политическому протесту. Не отказываясь от убеждения в том, что поляки Российской империи подвержены гнету администрации и чиновничьему произволу [7. С. 146–157], писатель все же оставался законопослушным подданным и ни разу не пошел на конфликт с цензурой. Тем самым он сохранил не только возможность бывать и спокойно работать в России⁵, но и большую часть своей аудитории. При этом он вслух критиковал антипольскую политику Берлина, делал по этому поводу громкие заявления, услышанные в Европе, не боялся острых высказываний в адрес Бисмарка и Вильгельма II. Ощущение угрозы от усиления могущества Германии, способной перечеркнуть всякую надежду на польскую государственность, сближало автора «Крестоносцев» с Дмовским, одним из основных принципов которого был геополитический реализм.

Из уст главного идеолога эндеков Сенкевич, вероятно, услышал то, чего ждал от политики еще в начале 1880-х годов. Став главным редактором варшавской газеты «Słowo» в 1882 г., он, стараниями оппонентов, приобрел репутацию «станчика»⁶. Тем не менее сам писатель осознанно дистанцировался от всех идеологических центров, а свою задачу видел в объединении патриотически настроенных сил, политически сдержанных и готовых связать личные амбиции с народным благом. Идеалом Сенкевича стало общенациональное объединение на основе умеренной патриотической программы, поднятие культурного уровня нации, потерпевшей ущерб в результате репрессий царского режима и бюрократической инерции. Содержание последней фразы писателя из романа «Пан Володыёвский»

³ «Отец» польского позитивизма А. Свентоховский, учившийся вместе с Сенкевичем, вспоминал о нем как о заурядном, ничем не примечательном студенте, удивившем его однажды своими познаниями в области генеалогии и геральдики шляхетских родов [4. С. 317].

⁴ Такой образ Сенкевича создали в прессе, с одной стороны, его идеологические противники, а с другой – консерваторы Галиции, особенно щедрые на похвалу таланта автора «Трилогии» [6. С. 119].

⁵ С конца 1870-х годов Сенкевич редко задерживался на одном месте.

⁶ «Станчики» – политическое объединение консерваторов Западной Галиции, название которого связано с программным трактатом «Папка Станчика» (написанном от лица легендарного шута короля Сигизмунда Старого). Трактат был опубликован в 1869 г. в газете «Przegląd Polski», его главными авторами были С. Тарновский, Ю. Шуйский, С. Козьян, М. Бобжиньский и В. Калинка. «Станчики» выступали за сохранение лояльности галицийских поляков Габсбургам и за расширение национальной автономии.

об «укреплении сердец»⁷ заключалось в том, чтобы внести больше оптимизма в угрюмую повседневность поляков, «вернуть» обществу память о его корнях, сплотить его на основе переживания великих событий прошлого. Лейтмотив всей его «Трилогии» очевиден: для достижения сколько-нибудь значительного успеха нация нуждается в единстве. Именно в национально-демократическом движении Сенкевич увидел силу, способную подняться над узкими групповыми интересами разных кругов интеллигенции и повести за собой массы, дать импульс всеобщему патриотическому пробуждению, слаженной работе по созданию польских общественно-гражданских институтов⁸.

Был ли Сенкевич солидарен с эндеками в части их полоноцентризма, нетерпимости к многоуровневой идентичности «окраинных» территорий, в ревностном отношении к национальным движениям литовцев и русинов, антисемитизме и, наконец, критике шляхетской культуры? Однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным, а для получения более или менее справедливой картины необходим детальный анализ высказываний писателя, к которым он, как правило, относился с большой ответственностью и осторожностью. Поэтому ограничусь общими выводами, сделанными при работе над темой этой статьи.

Известный исследователь творчества Сенкевича отмечал, что в «Трилогии» само слово «Польша» почти ни разу не встречается (вместо него – отчизна, Речь Посполитая). Это наблюдение используется как аргумент в пользу того, что писатель мыслил в традициях мультикультурализма, присущего исторической Речи Посполитой – поэтому не стоит видеть в его текстах попытки очернения прошлого соседних народов [10. S. 113–115]. На мой взгляд, так же как не следует преувеличивать образ Речи Посполитой в качестве пространства мирного сосуществования культур и конфессий, не стоит и слишком рьяно оправдывать интерпретацию писателем исторических событий с «польской» точки зрения. Вряд ли самый нашумевший его роман «Огнем и мечом» создавался с прямым антиукраинским замыслом – так совпало, что он затронул часть прошлого, которую украинское национальное движение использовало как конституирующую основу. Тем не менее автор видел роль польско-католической шляхты в Речи Посполитой скорее так, как ее видел потом Я.Л. Поплавский, один из главных теоретиков национально-демократического движения: восточные земли Великого княжества Литовского являли собой лишь варварское пространство, и все дорогое для цивилизации, что там впоследствии появилось, выстрадали поляки, оплатив своими трудами и кровью⁹.

Немногочисленные, но вполне убедительные данные говорят и о том, что Сенкевич занимал активную позицию по отношению к национализму современных ему галицийских русинов. Так в 1908 г. он выступил в австрийской газете «Die Zeit» со статьей, осуждающей голодовку русинских студентов Львовского университета, потребовавших учреждения высшей школы с преподаванием на украинском языке [12. S. 264]. Поводом для выступления послужило привлечение последними на свою сторону другого нобелевского лауреата, норвежского писателя Б. Бьернсона, придавшего делу международную огласку. Сенкевич «разъяснил» коллеге ошибочность его взгляда на ситуацию в Галиции, а заодно поставил под сомнение

⁷ «На том кончается наша трилогия; создавалась она не один год и в трудах немалых – для укрепления сердец» [8. С. 472].

⁸ В письме адвокату А. Осуховскому писатель отмечал, что «Национальная партия [...], не считая экстренной тактики и людей, – это единственная партия, содержащая в себе элементы порядка, общественного здоровья и спасительную силу» [9. Т. 3. Cz. 2. S. 335].

⁹ Французский историк Д. Бовуа, например, вовсе уверен, что польская гегемония на «украинских» землях была основной «темой увлекательных исторических романов Сенкевича, имевших мало общего с реальной историей» [11. С. 497].

честность голодовки студентов, которых, по информации польских газет, друзья снабжали «вином и бифштексами» [9. Т. 5. Cz. 2. S. 197]. Русины, не мешкая, подали на писателя в суд, и, что немаловажно, выиграли процесс, проводившийся в Вене судом присяжных. Стоит сказать, что Сенкевич не стал участвовать в заседаниях – чтобы не привлекать к ситуации еще больше внимания, на что явно рассчитывали истцы [17. С. 2]. В любом случае, писатель считал себя обязанным защищать имидж польской нации в глазах европейской общественности и воспринимал украинское движение как стихию, враждебную полякам, способную навредить польскому делу.

Другие свидетельства указывают на то, что писатель, как минимум, с недоверием относился к евреям и был восприимчив к устрашающему образу еврей-социалиста. Без влияния эндеков здесь явно не обошлось. В письме Сенкевича к соседу по имени А. Поплавскому находим такие строки: «Вы пишете мне, что записались в Партию реальной политики. В этой Партии состоит много благородных и светлых людей. Впрочем, я считаю, что различия, которые сегодня еще делят польский лагерь, будут все больше стираться перед лицом еврейско-социалистической угрозы, и в итоге появится одна большая национальная партия с правыми, центром и левыми – но стоящими под одним знаком белого орла» [9. Т. 3. Cz. 2. S. 483]. Есть и более ранние тексты Сенкевича, в которых евреи предстают в негативном виде. Так в одной из колонок в «Gazecie Polskiej» за 1875 г. молодой литератор с иронией писал: «Нашим евреям следует воздать глубокую справедливость, ибо некоторые из них понемногу начинают убеждаться, насколько смешно и нелепо говорить на таком отвратительном жаргоне, составленном из немецкого, еврейского и польского языков, и стараются разговаривать и писать на чистом и прекрасном [...] немецком. Немецком?! Да, немецком! [Сегодня] это вроцлавско-берлинский шик. Сколько же я видел приглашений на разные торжества, напечатанных на изысканной бумаге и начинающих так, например: *Hersch X. Gibt sich die Ehre Sie etc. Twarde-Strasse*» [14. S. 49]. Итак, Сенкевича, как и многих его соотечественников, раздражала изолированность евреев, их выбор в пользу немецкой или русской культур, нежелание ассимилироваться. Такие настроения старательно подогревала польская национально-демократическая пресса.

В то же время в речах и публицистике Сенкевич предстает не как сторонник «национального эгоизма» в духе Балицкого и Дмовского, но как посланник цивилизованного европейского народа, имеющего многовековые традиции, входящего в христианский универсум и разделяющего одни и те же ценности с такими странами, как Франция или Англия. При этом писатель видит себя в первую очередь представителем человечества и отказывается ставить интересы отдельной нации выше интересов человечества: «Отечество нужно любить превыше всего и надлежит прежде всего думать о его счастье. Вместе с тем первую обязанностью истинного патриота является наблюдение за тем, чтобы идея его отечества не стала в противоположении со счастьем человечества, но чтобы сделалась одною из его опор [...] Другими словами, лозунг всех патриотов должен быть таков: *Чрез отчизну к человечеству*, а не таков: *Для отчизны против человечества*» (курсив Сенкевича. – А.С.)» [15. С. 143–144]. Вероятно, эта максима связана не только с личными убеждениями романиста (в искренность которых можно верить), но и с тем, что адресатом подобных сообщений часто была западноевропейская общественность. Принимая на роль «конституирующего чужого»¹⁰ Германскую империю Бисмарка, Сенкевич выводит образ поляков – нации, воплощающей христианские добродетели и идеал страдания, терпимой и морально превосходящей своих

¹⁰ Этот термин (*extérieur constitutif*) употребляет И. Нойман в работе «Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейской идентичности» (1999), обозначая восприятие России на Западе [16. С. 210]. А.И. Миллер в статье, посвященной концепциям Центральной Европы, переводит термин как «конституирующий чужой» [17].

«угнетателей», действующей не с позиции силы, а с позиции справедливости. Внутренний потребитель этого дискурса, восходящего к мессианизму Мицкевича, как представляется, выносил из него чувство гордости от осознания себя частью великой культуры, спасшейся от исчезновения силой своего духа.

В реальности «универсализм» Сенкевича, произносившего речь перед нобелевским комитетом по-латыни, способствовал рекламе Польши и польского вопроса в мире, убеждал в принадлежности поляков к Западу, так что вовсе не противоречил прагматичным эндекам. Лучше всего это должен был понимать Р. Дмовский, тексты которого также можно подразделить на предназначенные для внутреннего и международного использования.

В межвоенные годы Роман Дмовский писал об авторе «Трилогии» так: «Сенкевича я знал близко, находилась с ним в дружеских отношениях, питал уважение не только к его таланту и высокой умственной культуре, но и к горячему патриотизму и той сильной польской склонности реагировать на наши дела, каковою он отличался. Я также во многом рассчитывал на роль, которую он сыграет в тот исторический момент (речь идет о Первой мировой войне. – А. С.). К сожалению, он отказался от какого-либо проявления своей политической позиции перед лицом войны. Не знаю, какие были тому причины: несомненно, одной из важнейших было состояние его здоровья, которое ослабло вскоре после начала войны» [18. S. 242]. Приведенная цитата во многом передает характер взаимоотношений двух этих людей. Сенкевич, с одной стороны, питал большую симпатию к эндекам, а с другой, будучи всемирно известным писателем, – не хотел связывать свое имя с конкретной политической партией. Это касается не только случая, когда во время Первой мировой войны Сенкевич, возглавлявший Комитет помощи жертвам войны в Польше, ради успеха дела отстранился от политики, но и его сотрудничества с национально-демократическим движением вообще.

Судя по переписке Сенкевича, которая недавно была полностью опубликована, он встречался с Дмовским не менее восьми раз: в 1901, 1906 (несколько встреч), 1907, 1909, 1913 и 1914 г. Эти данные опровергают тезис о том, что их отношения ограничились периодом революции 1905–1907 гг. [19. S. 240]. Сенкевич привлекал Дмовского не только своей харизмой и талантом, но и репутацией независимого, ответственного гражданина и патриота, международным авторитетом и, конечно, огромной популярностью у аудиторий всех уровней (от крестьян до аристократии). Такой имидж делал писателя незаменимым «агентом» в тех делах, где одного лишь участия политиков оказывалось мало. Это касалось, главным образом, трех основных направлений, по которым Сенкевич сотрудничал со своими товарищами из национально-демократического лагеря.

Первое – это участие в антипрусской публицистической кампании и придание ей широкого резонанса в мире. Теме немецких репрессий Сенкевич посвятил не только несколько рассказов («Сахем», «Бартек-победитель», «Из дневника познанского учителя»), но и ряд опубликованных высказываний, произнесенных в Польше и за ее пределами. В полном собрании сочинений автора их насчитывается одиннадцать. Риторический пафос его выступлений основан на образах гонителя и жертвы, разоблачении аморальности государственных основ Германской империи.

Информационным поводом для высказываний служили громкие факты притеснений и насилия по отношению к польскому населению Познанской провинции и других областей, доставшихся Пруссии в результате разделов Речи Посполитой. Среди этих фактов и печально известная история, произошедшая в городке Вжесьня. 20 мая 1901 г. в местной школе на уроке Закона Божьего учитель наказал розгами 14 детей за отказ отвечать ему по-немецки. В результате у входа в учебное заведение собралась возмущенная толпа родителей, заявивших свой протест против такой «педагогике». Многие из участников стихийного выступления поплати-

лись серьезными штрафами и даже тюремными сроками. Новость о вжесенской истории моментально облетела польскую прессу. Весомый вклад в предание этого скандального эпизода гласности принадлежал Сенкевичу. В одном из публичных писем он дал произошедшему такой комментарий: «Ни на одного из школьных извергов не было поднято руки, не было нападений или актов насилия, и, однако, родителей этих маленьких детей, которых подвергла истязаниям прусская школа, прусский суд наказал длительным заключением – за то, что под влиянием отчаяния и жалости они слишком громко произнесли слова возмущения такой школой и такими учителями» [14. S. 124].

Обвиняя в бесчеловечности имперские власти, Сенкевич развивает мотив, лежащий в основе его романов «*Quo vadis?*» и «*Крестоносцы*»: никакая мощь административного механизма не может справиться с людьми, на стороне которых вера, правда и нравственное превосходство. В характеристику Бисмарка писатель привнес элементы созданного им образа Нерона. Он увидел в «железном канцлере» воплощение культа материальной силы, несовместимого с ценностями христианской цивилизации, дух древнего язычества. В 1895 г. по случаю 80-летия бывшего канцлера берлинский еженедельник «*Gegenwart*» провел опрос 20-ти ведущих европейских писателей: «Что вы думаете о Бисмарке?» Сенкевич воспринял анкету как повод высказаться о наболевшем. В отзыве, опубликованном в газете «*Kraj*», он, в частности, допустил, что германский лидер может импонировать немцам как воплощение силы, как мифический Тор из Валгаллы, который не поколеблется ударить своим молотом по голове каждого, кого сочтет за препятствие на своем пути. Однако он различал воинственный «прусский дух» и «чело немецкого общества», которому указал, что сила, не подкрепленная нравственным законом, ведет к краху даже самые могущественные государства. В 1905 г., на вопрос журнала «*Courrier Européen*» («Что вы думаете о немцах?»), писатель вновь ответил: «Чтобы оправдать свое существование, нужно иметь, кроме кулака и хлеба, еще какую-нибудь нравственную идею. Политическому могуществу Германии не достает таких идей, а вследствие этого ее расцвет не лежит в интересе человечества, но даже прямо противопоставляется ему» [15. С. 144].

Помимо публицистических разоблачений важным манифестом антигерманских настроений в польскоязычной среде стал роман «*Крестоносцы*». Благодаря ему политически активные соотечественники писателя получили возможность осознать историческую перспективу своей борьбы. Неслучайно в Силезии за хранение этой книги ученика могли отчислить из школы – германские власти относили ее к числу опасных возбудителей социальной обстановки [20].

Может показаться, что пафос морализаторства, свойственный Сенкевичу, не до конца соответствует идеологии эндеков, объявлявших руководящим принципом политической деятельности трезвый расчет, свободный от влияния эмоций. Тем не менее тексты писателя во многом способствовали созданию в польских землях антипрусской атмосферы, что было на руку национально-демократическому лагерю, делавшему ставку на слабую, по его мнению, а значит и более сговорчивую на уступки в случае глобальных перемен (таких как большая война) Россию. Более того, именно в «возрождении» национального самосознания в таких областях как Силезия, ведущих борьбу за свою польскость в экстремальной ситуации, Поплавский и Дмовский видели пример, способный повлиять на будущее нации в целом.

Вторым направлением сотрудничества Сенкевича с эндеками стала пропаганда стратегии НДП в период Первой русской революции, в том числе создание польской фракции в Государственной думе Российской империи первого созыва – так называемого Польского коло, объединившего депутатов по национальному принципу. По сути это был проект эндеков, наиболее представленных в первом

российском парламенте по сравнению с другими партиями Царства Польского (часть из которых игнорировала выборы, а пошедшие на них Партия реальной политики и Польская прогрессивная партия вступили в коалицию с НДП). По случаю этой инициативы Сенкевич выступил с речами в Варшаве, в которых объяснял задачи будущей фракции, а также участвовал в работе Центрального выборного комитета представителей Привислинского края в I Государственной думе [12. S. 253–254]. Кроме того, писатель обратился с рядом воззваний к соотечественникам с целью собрать средства на борьбу с голодом и хозяйственным упадком в городах Царства Польского. И если Ю. Кшижановский, автор «Календаря жизни и творчества Сенкевича», написал в 1956 г., что «партийное закулисье [этой политической акции] до сих пор неизвестно» [12. S. 366], то сегодня собранная корреспонденция проливает свет на этот вопрос. В письме жене Марии Бабской от 10 декабря 1906 г. свежеспеченный нобелевский лауреат делился соображениями: «Получил сейчас депешу от Дмовского следующего содержания: “Договоренность между партиями достигнута, Ваше участие обязательно. Письмо выслано”. Мое участие – это значит участие в Центральном комитете. Один раз я уже отказался от председательства, и если речь об этом – откажусь еще раз. Однако дело получилось хорошее, потому что благодаря ему большая масса так называемых беспартийных принимает дирекцию комитета и будет голосовать по его указаниям. Договоренность несомненно касается Национальной Демократии, реалистов и Польской прогрессивной партии. В стороне остаются, помимо социалистов, прогрессисты с Кемпнерами и Свентоховским, но сами по себе они ничего не значат.

И вот теперь солидарное Польское коло будет лицом не только одной партии, но и всей страны. Я этому рад, ибо дело нужное, спасительное, и я ему весьма поспособствовал» [9. Т. 4. Cz. 1. S. 466–467].

В следующем письме (17 декабря) Сенкевич продолжил: «Дмовский был у меня утром, а не застав, пришел снова и досидел до того момента, [когда я пришел], то есть до четырех. Разговор был о разных делах, но прежде всего о Центральном комитете. Выборы председателя состоятся на этой неделе. После долгих уговоров я согласился, чтобы моя фамилия значилась среди участников комитета, поскольку всем кажется, что это обязательно, но я сохранил себе свободную руку и совсем не хотел брать обязательств, что приму выбор на место председателя, хотя Дмовский доказывает, что иначе все объединение может из-за этого расколоться, ибо ни на кого другого не хотят согласиться все три партии. Окончательно дело решит совет с Марекем (так Сенкевич ласково называл жену. – А.С.). Что касается меня, то желания нет» [9. Т. 4. Cz. 1. S. 470–471].

Приведенные письма показывают, с одной стороны, то, как неохотно шел Сенкевич на ограничение своей свободы (а значит, и частых поездок, которые он любил совершать, и, разумеется, времени на писательский труд), а с другой стороны, то, как нуждался в нем Дмовский, которому необходимо было сделать хорошую рекламу своему проекту, придать ему статус выразителя общенациональных интересов. И, надо сказать, что во многом эти цели были достигнуты: после долгих уговоров Сенкевич согласился возглавить Центральный комитет [21. S. 41], а кроме того, он с энтузиазмом поддерживал эндеков пером.

В частности, писатель выступил в печати с осуждением «безмозглых» социалистов, пытавшихся, по его мнению, свергнуть страну в хаос, ибо сама по себе Польша не представляет для них ценности: «Я помню, с каким усилием отвлекали людей от польской идеи, от их любви к отечеству. Было бы ошибкою думать, что этих людей уже нет, или что они составляют незначительную горсточку. Варварский и лишенный мозга социализм местного изготовления, а также заграничный суррогат его употребления охватили солидные полчища, в особенности в рабочем классе, и сделали свое. Да ведь наконец мы имели и ре-

волюционные усилия – эту ничтожную и бессильную дочку бессильной русской революции. Вслед за матерью она бросила несколько бомб, убила несколько десятков русских полицейских, несколько сот польских граждан, а в конце перешла в то, во что и должна была перейти именно потому, что не была народной, – в обыкновенное бандитство» [7. С. 152]. Резюмируя сказанное, Сенкевич писал: «Нельзя выбирать из таких вот, которым сама Польша безразлична. Поэтому и нужно объединиться, забыть о мелких противоречиях, придирчивости, суетливой критике» [7. С. 155–156]. Последние слова, скорее всего, обращены к представителям прогрессистов, оппозиционно настроенных по отношению к НДП, в частности к А. Свентоховскому.

В том же воззвании затронута и еврейская тема: Сенкевич пытался классифицировать евреев на тех, которые разделяют польские интересы (а выражают эти интересы, конечно, партии, которые идут в Думу и ратуют за автономию), и тех, которые примкнули к враждебным «антипатриотическим» стихиям, рожденным под влиянием русского нигилизма: «К социалистам и прогрессистам, наконец, у нас принадлежат в значительной степени и образованные евреи. Многие из них открыто порвали с польскими идеалами, но собственно поэтому общество, приютившее тех, которые одинаково с ним думают, должно тем безусловнее оберегаться от таких, которые, плюя из социалистических и радикальных окон на “шовинизм” польский, усиленно практикуют шовинизм [...] еврейский» [7. С. 155].

Третьим направлением общественной деятельности Сенкевича, в котором безусловно прослеживается связь с эндеками, стала борьба за учреждение и легализацию Матицы школьной – культурно-просветительской организации, стремившейся создать в Царстве Польском сеть частных школ с преподаванием на польском языке. Главным инициатором создания и председателем правления Матицы был Антоний Осуховский, известный юрист, меценат и общественник, защищавший права поляков в Тешинской Силезии, Вармии и Мазурии. Сенкевич контактировал с Осуховским с 1900 г., а их длительная переписка свидетельствует не только о партнерских, но и о дружеских отношениях. По проекту писатель должен был исполнять роль популяризатора идеи Матицы, а также занять пост председателя Контрольного совета. По мнению М. Бокщанин, привлечение автора «Крестоносцев» на это место было попыткой Осуховского обозначить аполитичность своей организации [9. Т. 3. Cz. 2. S. 292]. Тем не менее эндеки оказывали поддержку этой инициативе и имели на Матицу определенное влияние. В письме Осуховскому от 26 февраля 1906 г. Сенкевич поддержал предложение мецената учредить Центральный комитет Матицы и рекомендовал в качестве его члена В. Яблоновского, литературного критика и близкого соратника Дмовского [9. Т. 3. Cz. 2. S. 322–323]. Из другого письма (14 мая 1906 г.) становится ясно, что Сенкевич и Осуховский специально встречались с лидером эндеков, чтобы обсудить свой проект [9. Т. 3. Cz. 2. S. 325–326]. Таким образом, деятельность по созданию Матицы логично вписывалась в общую стратегию НДП, заинтересованной в создании легальных культурных институтов, распространяющих образование в широких народных массах.

Сенкевич возлагал на Матицу большие надежды и уделил ей особое внимание. Публичные письма и тексты выступлений он писал, в том числе, с расчетом на интерес со стороны российского общественного мнения, а вернее либеральной его части. Отсюда умеренный тон и попытка убедить адресата в том, что преподавание на польском языке в Царстве Польском соответствует интересам как империи Романовых, так и ее подданных-поляков. Эти меры действительно имели некоторый эффект: в 1905 г. открытое письмо Сенкевича по поводу Матицы напечатала петербургская газета «Русь»; в 1906 г. Сенкевича пригласила на свое заседание Петербургская лига просвещения. В интервью газете «Биржевые ведомости» пи-

сатель заявил о том, что в случае наделения Привислинского края автономией, в нем бы открылось 5 тыс. школ [12. S. 251–252, 256].

Одно из самых известных воззваний писателя к соотечественникам называется «Народ самому себе»: речь шла о сборе средств на учреждение польскоязычных школ. Сенкевич отметил способность поляков жертвовать на общественное благо и призвал их сделать это еще раз: «Весь народ понял, что если бы Матица сумела обнять те широкие пространства, которые она намеревается охватить, если бы ставши на сильном основании, она могла и была бы в силах исполнить подъятую задачу, то в течение нескольких лет выросло бы просвещенное, моральное и благородное поколение, слившееся в единый просвещенный, моральный, благородный и патриотический народ» [22. С. 134].

Несмотря на солидную публичную кампанию и первоначальный успех, легальной Матице не удалось стать долгосрочным проектом (она просуществовала около года, пока правительство не отменило разрешающий указ). Поняв, что в условиях юридической шаткости дальнейшие призывы к пожертвованиям могут превратиться в обман населения, Сенкевич отказался от участия в организации Матицы. Колебания возникали у него и раньше. В письме Осуховскому от 2 июня 1906 г. писатель объяснял, что не хочет подвергнуть реакции имперской бюрократии столь важный для поляков институт [9. Т. 3. Cz. 2. S. 326–327].

Таким образом, несмотря на идеологические расхождения, Г. Сенкевич и лидеры национально-демократического движения во многом находили общий язык. Опорой их союза стало взаимное восприятие Германской империи как главной угрозы для будущего польской нации, а также общее желание противопоставить деструктивной линии социалистов патриотическую программу, нацеленную на автономизацию Царства Польского и создание легальных культурных институтов, укореняющих национальную идею в массах. При этом нельзя сказать, что эндеки открыто манипулировали авторитетом писателя: напротив, они были заинтересованы в том, чтобы его имя придавало проектам движения сверхпартийный статус, впечатление их общенациональной значимости. Кроме того, коалиция НДП с Партией реальной политики и Польской прогрессивной партией требовала участия авторитетного «агента», не выражающего чьих-либо узких интересов. Сам Сенкевич рассматривал встречи с Р. Дмовским как реальную возможность внести свою лепту в политику – именно в эндеках он видел силу, способную достичь позитивных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 1996.
2. *Chwalba A.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 2006.
3. *Bogucka M.* Kultura. Naród. Trwanie. Dzieje kultury polskiej od zarania do 1989 roku. Warszawa, 2008.
4. *Prawda.* Tygodnik Polityczny, Społeczny i Literacki. 1884. R.4. № 27.
5. *Walicki A.* Narodziny i rozwój integralnego nacjonalizmu przed rokiem 1918 // *Walicki A.* Naród. Nacjonalizm. Patriotyzm. Warszawa, 2009.
6. *Bujnicki T.* Zamiast się spierać – czytać // Po co Sienkiewicz? Sienkiewicz a tożsamość narodowa: z kim i przeciw komu? Warszawa, 2007.
7. *Сенкевич Г.* Народное объединение // *Сенкевич Г.* Два луга. М., 1909.
8. *Сенкевич Г.* Пан Володыёвский. М., 2007.
9. *Sienkiewicz H.* Listy. Warszawa, 2007–2009. Т. 1–5.
10. *Romanowski A.* Czy Sienkiewicz odpowiada za księdza Rydzyka // Po co Sienkiewicz? Sienkiewicz a tożsamość narodowa: z kim i przeciw komu? Warszawa, 2007.
11. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
12. *Krzyżanowski J.* Henryk Sienkiewicz. Kalendarz życia i twórczości. Warszawa, 1956.
13. *Czas.* 1908. № 125.
14. *Sienkiewicz H.* Dzieła. Warszawa, 1950. Т. 48.

15. *Сенкевич Г.* Опрос // *Сенкевич Г.* Два луга. М., 1909.
16. *Neumann I.B.* Uses of the Other: the East in the European identity formation. Minneapolis, 1999.
17. *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.
18. *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa // *Dmowski R.* Pisma. Częstochowa, 1937. Т. 5. Cz. 1.
19. *Ładyka-Nofer A.* Henryk Sienkiewicz. Warszawa, 1965.
20. *Konieczna T.* «Krzyżacy» na Śląsku // Henryk Sienkiewicz. Twórca i obywatel. Opole, 2002.
21. Tygodnik Ilustrowany. 1906. № 2.
22. *Сенкевич Г.* Народ самому себе // *Сенкевич Г.* Два луга. М., 1909.

© 2012 г. Н.В. ШВЕДОВА

ТЕМЫ ЛЮБВИ И СМЕРТИ В ПОЭЗИИ СЛОВАЦКОГО НАДРЕАЛИЗМА

В словацком надреализме – национальном варианте сюрреализма – очень важную роль играли категории любви и смерти. Их слияние и противостояние рождали яркие эротические образы и имели антивоенную направленность.

Categories of Love and Death were very important in Slovak nadrealism, a national variant of surrealism. Their junction and confrontation gave rise to bright erotic images and had an anti-war trend.

Ключевые слова: словацкая поэзия, надреализм, любовь, смерть, эротика, катастрофа.

Словацкий надреализм – ответвление общемирового сюрреалистического движения, зародившегося во Франции в первые десятилетия XX в. В Словакии о сюрреализме знали еще в 1920-е годы, но собственное направление сложилось к концу 1930-х, хотя первая книга – «Отрубленные руки» Р. Фабри – появилась в 1935 г. В начале 1939 г. словацкий сюрреализм получил словакизированное название «надреализм». В движении участвовали поэты, художники, критики. Пик надреализма пришелся на первую половину 1940-х годов, т.е. на годы Второй мировой войны. Антифашистская позиция движения, заявленная еще в 1938 г., и ориентация на новейшие достижения современной поэзии, в том числе и чешской, вызывали противодействие официальных критиков в годы существования Словацкого государства, сателлита гитлеровской Германии (1939–1945). Однако привлекательность нового направления в литературе и изобразительном искусстве, заключавшаяся в небывалом раскрепощении творческой фантазии и вторжении в неизведанный мир подсознания, завоевала сердца молодых деятелей культуры, а затем и читателей. Достижения надреализма за неполные 15 лет его существования (примерно 1935–1949 гг.) повлияли на искусство Словакии второй половины XX в. и не потеряли актуальности до сих пор. Это движение справедливо считается одним из самых значимых для национальной культуры, наряду с романтизмом XIX в. Символизм начала XX в. такой мощной школы не создал, хотя его влияние также было очень велико.

Словацкий исследователь европейского сюрреализма Богуслав Ковач писал в 1960-е годы: «Сломить сопротивление материи, предметного мира, прожечь его уничтожающим пламенем любви, чтобы он стал единственным сюрреалистическим объектом, с которым человек бы мог отождествиться, образно говоря, “в единой душе и одном теле”, в едином горении, ликвидирующем бессмысленность жизни и ее противоречия, – в этом смысл сюрреалистической деструкции

Шведова Наталия Васильевна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

реальности, ее превращения в хаос» [1. S. 309]. Однако ситуация в Европе начала 1920-х и начала 1940-х годов была принципиально различной: первый период был связан с окончанием одной мировой войны, второй – с разгаром другой, еще более страшной. Сама действительность начала 1940-х годов напоминала кошмарные галлюцинации, уютный мир разлетелся на тысячи осколков, пусть даже в самой Словакии военные действия начались в 1944 г., в связи со Словацким национальным восстанием. Буквально на той же странице своей монографии Ковач писал о «сюрреализме» Второй мировой войны, ссылаясь и на других исследователей, говорил о том, «какой безупречный мир “сюрреалистических” объектов создали фронты и тыл» величайшей войны XX в. Это накладывало своеобразный отпечаток на словацкий надреализм. Как пишет Л.Н. Будагова, «искусство словацких надреалистов [...] стало формой бойкота действительности и эзоповым языком протеста» [2. С. 209]. Головокружительные полеты фантазии, упоение новой образностью наталкивались на катастрофические последствия деструкции действительности в пожаре войны. Славянский менталитет и неразорванные связи с национальной традицией, вкуче с вышеназванным, лишали понятие смерти эстетического ореола, созданного для нее сюрреализмом. В любви же высвечивался не только фрейдистский сексуальный аспект, новый для словацкой поэзии, но и ее гуманистическая сущность.

С этих позиций и следует рассматривать темы любви и смерти, значимые во все времена, в поэзии словацкого надреализма. В остальном к освещению этих тем словацкими поэтами применимы те общие категории, которые выделяют современные исследователи сюрреализма. Двуединство названных тем, на наш взгляд, замечательно передал крупнейший российский знаток сюрреализма Л.Г. Андреев: «Сюрреалистическая “загадка” со всеми ее несообразностями передает томительную атмосферу желания, усиленную фрейдистским комплексом желания смерти объекту эротических устремлений» [3. С. 155]. О сходных вещах говорил и словацкий исследователь надреализма М. Гамада: «Субстратом сюрреалистической поэзии, в том числе поэзии нашего надреализма, является эротичность [...] Любовь и смерть – смыслообразующая сила, семантический жест вершинных произведений нашего надреализма, которые мы назвали лирическими поэмами, – “Станция смерть” Жари, “Нереального города” Райсела и “Я это кто-то другой” Фабри. Во всех трех мы находим симбиоз Эроса (инстинкта любви) и Танатоса (инстинкта смерти)» [4. S. 607–608].

Упомянутые Гамадой произведения созданы центральными фигурами словацкого поэтического надреализма: Рудольфом Фабри, Владимиром Райселом и Штефаном Жари. Написаны эти поэмы в конце 1930-х – начале 1940-х годов.

Поэма Жари «Станция смерть» вошла в его первый надреалистический сборник «Зодиак» (1941). Как и положено сюрреалистическому произведению, она объединяет в себе разнородные фрагменты: любовные признания, философские рефлексии, впечатления, нанизанные на вольную сюжетную нить. Таких нитей в поэме две: мотив блуждания по городу, связанный у сюрреалистов с понятием «объективной случайности», и мотив поезда, несущего героя к пункту назначения – станции под названием «Смерть». Любовные пассажи пронизаны ощущением осени – метафорического чувства угасания любви и жизни. «Меня заразила проклятая муха осень // Которая есть предвестник каждой смерти» [5. S. 449]¹. Тишина, немота, «перебои пульса» любимой – эти повторяющиеся констатации также работают на образный мотив угасания. В поэме часто встречаются образы, связанные с жестокостью, насилием. «Жестокость воплощается в сюрреализме не только на тематическо-идеологическом уровне, но и на уровне художественной

¹ Словацкие надреалисты отказались от пунктуации, что проявилось и в названии поэмы Р. Фабри.

формы, соответствующей поэтике “разрыва”, – читаем мы в «Энциклопедическом словаре сюрреализма» [6. С. 184]. Причем у Жари соединяются два видения жестокости: преобладает то, которое связано с реальной жестокостью военного времени (картины катастрофы, незащищенность центральных персонажей), но присутствует и то, которое свойственно «исходному» уровню сюрреализма как «сознательная игровая установка» [6. С. 185]. Последнее обычно ощущается как включение фантазийного сюрреалистического начала в картину насилия, любви, похожей на казнь, например:

Когда будут все вдовы как одна вдова
Вдова оплакивающая детство
Свое созревание брожение
Свою девственность
Когда будут все могилы как одна могила
Могила с коленями полуденной феи
Могила с коленями серебряной раковины
Могила близорукости
Когда будут все рассветы как один рассвет
В котором плавает топор палача [...]
Загасите нежной слюной мою свечку
Переверните меня вверх дном
Вытечет из меня перезревший виноград
Со впечатляющим клочкотанием [5. S. 446–447]

«Садистские» метафоры, сопряженные с любовью, у Жари всегда яркие, необычны и притягательны игрой воображения. В поэме много образов, связанных с израненным или расчлененным телом («разорванные конечности», «раненные животы» и т.п.), с трупами, атрибутами кладбища. Женщина в поэме Жари многолика, это буквально незваловская «женщина во множественном числе», иногда сменяющемся единственным. От Незвала – и любимая надреалистами анафора:

Ты должна была прожить эту жизнь
Ты должна была во мне разочароваться
Ты должна была услышать мой траурный салют
Ты должна была впитать запах места казни
Ты должна была сдаться ветру который стерег мой труп [5. S. 453]

Нельзя отрицать, что нагромождение подобных образов навеяно событиями войны. Влюбленные должны погибнуть не только от жестокой любви, но и от реальной жестокости времени. «Не этот рот для пушечных поцелуев // Не эта грудь для нацеливания пуль» [5. S. 453] – внешняя, политическая жестокость угрожает сладким страданиям любви. Гибнут женщины, гибнет их любовь, без которой нет жизни. Лирический герой говорит «падшим женщинам» (причем слово «падший» можно истолковать и как «физически погибший»):

Где ради Бога ваши руки которые обнимали поэтов [...]
Где огниво вашего изумрудного зора
Почему замолкла арфа вашей талии
Кто погасил полярную звезду вашего лба
Кто разрубил обруч ваших обнимающих рук
Без вас я сломанное колесо
Я распадаюсь и гнию
Как без всех женщин которых я никогда не знал [5. S. 447–448]

Можно также заметить, что мотив отъезда, ухода, настойчиво звучащий в поэме, в истолковании сновидений З. Фрейда связан именно со смертью.

Второй сюжетный мотив – блуждание по городу также отмечен «похоронными» ассоциациями. Это поиски не только любви, но и вдохновения, интересных встреч (в том числе – со «Странным Янко», знаменитым словацким романтиком Янко Кралем, кумиром надреалистов). Это атмосфера не только улиц, но и артистических кафе, где рождалась французская и иная поэзия, атмосфера абсента, табачного дыма, аромата кофе. Но и здесь притаилась смерть: «Как мертвенно поет кофе который я потягиваю // На бильярдном столе торчат шары как погасшие миры» [5. S. 451].

Прибыв на «станцию смерть», лирический герой отмечает: «Это вроде бы и не я» [5. S. 455]. Формулировка «Я – это другой» восходит к предшественнику сюрреалистов Артюру Рембо. Вариант этого высказывания стал заглавием поэмы Фабри, где этот «другой» – отчужденное лирическое «я». Есть в произведении Жари и образ женщины, бьющейся в конвульсиях, – «конвульсивная красота» сюрреализма, эротическое наслаждение с элементом страдания, произвольность поведения. Жари написал статью «О конвульсивной красоте» (1941).

Поэма «Станция смерть» – апофеоз любви, гибнущей в жестоком мире. Эстетическое восприятие смерти, характерное для западного сюрреализма, у словацкого поэта вытесняется чувством тоски, утраты желанного, потерей самого себя.

Один из самых ярких и эмоциональных поэтов надреализма, Владимир Райсел, развивал темы любви и смерти не только в поэме «Нереальный город» (1943), но и в двух сборниках преимущественно любовной лирики. Это книги «Я вижу все дни и ночи» (1939) и «Темная венера» (создана в 1938–1940 гг., опубликована в 1967 г.).

«Нереальный город», как и «Станция смерть», пронизан мотивами блуждания по городу и случайных встреч, но разрозненные фрагменты впечатлений (в оптике воспоминаний) нанизаны на автобиографичные сюжетные нити. Встречи и разлуки пары влюбленных итожит роковое расставание, напрямую связанное с надвигающейся войной. «Меланхолия» и «ностальгия» – любимые слова Райсела, определяющие смену настроений лирического героя. Тема любви звучит в поэме все же сильнее, чем тема смерти; последняя проходит пунктиром, часто без явной связи с первой. Поэт благодарен своей Музе за вдохновение, за калейдоскоп образов (в котором больше гармонии и света, чем в лирических циклах) и за реальную любовь, которую она ему подарила. Смерть видится скорее как «исчезновение» любви и «нереального города», где она состоялась.

Ведь по здешним обычаям
Люди встречаются только раз
Чтобы исчезнуть
Как лампы любви
Ибо написано
Что пропажа как смерть [7. S. 470–471]

Мотив поезда есть и у Райсела, причем он обрамляет события поэмы буквальным повтором строки – «Я сижу в купе поезда набитого мертвыми существами без лиц». Однако это не поезд «до станции смерть», это поезд, соединяющий героя с «нереальным городом» его надежд и любви. Если назвать его поездом «Прага – Братислава», это будет неоправданным упрощением. В Праге учился поэт Райсел, там он встретил свою Эмилию (портрет которой в комнате друга упоминал в своей прозе Штефан Жари), оттуда уехал в 1939 г. из-за политических перемен, но в его поэме создан

...Этот нереальный город
Который исчезает
Навсегда
И наша любовь в нем
И наши шаги на его мостовой [7. S. 489]

Наиболее интересным нам представляется у Райсела мотив слияния любви и смерти, который мелькнул в «Нереальном городе» лишь раз – когда по закону «объективной случайности» герой встречает женщину, которую искал:

Я хотел бы здесь умереть
Именно при вашей речи именно при вашем молчании [7. S. 465]

Б. Ковач писал в своей монографии о сюрреализме: «Наслаждение как смерть и рождение воедино [...] Этот двойной аспект уничтожения и нового рождения в наслаждении (в любви) является существеннейшей чертой сюрреалистической инспирации» [1. S. 306]. Образы, связанные со смертью, пронизывают всю поэтическую ткань первого сборника Райсела. «Луна портрет убитой возлюбленной», «Дай мне умереть в твоём кошмарном боку», «Помешайте моей смерти // Раздеться // Я отдаюсь ей», «Но эта птица луна над самоубийственным морем // Мертва как я и ты», «Мы ляжем оба в общую могилу такие нагие такие наивно слепые» – эту цепь примеров венчают строки из стихотворения «Для того которого ты любила»:

Карта жизни которая закрывается перед большим объятием мужчины
Перед угасающей границей между мной и тобой
Перед решающим шагом пережить вечность в одну минуту
Потом умереть [...]
Умереть ради того кто тебя мучил
Который тебе вечно возвращал очарование [8. S. 70]

Желание умереть у Райсела компенсируется желанием пережить прекрасные минуты любви. Смерть мыслится здесь как уход от обыденности, как достижение исковой сюрреальности в соединении двоих. «Как меня может не впечатлять тело той что явилась // Чтобы открыть конец всего // Смерти // Жизни» – это уже цитата из книги «Темная венера» («Фиолетовое явление») [8. S. 190]. Картины слияния тел влюбленных экспрессивны и чисты, они есть и в названной книге, и в «Нереальном городе».

Два рта два рта взаимно утопающие
Два рта уничтожающие контуры давних гор
В длинном поцелуе свободы
(«После одной зеленой ночи») [8. S. 187]

Я спрашиваю у тебя совсем по-детски отдалась ли ты моим рукам [...]
И так наша любовь застывает в виде звезды
Я уже весь в тебе
Ты уже вся во мне
(«Нереальный город») [8. S. 485]

Там же – о «каменных влюбленных» в парке:

Они обнимаются нагие на базальтовом пьедестале
Все время в одном положении меланхолического скрещения двух миров
Прекрасные неподвижные творцы ностальгии вечные факелы поисков и сумрака
Но есть здесь и живые влюбленные [...]
Если кто-то пройдет около откроет глаза как при рождении [8. S. 468]

Смерть в этом примере не упоминается, но есть рождение в минуты любви – рождение самих влюбленных. Не случайно цитата взята из «Нереального города», более просветленного, чем сверкающие метафорами, но все же сумрачные, болезненные стихи лирических циклов. Владимир Райсел в 1960-е годы объединил

свои четыре книги надреалистического периода в томе под названием «Первые грустные наслаждения» (по аналогии со сборником «Грустные наслаждения», 1966, где автор вернулся к интимной лирике). Любовь и смерть шли в стихах первых двух сборников рука об руку, но смерть не имела той отталкивающей окраски, какая была в поэме «Станция смерть» Жари.

Первопроходец надреализма (тогда еще сюрреализма – сборники «Отрубленные руки», 1935, «Водяные часы часы песочные», 1938) Рудольф Фабри смело вторгся в сферу любовной лирики, традиционно окруженную у словаков целомудренным ореолом. Вначале это явный эпатаж «почтенной публики»: в первом сборнике – эксгибиционизм лирического героя, намеки на оральный секс (цифры 6 и 9), сифилис и т.п. «Стихотворение» «Врата глубокой женственности» вообще представляет собой рукописный текст, закрытый кляксой на полстраницы. Для Фабри, как и для Жари, связанные с телом и телесной близостью образы часто шокирующе неприятны, чего нет у Райсела. В первом сборнике, например: «Я пропадаю за красивейшими оградами мира // За ее губами как мертвые медузы» («Как это у тебя долго длится») [9. S. 24]. Во втором – в стихотворении «Сад жестокостей»:

Что ни есть растягивает разинутый клюв страшного оружия
Которое тебя хрупают в своей глотке
Где холодит температура ужасно низкого достоинства
Куда долетают смердящие обрывки
Полные гноя и коровьих половых органов
Эти страшные груди черных туч сосущие кровь [...]
Страшные трупы и гул их гниющих легких
Которыми лакомятся паршивые кошки
Теряющие на ветру ключья кровавых косм
Открывающие свои скулящие мочевые пузыри
Развратничающие с собственными внутренностями [9. S. 135]

Сборник вышел в 1938 г., так что непосредственной связи с войной в нем нет. В поэме «Я это кто-то другой» (1946) подобных образов меньше, и связаны они обычно с апокалиптическими картинами «гибели Земли». Лирический герой и его проводник, демон Феней, видят, в частности, «туловища полные гадких жуков // плодившие жаб человеческих идеалов // и вздыхавшие от бешеной страсти к крови загустевавшей в золото» [9. S. 183]. Далее, в связи с «героической ратью» завоевателей, – «водопады течения // захватывающего и летящего прямо в половую щель ночи // куда липнут губы отвращения // с глотками сероглазых обезьян» [9. S. 184]. Подобные образы лишь косвенно ассоциируются с половым актом мужчины и женщины. Любовь в этой поэме, как мы увидим, часто сопряжена со смертью, но для лирического героя и его возлюбленной она не подвластна грязи и разложению, сопровождающим картины уничтожения.

Важен для раннего Фабри и мотив «пожирания» возлюбленной. В прозаическом фрагменте из первого сборника «Из потерянной записной книжки», с эпиграфом из С. Кьеркегора о навязанной человеческому сознанию с детства несвободе, есть строки о «канибализме». «Оставим себе единственный выкрик: “Пожрем друг друга”». Далее, после довольно эпатажирующих подробностей «пожирания», следует фраза: «Самой вкусной для меня была бы моя возлюбленная» [9. S. 40]. В композиции «Ясное зрение» из второго сборника появляется желанная женщина («ты») «с канибальским маковым пирожком твоих бедер» [9. S. 96]. Далее: «Если бы она иссекла гордые пчел своих вен // Густая туманность крови избежала бы грусти» [9. S. 98]. Все это вписывается в понимание жестокости у сюрреалистов. «Птица мертвых возносится на хлорных крыльях // Разрывает живое тело и по куску спускается // В глубину в сильные потоки темноты // За тайнобрачным

цветком глубоких вод ее любви» [9. S. 112]. Исследователи сюрреализма отмечают: «Большое пристрастие сюрреалисты проявляли к анатомической топике» [6. С. 184]. У Фабри в «Ясном зрении»: «Женщина со ртом и взглядом женщин // С телом которое описывает анатомия» [9. S. 97]. Далее уже мужчина-завоеватель оказывается «кровосмесительной связкой мышц // Которые описывает анатомия» [9. S. 101]. В стихотворении «Однажды я видел»:

...Существа подобные рабовладельческой песне невыразимого
Порабощенные человеком который срывает гроздь богатства
Груды девушек прозрачные как мозги птицы
Груды девушек тяжелее моих снов
Металлические полусферы большие орлы
Выстреленные из пушки при вспышке зорь
Цвета детских внутренностей [9. S. 131]

Анатомические детали присутствуют и в изобразительном искусстве Фабри, который имел художественное образование, – в его коллажах: кости скелета, освобожденные от кожи мышцы и т.п. Подобные коллажи иллюстрировали стихи самого Фабри, Райсела и других поэтов.

В поэме «Я это кто-то другой» образы анатомического толка возникают в связи с темой смерти. Сложный образ «и солнце у тебя пропадет из виду // как розовый мозг ребенка в гробу» [9. S. 161] соотносится с картиной сюрреалиста Джорджо Де Кирико «Мозг ребенка», которую можно истолковать как возвращение во сне к детскому сознанию, не отягощенному всяческими препонами. «В гробу» – т.е. и этому состоянию угрожает смерть.

Однако и у Фабри любовь – это прежде всего животворная сила. В «Ясном зрении» соединение мужчины и женщины должно вести к сотворению «иного человека // Далекое от наших времен // Ни раба ни рабовладельца // Который не покорился бы коровам изобилия» [9. S. 102], – налицо социальный аспект, всегда значимый для Фабри. В прозаическом вступлении к сборнику «Водяные часы...» поэт пишет: «Любимая, где бы ты ни была, живая или мертвая, ночи записали твои движения [...]. Хотя я и заслужил этот удел, мне все-таки осталась единственная радость, что ты не избавишься от моей мечты, как и я не смогу избавиться от живой дрожи твоей нездешней груди [...] Чем же является все против той безмерности, которую ты мне подарила. Чем же является все против наслаждения, которое поддерживает движение моей склонности к проникновению в неизвестное, надушенное слезой зарождения, к проницанию в туман со снегом сна» [9. S. 60]. Любовь становится и орудием познания, движущей силой поэзии. В стихотворении «Разговор» из второго сборника, где встречи людей оказываются неким мистическим обрядом, финал таков:

Счастливого пути и без возврата
В ту эпоху в то столетие
Где смерть это счастье
Нет
Любовь это счастье [9. S. 120]

В стихотворении «Хвала чисто окрашенной неги» трудная и короткая жизнь оказывается «прекрасной // Благодаря абсолютному наслаждению // Которое есть сильнейший носильщик // Всех тягот и всяческих» [9. S. 141]. Здесь мы видим одну из антиномий, в связи с которыми словацкие ученые (С. Шматлак и др.) говорят о барочном характере надреализма Фабри.

Поэма «Я это кто-то другой» в самом общем плане может быть названа поэмой о будущем Земли. Любовные пассажи перемежаются с повествованием о встречах лирического героя с демоном Фенеем – «дьяволом метафоры», раскрепощающим

воображение и позволяющим видеть ночные пророчества, сопоставимые с Апокалипсисом (подробнее см. [10]). Вселенной угрожает тотальная гибель – такие картины нарисованы в главах о первой и второй встрече с Фенеем, но в написанной позже главе «Это я» автор констатирует: «Ничто еще из пророчества Феней не сбылось» [9. S. 189]. Тема смерти становится одной из важнейших в поэме, смерть угрожает и любви – в этой связке они возникают в лирических частях произведения.

Ты станешь прозрачной как желтые крылья смерти
будешь легкой как эхо голоса зовущего на помощь
под плащом ночи с серебряными слезами
Я размножу часы твоего умирания
мгновения мучений станут сладкими на твоих губах [9. S. 158]

Здесь смерть предстает красивой, потому что ее освещают любовь и фантазия. Поэт, уже позвавший в этот мир Фенея, и сам наделен властью – силой воображения. Он говорит о «красивейшем» лице возлюбленной, с которым она будет «странствовать в неизвестность»:

Только о нем будут рассказывать
о лице которое выдумал я
старый пройдоха и служитель ночи
я скромный служитель юных муз поэзии [9. S. 159]

В других случаях смерть предстает как холод: «Глаза у тебя замерзнут как колышки у кустов роз // когда ты увидишь меня посинелого»; «Щеки у тебя побелеют // изморозью покроешься и в инее обледенеешь» [9. S. 155, 160]. Со смертью связан и образ дыма – трижды в одном лирическом фрагменте и в конце «Второй встречи с Фенеем», где последний назван «молчаливым дымом», хотя «у него еще тысяча других имен» [9. S. 186]. Еще будут «дым мысли», который намерен показать Феней, и «дым и чернота этого мира».

В первых, лирических частях поэмы герой и себя готов видеть умирающим в ситуации, окрашенной эстетичностью и эротикой:

Есть ли что-нибудь прекраснее чем прославлять женщину
когда дрожишь от ужаса тайны ее страшной любви
и боишься что она другого на эту жестокую смерть благословит
завидуешь умиранию в ее объятии как фиалки
душистом и огромном как то чего никто не понимает
в руках нежных о мясо представления
одним глотком залпом бы я его выпил
отрекаясь от неба и земли
только бы оно осталось навеки моим [9. S. 162]

...Я не знаю кто я
живу ли я без тебя
или я мертв с тобой
в той любви что ты излучаешь вокруг себя
и любовь угрожает [9. S. 163]

Так любовь и смерть соединяются, одновременно внушая ужас и вождление. А после картин гибели Вселенной, когда Феней уходит вместе с ночью, предчувствие конца вытесняется «поучением мудрости»:

Если рождение причина смерти
то правда яснейшая солнечная
что начало это брат конца
смерть это сестра жизни [9. S. 177]

Лирический герой констатирует: «Сразу мне показалось все прекрасным», – но любимая женщина в минуты катастрофических видений потерялась, а в финале «Первой встречи с Фенеем» трансформировалась в образ матери, которой также «здесь нет». Зато во «Второй встрече с Фенеем» показаны «паршивое лицо крашенное дурманным медом», «лицо щита современной Горгоны» [9. S. 184], означающее всякую фальшь человеческих отношений, и целый ряд женщин, знатных и незнатных, отмеченных распутством. Уже вернувшись из мысленных путешествий, герой отмечает, что любимой среди них не было.

В двух последних частях поэмы, написанных в 1945 г., воспевается перспектива новых социальных отношений; образ любимой там лишь мелькает. Значимыми для развития тем любви и смерти становятся отдельные строчки:

...Если бы кто-то из нас и стал бессмертным
он точно бы погиб любопытный до смерти [9. S. 190]

Отдалившись от центра тяжести нынешнего дня
я буду воспевать прославленную фикцию любимой женщины [9. S. 191]

Однако поэт слишком притянут «нынешним днем». Фабри, как и его собратья по надреалистическому цеху, в 1950-е годы выступает с позиций социалистического реализма. Смерть и эротика в этом контексте не звучали.

Итак, у Рудольфа Фабри мы видим сложное взаимоотношение и взаимопроникновение любви и смерти. Смерть может быть эстетичной и отвратительной, но любовь постепенно становится основной положительной ценностью, которая делает привлекательной даже гибель.

В поэзии ведущих словацких надреалистов важнейшие для их направления категории любви и смерти рассматриваются как неотъемлемые признаки человеческого бытия. Надреалисты активно используют откровенно эротические мотивы в поэзии. Смерть, проникнутая любовью, становится желанной, однако смерть, угрожающая всему человечеству, смерть в результате вселенской катастрофы, может быть только образным предостережением. Расставание влюбленных перед лицом мировой войны мыслится как потеря, соизмеримая со смертью. Военные события вносили коррективы в сюрреалистическое понимание смерти как эстетического явления. Но категория любви же оставалась доминирующей в творчестве надреалистов, давая возможность создавать новаторские, художественно полноценные и лично яркие поэтические произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kováč B. Alchýmia zázračného. Bratislava, 1968.
2. Будагова Л.Н. Сюрреализм в славянских литературах: специфика и судьба // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008.
3. Андреев Л.Г. Сюрреализм. М., 2004.
4. Hamada M. Nadrealizmus – Avantgarda 38 // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006.
5. Žáry Š. Stanica smrt' // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006.
6. Гальцова Е.Д. Жестокость // Энциклопедический словарь сюрреализма. М., 2007.
7. Reisel V. Neskutočné mesto // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006.
8. Reisel V. Prvé smutné rozkoše. Bratislava, 1968.
9. Fabry R. Uťaté ruky. Vodné hodiny hodiny piesočné. Ja je niekto iný. Bratislava, 1966.
10. Шведова Н.В. Видение войны в поэме Рудольфа Фабри «Я это кто-то другой» // Опыт истории – опыт литературы. Вторая мировая война: Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.

© 2012 г. З.И. КАРЦЕВА

РОМАН ЭПОХИ КОНЦА ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЫ)

Все чаще новые романы в России и других славянских странах дают нам повод говорить о «конце» литературы, которая теряет свою онтологическую сущность, превращаясь просто в «комфортабельный досуг», «продукт», «бренд».

Increasingly, new novels in Russia and other slavic countries give us reason to speak about the «end» of literature, which loses its ontological essence and will turn into a «comfortable leisure», «product», «brand».

Ключевые слова: литературоцентризм, роман, вербальность, рынок, бренд.

Проблема «конца литературы» в последние годы – в центре внимания целого ряда серьезных исследователей: философов, филологов, искусствоведов, критиков. Но характерно, что и сторонники эсхатологических идей Освальда Шпенглера (В. Мартынов, М. Виролайнен, И. Кондаков, Е. Абдуллаев) [1; 2], эти явные пророки заката и конца литературы и вообще всяческого искусства, явно испытывающие своего рода «эстетическую усталость» (С. Гандлевский) от «передоза» ярких эстетических теорий 1980–1990-х годов, как и их оппоненты (А. Латынина, И. Роднянская, Л. Бакши) [3; 4], отрицающие инволюционность современных процессов в культуре, сходятся в одном: *с литературой что-то происходит, что-то странное и непонятное. Что-то действительно кончается:* идет явный процесс «убывания», и нынешнему взгляду открывается не столько горизонт, сколько «обрывистый рубеж» (Е. Абдуллаев).

Но что именно кончается?

Современная культура утрачивает свою литературоцентричность, привязку к литературно-словесным формам самопрезентации, вербальному выражению идейно-образного содержания своего времени. Литература – уже не центр нашей культурной вселенной, она лишилась своей онтологической сущности.

Впрочем, такое уже случалось, например, в русской классической литературе XIX в. (победа «критикоцентризма» Белинского, Чернышевского и др.), затем в период Серебряного века, когда невербальные виды искусства активно демонстрировали свою «культурную эмансипацию», творческую независимость от литературы и словесных средств. Третья фаза кризиса литературоцентризма приходится уже на советский (социалистический – в Болгарии) период истории литературы, подвергавшейся сильнейшей политизации и идеологизации [2. С. 34].

Ну и, наконец, в наши дни литературы практически всех стран (в том числе, разумеется, России и Болгарии), пройдя все эти звенья в цепи эсхатологических кризисов, после **первого** «уровня канона» (М. Виролайнен), или «иконосферы»

Карцева Зоя Ивановна – канд. филол. наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

(по терминологии В. Мартынова) – времени культурообразующего значения обряда и ритуала; после **второго** «уровня парадигмы» (М. Виролайнен), или «сферы культуры» (по В. Мартынову) – т.е. нормативных образцов, диктуемых государством; и, наконец, после **третьего** «уровня слова» (М. Виролайнен) – эпохи литературоцентризма, или «сферы цивилизации» (по В. Мартынову), миновали «точку невозврата» (В. Мартынов) в своем регрессивном движении по нисходящей и становятся объектом самого мощного, **четвертого**, кризиса литературоцентризма – *одноуровневой* (или даже *уровня «минус один»*) стадии «непосредственного бытия» «пластмассового века» (М. Виролайнен), или «информосферы» (по В. Мартынову)¹.

Правда, причин, приводящих к размыванию литературоцентризма, сейчас явно прибавилось. Это, прежде всего, уже знакомое, но неизмеримо усилившееся наступление на современную литературу эстетики невербальных (визуальных, аудиальных, пластических) искусств, освободившихся ради «взаимного искупления» от своего «эгоизма» (Р. Вагнер); влияние TV с его клиповым нелинейным сознанием и лоскутным одеялом клишированных фрагментов, но (особенно! конечно же!) разрушительное обаяние Его Величества Интернета, кардинально изменившего наши представления об Авторе и его возможностях в виртуальном мире.

И все-таки главная причина – воздействие РЫНКА (как такового) и рынка развлечений, признающего за литературой одну-единственную социально-эстетическую функцию и цель – *приносить удовольствие* новому (массовому или гламурному) читателю [5. С. 30]. Эта «приносящая удовольствие» литература, ставшая периферией актуальной массовой культуры или ядром элитарной литературы *ad marginem*², радостно-готовно капитулировала перед рынком и все чаще превращается в комфортный досуг, приобретая откровенно товарный вид «литературно-продукта» – бренда, успешно (или не слишком) продаваемого на рынке.

Современная массовая литература (как в России, так и в Болгарии) активно включилась в производство и рекламирование потребительских ценностей капитализма, пропаганду гедонистических, гламурных устремлений основной части публики с ее элементарным, вегетативным восприятием жизни на уровне первосигнальной системы. Она обращается к таким отшлифованным читательским спросом жанровым моделям, как детективный, приключенческий и любовный романы, триллер и фэнтези, следуя нормам, стереотипам и мифам, принятым в обществе потребления. А в итоге это приводит к опрошению, упрощению, нивелированию индивидуальных и национальных отличий авторов, к стандартизации всего и вся – тем, героев, сюжетных ходов, языка и стиля, ко «всеядности», жанровому синкретизму, размыванию жанровой системы, все чаще предлагающей всевозможные «странности» и «парадоксы» типа романа-комикса, романа-фуги, романа-квеста, -хайку, -пазла, -аудиокниги, -fusion, -конспекта, -«пурги», «филологического» романа.

Из последних русских новинок стоит упомянуть «нано-роман» екатеринбургского автора Владимира Блинова «Роман без названия» (2009), поп-арт роман Олега Сивуна «Бренд» (2008) и роман Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение» (2010).

«Роман без названия» малоизвестного екатеринбургского писателя Владимира Блинова, состоящий всего из четырех слов «Не надо! Я сама!», получил местную награду «Нобелевская премия Бука» «за самое оригинальное произведение 2009 года, развивающее принципы минимализма в литературе России» (из резолюции жюри конкурса). Столь лаконичная форма «романа» с подобным про-

¹ Именно так видит сходство концепций М. Виролайнен и В. Мартынова И. Роднянская [4. С. 19].

² Которая, впрочем, для большей доходчивости своих «высоких» идей не прочь воспользоваться и приемами масскульты.

вокативно-афористичным содержанием дает необозримый простор для работы ума и воображения, порождая множество смыслов, что и вызвало неподдельный интерес к произведению Блинова ряда кинематографистов, о чем не без ехидства поведал литературный журнал «Урал». Откровенная литературная провокация оказалась плодотворной не сама по себе – куда более интересной стала реакция на этот литературный курьез.

Поп-арт роман Олега Сивуна «Бренд» «создал значительный прецедент в истории русской литературы» [6], вызвав эхо необъяснимой силы в «экспертных» читательских кругах, отчетливо почувствовавших невербализованное веяние того самого Конца, о котором упорно пишет в своих книгах Владимир Мартынов, и продемонстрировав на практике «первые невинные симптомы перехода к такому “концу” через информатику и биотехнику» [4. С.11].

Перед нами буквально «саганинское яство» (М. Палей), нафаршированное знаковыми ориентирами современности. Это своего рода роман-словарь, состоящий из 26 словарных статей (в соответствии с английским алфавитом) о самых популярных брендах современности (типа Barbie, Coca-Cola, Google, IKEA, Kodak, Mc'Donald's, Nokia, Orbit, Quelle, Sony, Visa и пр.) и об отдельных гаджетах (марках мобильных телефонов, авторучек, брелоков) – этих «протезах благоприобретенной инвалидности сознания современной цивилизации» [7. С. 52].

Над этим словарем брендов усердно трудится герой романа – жутко одинокий, хотя и благополучный, но закомплексованный молодой человек. Нынче он житель Петербурга, хотя долгое время пребывал за границей. Он достаточно образован и непринужденно демонстрирует прекрасное знание западных культурных реалий (правда, в основном из сферы потребления), но живет – «как все», в мире современных стандартов, ставших популярными и престижными брендами, Впрочем, не приносящими ему (кроме привычных бытовых «приятностей») ничего – только тотальную скуку и ощущение пустоты. Заплутавший в лабиринте лавинообразной информации времени *копий*, наш герой, личность которого с трудом «просвечивает» сквозь этот сплошной информационный поток, отчетливо ощущает, что «теряет себя», становясь, как и всё вокруг, копией, и потому пытается в своем словаре «разложить по полочкам эти пустоты на произвольную тему от А до Z» в надежде, что если ему это удастся, «то хаоса станет меньше» [7. С. 71].

В романе О. Сивуна, по сути, нет сюжета, нет развития действия, нет других персонажей, язык и стиль подчеркнута стандартны, усреднены. Собственно, нет и героя. Он – лишь маска романного персонажа, симулякр, как и все его бренды, описываемые им по стандартной схеме (Faktum – Punktum – Soundtrack – Bonus). Эти бренды – объект внимания героя – четко обрисовывают контуры, замыкая стандартную «рамку» жизни стандартного потребителя достижений новой цивилизации. Выбирая форму «поп-арт романа», О. Сивун, по его собственному признанию, пытался «перенести принципы художественного поп-арта в литературу». И в данном случае поп-арт роман – это не жанр искусства, а способ осознания действительности героем, который в конце концов приходит к убийственному выводу: «Мир мне ничем не обязан, я ему тоже. Мы поняли друг друга» [7. С. 48].

Очень мало обязан «миру» и герой еще одного русского романа – «Горизонтальное положение» (2010) Дмитрия Данилова. Это роман-дневник, ежедневник не очень успешного литератора, а по жизни – типичного «литературного поденщика». После увольнения из редакции какого-то угасающего издательства он вынужден на заказ писать статейки и книжки о «славном городе Новый Уренгой», о 65-летию компании, которая занимается «чем-то в области газа» [8. С. 38], об организации общественного питания у нефтяников и газовиков и очень редко, «для души» – короткие рассказы, иногда чудом попадающие в печать. Типичная, серая

жизнь типичного персонажа столичной окололитературной тусовки, человека с очевидно средними способностями и средними запросами. Он живет с ощущением абсолютной бессмысленности своей жизни – невыносимо скучной, нудной, однообразной и до омерзения надоевшей ему.

Текст романа – это царство перечислений³ (штампов, языковых клише, стандартов, повторяющихся ситуаций), создающих особый *ритм* этой прозы – прозы перечислений, вызывающих жуткое раздражение, но порой – что удивительно! – улыбку понимания и соучастия: подкупает постоянно присутствующая, немного грустная самоирония автора. И этот иронический подтекст отчасти снимает негативный пафос с самых устоявшихся штампов и повторяющихся банальностей. Весь роман – ритмично организованное, какое-то полусонное бормотание до смерти уставшего от монотонной жизни героя, «бесконечные убаюкивающие мантры-колыбельные» [9. С. 89]. Они сплетаются из описаний помешений, индустриальных пейзажей, ежедневных поездок из спального района «Выхино» на «своих», «родных» автобусных маршрутах 772к и 855, на самолетах в Новый Уренгой, на микроавтобусе под Архангельском «вдоль Мезени, по бывшему зимнику, вдоль Кулоя, вдоль Пинеги» [8. С. 33] или в нью-йоркском метро с его «характерными высокими ступенями чугунной лестницы» [8. С. 64].

Монотонно-равнодушно наш герой переползает из одного пустого дня в другой в своей «нудятине» – предельно клишированных, дословно повторяющихся записях в дневнике, которые даны в виде коротких предложений, состоящих из несурзных и поначалу забавных отглагольных существительных вроде: «Заказывание напитков и закусок. Выпивание напитков и закусывание их закусками» (многократно); или: «Лежание, отхлебывание, пережевывание, чтение, засыпание, просыпание, принятие вертикального положения с целью совершения мелких бытовых и гигиенических действий, потом уже окончательное, в смысле до утра, принятие горизонтального положения и, да, сон» [8. С. 72].

Роман Д. Данилова – это «проза без происшествий», хотя сюжет вроде бы есть: герой что-то пытается делать в поисках работы, денег. Но все сюжетные ходы «ввязнут» в однообразии и скуке, как бы нивелирующих, сглаживающих все внешние изменения в его реальной жизни. Ничто не в силах по-настоящему заинтересовать героя, даже, казалось бы, лестное приглашение на Бруклинскую книжную ярмарку в Нью-Йорк, где пройдет презентация одной книги, в которой (в числе прочих) напечатан и его рассказ. Ничто не в силах разбудить спящую каким-то обморочным сном душу, которую он механически, с явным отвращением (постоянно иронизируя над собой и окружающим миром) «изливает» в своем дневнике.

Впрочем, любой дневник надо читать «с поправкой на дурное настроение автора» (Д. Самойлов [10]), и у героя порой (очень редко) пробиваются ростки интереса к жизни. К концу романа, ежедневные записи которого становятся все более и более лаконичными (хотя куда уж лаконичнее!), герой, как бы очнувшись, пытается встряхнуться: «Сколько уж можно описывать все эти бесконечные поездки [...] всю эту так называемую ткань так называемой жизни [...] Можно вообще ничего не писать [...] А можно и писать, но не об этих идиотских днях [...] Писать о чем-нибудь другом. О чем-нибудь Интересном или, допустим, Важном» [8. С. 89]. Но – увы! – ничего Интересного и Важного нет в жизни героя вопреки его довольно активным перемещениям в пространстве. И следует окончательное примирение с судьбой: «Надо заканчивать. Хватит уже. Пора. Постановка последней точки. Описание постановки последней точки. Собственно, это все. Горизонтальное положение. Сон» [8. С. 89].

³ Уже знакомых читателю по ранним повестям Д. Данилова «Черный и зеленый», «День или часть дня», «Дом десять» и др.

Его «мир» окончился – и даже не грохотом, а всего лишь знаменитым «всхлипом» Томаса Элиота, за которым, как писал Иосиф Бродский, – пустота: «Это хуже, чем грохот // и знаменитый всхлип. // Это хуже, чем детям сделанное “бо-бо”, // потому что за этим // не следует ничего!» [11].

В Болгарии громким антилитературным событием последних лет стал роман – сборник кулинарных рецептов Виргинии Захариевой «9 зайцев» (2008) – яркий образец модной нынче кулинарно-культурологической прозы⁴, своего рода ритуальный жест, демонстративное отречение от литературы, брошенной на костер «всеядности» рыночного времени (усвоение духовных практик New Age, секретов китайской философии, каллиграфии, фэншуй, русской бани, приготовления пищи и пр.). Впрочем, назвать эту книгу «романом» можно с большой натяжкой, хотя в нем и запечатлена (в общих линиях) вся жизнь героини (от 6 до 46 лет). Автор – энергичная, амбициозная, «жадная до ЕЩЕ» женщина (поэтесса и прозаик, журналист, феминистка, психотерапевт, любительница восточной философии, перформансов и инсталляций) – сознательно идет на литературную провокацию: отказ от традиционной формы романа («к чертям эту мерзкую форму, она не даст тебе сказать ничего нового» [12. С. 96]). Из всех сил героиня стремится уйти подальше от «матрицы». И это ей вполне удается.

Книга состоит из двух частей – 17 очаровательных миниатюр о детстве, поэтичном и жестоком, которое во многом определит дальнейшую судьбу героини, ее характер, ее комплексы и привязанности, о которых она говорит уже во второй части книги. В 31 фрагменте эффектного, типично женского сочинения раскрывается теперешняя жизнь женщины – с ее одиночеством и психологическими травмами, любовью и ненавистью, увлечениями и страстями, надеждами и разочарованиями, сублимировавшимися в творчество. Мысли автора-героини, ее рассказы о путешествиях, встречах с разными людьми, рассуждения о нелегком труде писателя, о женской судьбе, о страхе, поселившемся в ее душе, спастись от которого помогает лишь «писание», это «коллекционирование мгновений», составляют основу произведения В. Захариевой. А весь этот жанровый коктейль очень иронично, но и очень искусственно (на мой взгляд) дополнен в тексте кулинарными рецептами (они даже даются в приложении к книге в виде отдельной брошюрки). И эти рецепты становятся ключевым структурным признаком, весьма оригинально скрепляющим литературные кубики фрагментарного повествования.

В первой части книги эти рецепты приводятся как *иллюстрация* к рассказываемым случаям из детства («картошка по-чешски», «куриные потрошка с луком», «кнедлики с фруктами», «томатный суп», «варенье из роз», «суп из крапивы»). А во второй, «взрослой», части эти рецепты получают прежде всего *иронический* подтекст. Они более изысканны, и их место в структуре рассказа строго определено: после описанной истории, как «мораль» к басне.

Вот, например, после нелегкого разговора с родителями, огорченными тем, что у их дочери «все не так, как надо», что «в доме нет уюта», следует (в порядке компенсации) рецепт «яблочного пирога» – для «уюта» в семье. Или после так называемых «русских историй», где автор-болгарка брезгливо-высокомерно говорит о «скотской жизни» в России, абсолютно непонятной для европейца, и о своем желании быть подальше «от *этой* России», «дистанционно», издали чья ее высокие культурные и литературные «мифы», издевательски предлагается рецепт русского (?) «борща».

Функция этих рецептов вытекает из пламенного желания автора книги сделать ее «особенной», непохожей на другие, из вполне осознанного отказа от художественной литературы и Литературы вообще. В. Захариева, как пишет в своей

⁴ См., например, новую книгу Александра Гениса «Колобок и др. Кулинарные путешествия» (2010).

статье болгарский критик Д. Камбуров, не просто смешивает поэзию и кулинарные рецепты, изысканную метафорику и наглую беспардонность, психологическую увлеченность и модный «выпендрей» [13]: жанровый «микст» книги (мемуары, дневник, автобиография, путевые заметки, политический памфлет, социальная критика, культурная аналитика, арт-ревю) усердно «работает» на ультимативно заявленную цель – подчинить литературу нелитературной миссии, превратив сочинение в своего рода типично «женский» справочник по аутотренингу, медитации, самолечению и пр., т.е. *приспособлению* женщины к современной, такой непростой жизни. А поскольку мир, убеждена В. Захариева, «это божественная кухня, на которой из смешения персонажей, продуктов, мест, цветов, запахов и ситуаций получается всевозможные яства» (из предисловия к книге), то автор просто предлагает нам вкушать ее тексты в сопровождении ароматов кухни, по ее рецептам и под аккомпанемент столовых ложек⁵.

Летом 2010 г. в Болгарии был издан графический роман-комикс (graphic novel) известного болгарского поэта и прозаика Георгия Господинова и художника Николы Тороманова «Вечная муха», названный авторами «трагикомикс». В книге (альбоме ?) – 13 глав, посвященных Вечной мухе, «со взломом» влетающей в наш нестабильный мир-джунгли с тарзанами, микки-маусами, утятами и прочими персонажами Ноева ковчега современной комикс-культуры. По замыслу авторов, муха должна «немного вытеснить человека из центра Вселенной. Потому что антропоцентризм опасен для самой планеты. А муха – антипод всего, что принимают всерьез и считают вечным» [14]. И Вечная Муха, главная героиня графического романа-комикса, сплошь состоящего из типичных по стилистике рисунков и весьма экономных подписей к ним, должна противостоять всему, что претендует на вечность, исключительность и монументальность. А посему – «следуй за Мухой!» – приглашают авторы.

Парадоксальное появление всех этих «романов» (нано-роман, роман-словарь, роман-дневник, роман – сборник кулинарных рецептов и роман-комикс), изменившихся во «вместороман» буквально «до потери лица» (Алла Марченко [15. С. 154]) и описывающих пустоту, скуку и равнодушие очень одиноких существ – вполне стандартных «героев» нашего депрессивного времени, – на мой взгляд, откровенный вызов литературе, дерзкое или бессильное отречение от нее. Авторы сознательно и скандально отказались от великой миссии литературы «*глаголом*» жечь сердца людей и с помощью *слова* попытаться хоть как-то изменить «отчаянно небожественное» (Мария Галина) устройство человеческой жизни. И им так и не удалось (если воспользоваться словами русской поэтессы Олеси Николаевой) «уколоть обыденностью и обдать небом» (цит. по [16. С. 232]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мартынов В.* Конец времени композиторов. М., 2002; *Мартынов В.* Пестрые прутья Иакова. М., 2008; *Мартынов В.* Время Алисы. М., 2010; *Виролойнен М.* Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007; *Виролойнен М.* Речь и молчание. СПб., 2003; *Абдуллаев Е.* Экстенсивная литература 2000-х // Новый мир. 2010. № 7; *Фрумкин К.* Кризис русской художественной литературы с точки зрения ее функций // Русский переплет. 2008. 14 IV; *Laidi Z.* World Without Meening. A crisis of meening in international politics. London; New York, 1998.
2. *Кондаков И.* По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI в. // Вопросы литературы. 2008. № 5.
3. *Латынина А.* Слово в визуальном мире. В. Мартынов о конце времени русской литературы // Новый мир. 2009. № 10; *Бакиш Л.* Другое пространство // Знамя. 2005. № 4.
4. *Роднянская И.* Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом // Вопросы литературы. 2010. № 1.

⁵ Из рекламы перформанса, организованного друзьями героини («Приглашаем на перформанс “Tomato-суп. Тома Марков читает стихи в Красном доме. И захватите с собой ложки!”»), на котором всех гостей угощали горячим томатным супом.

5. *Абдуллаев Е.* Истина. Метод. Рынок // Вопросы литературы. 2009. № 6.
6. *Палей М.* Каталог знаменитых симулякров from Oleg // Урал. 2009. № 2.
7. *Сивун О.* Бренд // Новый мир. 2008. № 10.
8. *Данилов Д.* Горизонтальное положение // Новый мир. 2010. № 9.
9. *Угольников Ю.* Жалость к абсурду // Новый мир. 2010. № 9.
10. *Самойлов Д.* Из воспоминаний сына поэта // <http://www.chaskoz.ru>
11. *Бродский И.* Строфы // *Бродский И.* Часть речи. М., 1990.
12. *Захариева В.* 9 зайцы. София, 2008.
13. *Камбуров Д.* Кнедли, медли, чер хайвер и чесьн // Култура. № 34 (2517). 9 X. 2008.
14. *Господинов Г.* Не можеш да емигрираш от историтеси // Монитор. 14 VIII 2010.
15. *Марченко А.* Вместороман // Новый мир. 2004. № 11.
16. Новый мир. 2009. № 11.

© 2012 г. Л.Н. ВИНОГРАДОВА

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ПРОКЛЯТИЙ

В статье анализируются украинско-белорусские и южнославянские злоречения, тематика которых ограничена рамками «семейной модели». Эти тексты служат удобным материалом для изучения фольклорной символики, соотносимой с понятиями хорошего и плохого, добра и зла, пользы и вреда, в них содержится информация о самых важных ценностных категориях традиционной культуры.

The article analyses Ukrainian-Belorussian and south-Slavic imprecations, whose thematic is limited by the framework of the «family model». These texts serve as a comprehensive material for studying the folklore symbolic, correlating with the notions of good and evil, use and harm. They contain information about most important value categories of traditional culture.

Ключевые слова: традиционная культура, славянский фольклор, жанр проклятий, народная аксиология, семейные ценности.

Для изучения народной аксиологии вполне успешно могут привлекаться практически любые виды источников (фольклорные, языковые, обрядовые, изобразительные и т.п.), поскольку ценностному восприятию подвергаются в той или иной мере практически все элементы традиционной «картины мира». Есть, однако, в системе речевых жанров такие тексты, в которых в наиболее яркой форме проявляется аксиологический подход к основным категориям человеческого бытия, т.е. в них прямо формулируются представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Имеются в виду клишированные формулы благопожеланий и проклятий. Эти два жанра, как известно, совпадают по целому ряду формальных признаков: по оптативной модальности (высказывание п о ж е л а н и я), по магической функции, по особенностям текстовой структуры, но в содержательном плане различаются принципиально важной семантической оппозицией – *хорошо/плохо* или *добро/зло*. Соответственно благопожелания и злоречения служат удобным материалом для изучения фольклорной символики, соотносимой с понятиями добра и зла, пользы и вреда, достоинства и позора, в них содержится информация о самых важных для носителей традиционной культуры ценностных категориях (в благопожеланиях напрямую, а в проклятиях – при смене знака «плюс» на «минус»).

Все тематическое многообразие обоих жанров может быть сведено примерно к одному и тому же устойчивому набору «благ» (в благопожелательных формулах

Виноградова Людмила Николаевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках проекта «Славянская народная аксиология (Оценки и ценности в языке и народной культуре)». Грант РГНФ 12-04-00267а).

выражается желание их заполучить, а в проклятиях – утратить). Имеются в виду такие житейские ценности, как: жизнь и здоровье людей, хороший урожай, приплод скота, успешное разведение домашней птицы, общее хозяйственное благополучие, счастье, почет у односельчан, многодетность и семейное благополучие, Божье покровительство и хорошая посмертная участь. При этом в благопожеланиях по степени значимости и по частотности упоминаний на первое место выходят чрезвычайно популярные у всех славян темы «обильного урожая», «приумножения скота и домашней птицы» (т.е. пожелание хозяйственных благ). А в проклятиях абсолютное первенство отдается темам, связанным с сохранением/утратой здоровья и жизни, с передачей проклинаемого человека во власть нечистой силы, со стабильностью/нестабильностью в семейной жизни. Эта последняя тема (условно обозначенная нами как **«семейная модель»**), является объектом исследования в настоящей статье. В ней представлен сравнительный анализ восточнославянских (украинских, белорусских) и южнославянских (сербских, болгарских) проклятий, тематика которых соотносима с традиционными представлениями о семейных ценностях. Имеются в виду такие тексты, в которых высказываются злопожелания в адрес конкретного человека, но касаются они не столько его самого, сколько членов его семьи, их жизни и здоровья, их счастливой/несчастливой судьбы, удачного/неудачного брака детей, многодетности/бездетности, продления/пресечения всего рода-племени, дружеских/враждебных отношений в семье и т.п.

Надо сказать, что в репертуаре б л а г о п о ж е л а н и й тексты, содержание которых соотносимо с «семейной моделью», представляют собой весьма малочисленные группы, и мотивы их не отличаются большим тематическим многообразием. Например, мотив «успешного деторождения», не образуя самостоятельных развернутых пожеланий, обычно включается в клишированные формулы типа: «приплод скота» и «изобильный урожай»: ср. рус. новогоднее благопожелание: «У хозяина в дому / Велись бы ребятки, / Велись бы телятки, / Велись бы ягнятки, / Велись бы жеребятки» и т.п. [1. С. 54]; белорус. пожелание новоселу: «Каб у яго (у хозяина дома) родзили волы, коні, і коровы, і мужчінскія голы!» [2. С. 334]; укр. пожелание на крестинах: «Дай, боже, кабы в гэтым доме было многа деток на полу, жеребятков с теляткамі на двару, парасяток с игняткамі на вару» [3. С. 144]; серб. приговор колядников: «Колико варница, толико оваца, новаца, јарића, пилића, класате пшенице, мушке дечице, телаца, сурих свиња, црних коза» [4. С. 42]. Таким образом, пожелание деторождения встраивается в типовые клише с общим значением **«приплод/приумножение домашней живности, а также детей»**.

Еще одна стереотипная формула со значением «семейного благополучия», характерная для украинских и белорусских благопожеланий, строится по модели: **«будь здоров не сам по себе, а вместе со всей семьей»**. Ср. белор. колядные приговоры: «Жыві з Богам. / Не сам с сабою – са сваёй сям’ёю, / З сваёй сям’ёю да й із усёю. / З сваімі дзеткамі дай маленькімі» [5. С. 222]; «Жыві здаровы, / Не сам з сабою – з атцом, з маткою, / З атцом, з маткою, з сваёй жонкаю» [5. С. 194]; укр. «Бувай же здоров, господареньку [...] / Не сам із собов, з своєв миленьков, з своєв миленьков та й з діточками, / А з діточками, а з цалим домом, / І з цалим домом, хорошим родом. / Рідному тату вічна память, / А вам, живущим, щастья, здоров’я!» [6. С. 482].

Несравненно более разработанным и метафоричным оказывается текстовое оформление «семейной модели» в формулах п р о к л я т и й. Это связано, по-видимому, с принципиально разной прагматикой обоих жанров. Тексты благопожеланий бытуют в атмосфере ритуальной праздничности, в обстановке дружельюбного благорасположения партнеров по коммуникации; эти вербальные формулы соседствуют с жанрами этикетных приветствий, поздравлений, тостов, величаний, прославлений и других благословий. В то время как проклятия произносятся спонтанно, в ситуации конфликта, острой вражды, в состоянии сильного эмо-

ционального возбуждения; они воспринимаются как акт агрессии и входят в ряд других злоречений, таких, как брань, ругань, обзывание, издевка, насмешка и т.п. Человек, проклиная своего противника, старается нанести ему максимальный урон, ударить по самому больному месту. Отсюда такое повышенное внимание к главным ценностным ориентирам (жизнь, здоровье, семейное благополучие).

Итак, рассмотрим, как выглядит система семейных ценностей, если судить о ней по формулам проклятий.

1. На первое место здесь выходит пожелание в адрес проклиняемого **потерять близких родственников** (детей, жену, мужа, единственного сына либо «самых дорогих и любимых близких»). Ср. белорус.: «Каб ты закапаў, што ты маеш най-мильшэго!» [7. С. 418]; «Каб ты, Бог даў, ад старшаго да меньшаго ў сырую зямлю паўкладала, каб ты их не азирала!» [7. С. 418]; «Каб ты сваих дзецей ни агледаў!» [7. С. 408]; «Каб ён, Божа дай миленьки, дзеці свае парезаў» [7. С. 406]; «Штоб ты дзетак сваих не ўбачыла!»; «Штоб ты завдавеў!»; «Штоб твая жонка памерла, а ты жыў!» [8. Вел. Бор Хойницкого р-на Гомельской обл.]. К числу наиболее страшных и злокозненных относятся аналогичные южнославянские пожелания – потерять «самых любимых из числа близкой родни»; серб.: «Да си закопаш најмило чедо!» [9. С. 201]; «Да ти умре мајна (најмили ти син; што ти је најмило)» [9. С. 204]; «Да Бог да двата сина да закопаш!» [9. С. 190]; «Умрла ти жена, остала ти ћеца!» [10. № 2856]; болг.: «Да му пукне що му е най-мило!» [11. С. 50]; «Да ти умре що ти е най-мило на тое светъ!» [11. С. 65].

Высокой степенью эмоциональности отличаются проклятия, построенные по принципу контраста: «пусть бы все у тебя было – и все бы это ты потерял». Ср., например, следующее сербское злопожелание: «Пет сина имаш, пет снаје да доводиш. И свака по дете да доведе. И ни од једнога сина унуче да не видиш» (Чтобы ты имел пять сыновей и привел бы в дом пять снох; и каждая из них родила бы по ребенку – и чтоб не увидеть тебе ни единого внука ни от одного из сыновей) [9. С. 235].

2. Наряду с мотивом «лишиться близких родственников» часто встречаются злопожелания вообще **остаться бездетным** либо **получить ненормальное потомство** (внебрачных детей, калек, уродов, чудовищ, не похожих ни на мальчика, ни на девочку). Ср. белорус.: «Каб ты сваих дзецей ни агледаў!» [7. С. 408]; «Каб ты на свет нікога не радзіла!» [12. С. 218]; «Штоб ты не ўрадзіла!» [8. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл.]; укр.: «Бодай тобі ні в діжі сходу, ні в пощі плоду!» [13. С. 328].

Чрезвычайно многообразно представлен этот мотив в сербских проклятиях. Например, мужчине желали, чтобы не удалось ему зачать ни одного ребенка; чтобы он вообще не имел детей; «чтоб детский плач никогда не раздавался бы в его доме» [14. С. 26]; «жена бы его никогда не рожала» [10. № 1256]. А в адрес женщин и девушек могли звучать такие пожелания, как: «чтобы тебя матерью никто не называл» [10. № 588]; «чтоб ты заяловела» [9. С. 191]; «чтоб тебе рожать одних выродков (т.е. внебрачных детей)» [10. № 955]. Особенно страшными считались пожелания женщине родить ребенка-калеку (с двумя головами, одноглазого, без пальцев); либо произвести на свет такое существо, которого никто до сих пор не рожал (змееподобное чудо, «ни мальчика, ни девочку», «ребенка, заросшего звериной шерстью»); либо родить подряд девять девочек (что считалось в крестьянской среде большой бедой). Проклятие остаться бездетным характерно также для болгарских злоречений: «Чедо да немаш!» [11. С. 57]; «Чедо да не завърте около огнището си!» [11. С. 57]. Это же пожелание могло быть выражено как «формула невозможного»: «чтоб ты столько детей рожала, сколько верба виноградной лозы!» [11. С. 56].

Ярким отличием южнославянской «семейной модели» является чрезвычайно популярный мотив об особой ценности **мужского потомства**; соответственно,

тому, кого проклинают, часто желают не иметь в роду мальчиков или утратить их, ср. серб.: «Мушко ти се чедо не родила!» [10. № 1794]; «Дабогда ти кућа мушке главе жељела!» [10. № 825]; «Дај боже да немаш мушке главе!» [10. № 1014]; «Дај боже да немаш мушке порода!» [10. № 1015]; «Све ти у кући родило, мушко ти дијете не родило!» [10. № 2522]; «Ископала ти се кућа од мушкије глава!» [15. С. 205]; «Дом ти се од мушких глава испразнио!» [16. С. 35].

С этим мотивом (отсутствие мужского потомства) связан еще один тематический круг злопожеланий, считавшихся у южных славян самыми грозными. Речь идет о полном искоренении рода-племени того, кому адресовано проклятие.

3. **Пресечение рода, вырождение семьи, исчезновение родового имени.** Для текстов этого раздела характерны метафорические образы «иссохшего корня», «погибшего семени», «потухшей родовой свечи», «забытого родового имени», «пропавшего фамильного следа». Ср. белорус. проклятия: «Каб прышла пагібель на плод твой, род і выроді!» [12. С. 210]; «Не знай свайго роду-племя!» [12. С. 230]; «Каб на яго род надышоў звод!» [7. С. 413]; «Каб твая бацькаўшчына (здесь в значении 'отцовское колено') звелася!» [7. С. 405]; укр.: «Бодай його корінь звівся!» [13. С. 328]; «Бодай його кодло з накоренком перевелось!» [13. С. 328].

Ключевыми словами аналогичных сербских злопожеланий являются: семя, племя, род, корень, колено, имя, семья (*фамилија*), ср: «Сјеме му се затрло!» [15. С. 205]; «Не било ти порода!» [15. С. 205]; «Угасила ти се крсна свијећа!» [15. С. 205]; «Име ти погинуло!» [14. С. 26]; «Утрло ти се племе и сјеме дабогда!» [16. С. 98]; «Семе ти се не множило!» [16. С. 109]; «Од њего трага не остало!» [16. С. 69]; «Све ти пусто остало у целој фамилији!» [16. С. 80]; «Кућу да имеш, род да немаш!» [9. С. 222]; «Семка да ти се затре, корен да ти затре!» [9. С. 240]. Близко сходные образы «высохшего родового корня», «утраченного семени» и «опустевшего имени» встречаются и в болгарских формулах [11. С. 14, 16, 20].

4. Вполне ожидаемо, что в рамках обозначенной «семейной модели» в качестве весьма продуктивного выступает также **мотив безбрачия или неудачного брака.** Такое злопожелание обычно высказывается в адрес самого проклинаемого или его детей; особенно часто – в адрес взрослых дочерей. В украинско-белорусской традиции при разработке этого мотива часто используются символы свадебной обрядности: «Каб цябе на пасад не садзілі!» [12. С. 224]; «Каб табе караваю не білі!» [12. С. 212]; либо неудачного сватовства: «Гарбуз батькові твоєму печений!», «Гарбуз мамі, а татові – диня!» [13. С. 330]. Широко представлены в проклятиях всех славян поэтические образы со значением затянувшегося девичества, например, пожелание девушкам «ждать замужества до седых волос», ср. полес.: «Каб ты ў коси посьвэла!» [8. Ласицк Пинского р-на Брестской обл.]; укр. «Бодай-ес діувала до сивої коси!» [13. С. 328]; польск. проклятие в адрес дочерей хозяина дома «żeby ci dziwka posiwiła», «żeby córki nie wydali» [17. S. 75]; серб. «Не удала ти се ћерка, но плела седе косе код тебе!» [16. С. 65]; «Да Бог даде, да черката седи до беле власи, или да се ожени за некојега старца!» [9. С. 196]. Либо высказывались пожелания «встать под венец, когда свету будет конец» [13. С. 328]; выйти замуж тогда, «когда на ладони волосы вырастут» [13. С. 334].

В сербских и болгарских проклятиях часто высказываются прямые пожелания: «чтобы ты сам в злой час оженился», «чтобы ты не дождался сына оженить», «дочку выдать замуж», «детей своих венчать», «сватов бы не дождался» и т.п.

5. Наконец, как худшее из всех вариантов наказаний воспринималось **пожелание полной утраты семейных связей, остаться одиноким в пустом доме, забыть имена детей и родителей, не знать мест их захоронений.** Этот мотив особенно подробно и многообразно разработан в южнославянских текстах, где идея «бессемейного одиночества» представлена через поэтические образы пустоты, погасшего домашнего очага: серб. «Пусто име да му остане!» [14. С. 28]; «Пусто ти остало!» [15. С. 205]; «Свет и пусто остало у целој фамилији!» [16. С. 80];

«Пуста кућа нека ти остане!» [16. С. 76]; «Огниште му се угасило!» [16. С. 68]; «Димњак ти не димио!» [16. С. 35]; болгар. «Да му опустее куцата!» [11. С. 50]; «Да опустеешь!»; «Пусто и пометено да му стане!» [11. С. 58]. Признаком крайней степени обездоленности считались также разорванные семейные связи, поэтому в проклятиях высказываются пожелания не знать ни имен своих родителей, ни их могил: ср. серб. «Дабогда не знала како ти мајку зову!» [10. № 420]; «Дабогда мајци гроба не знала!» [10. № 365]; «Дабогда оцу гроба не зна!» [10. № 485]; «Дабогда не знала чија си!» [10. № 421]. Судьба одинокого, всеми позабытого изгоя, которого некому похоронить, некому оплакать, зажечь «смертную свечу», которого помянут лишь соседи, а не близкие родственники, предстает в южнославянских злопожеланиях: серб. «Кћери ти се удале преко девет река и брегова, па те ни у старости не виделе!» [16. С. 55]; «Дабогда се осамио ко сужањ!» [16. С. 115]; «Немао ти ко упалити смртну свећу!» [16. С. 64]; «Жалили те комшије, а не родбина!» [16. С. 41]; «Немао те ко закопати!» [15. С. 205]; болгар. «Свеќа на гробо да нема кой да му запале!» [11. С. 29].

Кроме перечисленных тематических групп, в рамках «семейной модели» фигурируют еще некоторые не столь популярные мотивы. Например, проклинаемому лицу желали: проклясть своих детей, чтобы они не видели добра в жизни, чтобы люди их сторонились, чтобы они были непочтительными к своим родителям, чтобы снохи постоянно ссорились, чтобы пропало молоко у кормящей матери и под.

Таким образом, общий перечень семейных ценностей в украинско-белорусских и южнославянских проклятиях в основном совпадает, но фольклорно-поэтическая образность сербских и болгарских текстов отличается от восточнославянских значительным своеобразием и определенной этнической спецификой. Так, у балканских славян отчетливо проявляется тенденция к противопоставлению **мужского/женского** в своей родословной. Одно из наиболее популярных в этой традиции следующее пожелание: «чтоб дети у тебя каждый год рождались – но ни одного бы мальчика». В р-нах горного овцеводства, где более ценным считался приплод овец (а не барашков), известно пожелание: «Дабогда ти се рађала ж е н с к а дијеца, а м у ш к е овце!» [10. № 950]. Высшим позором для мужчины считалось погибнуть от женской руки; ср. серб. проклятие: «Дабогда погинуо од женске руке!» [14. С. 25].

Столь же значимой у южных славян является тема **«авторитета мужчины в семье»**, в связи с чем у сербов широко представлены проклятия с мотивами: «чтоб тебя твои дети не слушались», «чтоб сыновья тебя ненавидели», «снохи бы тебя презирали», «зятья бы тебя не почитали» и т.п. Для южнославянских злопожеланий характерно также повышенное внимание к теме **«вторичного потомства»**, т.е. рождения внуков. В адрес своих недругов высказывались нешуточные проклятия: «чтоб тебе не дожить до появления внуков», «не держать бы тебе внука на коленях», «чтобы каждая из твоих безмужних дочерей принесла бы тебе выродка в подоле», «все бы твои снохи лишь шайтанов рожали» и под.

Что касается украинско-белорусской традиции, то в аналогичных тематических группах злопожеланий выделяются прежде всего мотив «лишиться наимилшего» из членов семьи, а также пожелание бездетности и безбрачия. Отсутствуют мотивы «неудачных родов» и «рождения ненормального потомства»; практически нет противопоставления типа мужской/женский; слабее разработана тематика, касающаяся распада семьи и пресечения рода. Специфической особенностью этой группы текстов является акцент на особой значимости (для самого проклинаемого или для членов его семьи) **христианских ценностей**: в качестве наибольшего зла рассматривается перспектива остаться без божьего благословения и защиты, а также посмертная участь мучиться в пекле. Ср. следующие проклятия: польск. «Bodaj cię święci Pańscy opuścili!» [18. S. 11]; «Bodajś na Boskim sądzie przepadł!» [18. S. 11]; «Bodajś się łaski Bożej nigdy nie doczekał!» [18. S. 11]; «Bodajes świa-

тлосці небіескай не огляда!» [19. С. 31]; белорус. «Каб табе Бог ни дапамог!» [7. С. 405]; «Жеб ты яснасци Боскай не видзеў!» [7. С. 406]; «Каб его душа нигды з пекла не вышла!» [7. С. 407]; «Каб твая душа, Бог даў миленькі, на том свеци нидзе мейсца спакойнага не мела!» [7. С. 407]; «Каб ён не выгаварыў “Езус, Марья” перад скананем!» [7. С. 409].

Выступаючы ў ролі сильнодействующага магическага оруж'я супраць недругоў ці ў ролі сродку пакарання віновных, прокляцця дазваляюць зразумець, якія жыццёва важныя антропалагічныя і сацыяльныя катэгорыі з'яўляюцца пріорытэтнымі ў агульнай сістэме цэннасцей традыцыйнай культуры. Самыя страшныя, негатыўна ацэньваемыя пожелання потым і адрэсуюцца супрацьвітніку, што затрагваюць найбольш значымыя для чалавеческага сабшчэства паняцця. І той факт, што тема захавання сямейна-родовых сувязей займае адну з першых пазіцый у іерархіі цэннасцей, сведчыць аб яе сутэсвенна большай значымасці па сраўненню з темой матэрыяльнага дастатка (якая прэобладает у жанры благопожеланий). Чалавек проклинаючы жадае свому антаганісту утратыць тое, што сам ён лічыць найбольш ценным: здароўе членаў сям'і, здольнасць да детарождэння, удачны брак, многалетняя сям'я, жанітва падросшых дзяцей, нараджэнне внукоў, працягненне роду, цвёрдыя сямейныя адносіны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поезія крэстьянскіх пражднікоў. Л., 1970.
2. *Шейн П.В.* Матэрыялы для зучэння быта і языка рускага насельня Севера-Западнага края. СПб., 1902. Т. 3: Апісанне жылішча, адежды, пішчы, занятый; прэпровождэнне врэмени, ігры, верованія, абычное права; чарадзейства, колдовства, знахарства, лэчэнне болезней, поверья, суевэрья, прыметы.
3. *Гаврылюк Н.К.* Картографіраванне явлений духоўнай культуры. Па матэрыялам родільнай абрыяднасці украінцаў. Кіев, 1981.
4. Славянскі і балканскі фальклор: Генезіс. Архаіка. Традыцыі. М., 1978.
5. Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі. Мінск, 1975.
6. Калядкі та шедрвікі. Зімова абрыядова поезія трудовага року. Кіев, 1965.
7. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków. 1935. Т. 4: Przysłowia.
8. Полесскі архів Отдела этнолінгвістыкі і фальклора. Інстытут славяноведэння РАН (Москва).
9. *Златковић Д.* Фразеологія страха і наде у Пиротском говору. Београд, 1989 (Српскі этнографскі зборник САН. Београд, 1989. Књ. 35).
10. *Баришић-Јоковић В.* Клетва у општини Врбас. Збирка и теренско істраживање. (Магістерскі диплом, Новосадскі універсітет). Нови Сад, 2005.
11. *Дабева М.* Български народни клетви. София, 1934.
12. Выслоўі. Мінск, 1979.
13. Пріслів'я та прыказкі: Взаеміні між людзьмі. Кіев, 1991.
14. Расковнік. Часопіс за кнжывенност і культуру. Београд, 1992. Бр. 67–68.
15. *Требешанин Ж.* Представа о детету у српској култури. Београд, 2000.
16. *Марковић Р.* Српске народне клетве і заклетве. Београд, 2000.
17. *Kołodowanie na Lubelszczyźnie.* Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Wrocław, 1986.
18. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1964. Т. 22: Łęczyskie.
19. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1964. Т. 28: Mazowsze. Cz. 5.

© 2012 г. В.Б. КОЛОСОВА

ЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. VII. ТЫСЯЧЕЛИСТНИК

В статье анализируются представления, связанные в славянской традиционной культуре с растением тысячелистник обыкновенный. Прослеживаются связи между названиями растения в славянских диалектах, фольклорными текстами о нем и использованием этого растения в обрядах, народной магии и медицине. Особый интерес представляют диалектные названия, осмысляемые в духе народной этимологии. В разных славяноязычных ареалах семиотицируются разные характерные особенности растения, что позволяет сделать некоторые наблюдения лингвогеографического характера.

The article analyses concepts of traditional Slavic culture, connected with the plant known as milfoil. It considers connections between the name of the plant in Slavic dialects, folklore texts about it and the use of this plant in the rituals of popular magic and medicine. Dialect names, understood in the terms of popular etymology are of special interest. In different Slavic-language areal spaces, people semiotice different typical qualities of the plant, what let make some observations of linguo-geographical character.

Ключевые слова: этноботаника, этнолингвистика, славистика, тысячелистник, фитонимы, диалектология, фольклор, этнология, народная медицина, народная магия, традиционная культура.

Тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L. (сем. сложноцветных) – многолетнее травянистое растение до 80 см высотой, с мелкими, перисторассеченными листьями, белыми, иногда розовыми цветками (редко – с фиолетовым оттенком), собранными в корзинки. Цветет со второй половины мая до конца лета. Обладает приятным бальзамическим запахом и горьким вкусом. Распространен во всех областях, обыкновенно по лугам, полям, межам, у дорог, по склонам, кустарникам, лесам. В народных названиях тысячелистника отразились различные его признаки, как реальные, так и приписываемые.

I. В фитонимах отражаются объективные **признаки** растения:

1) цвет. Белый цвет лепестков отмечен в целом ряде фитонимов: *белая кашка* (Моск., Тул.), *белый узик* (Волог.), *белоцвет* (Петерб.), *белоцветка* (Вят.), *бель* (Нижег.), *белоголовец* (Смол., Кал.), *белоголовник* (Курск., Ворон.), *білоголовник* (Малор.), *белоголовка горчица* (Костр.), *белошка* (Новг.), *цветки белые* (Вят.), *белый деревій* (б.м.), *кашка белоголовник* (Кал.), *подбел* (Смол., Черн., Могил.), *подбил*, *подбелка* (Черн.) [1. С. 5], *подбела* (Смол., Кемер.) [2. Т. 27. С. 335], *белоголовник* (Том. Том.), *белошачочник* (Бакчар. Том.), *подбел* (Том. Том.), *беляк*, *подбела*, *сподбела* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155, 157]; бел. *падбел* (вост. диал. зона; Гродн. Гродн.), *падбела* (Волож. Минск.), *белоголовік* (Дятл. Гродн.), *белоголовец* (Смол. диал. рег.) [4. С. 86]; укр. *білоholovnyk*, *pidbil*, *podbil*, *podbilka* [5. С. 4], *нідбіл* (черниг.

Колосова Валерия Борисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

гов.), *білоголовник* (киев. и некоторые другие вост.-укр. гов.), *подбілка* [6. С. 243]; болг. *bjal ravnes* [7. С. 23], *еньовица бѣла* (Асеновградско), *офикъ бѣль* [8. С. 88]; србх. *бели равањ*, *бело ивањско цвеће* [9. С. 7]; в.-луж. *běla wowša rutwica (rutej)* [10. С. 133]. Разная окраска экземпляров отразилась в двойственной номинации: *девятиха белая* и *девятиха красная* (Арх., Костр.) [1. С. 5]: «Есть красная подбела и белая» (Смол.) [2. Т. 27. С. 335], бел. *падбела красная* (Могил. и Смол. диал. рег.) [4. С. 86]. Растения с розовыми цветами получили названия *красноцветка* (Вят.), *красная девятиха* (Арх., Костр.), *рябинка лиловая* (Вят.) [1. С. 5]. Наконец, вариативность цвета отражена в фитониме *разноцветка* (Пск.) [2. Т. 34. С. 46].

2) форма. Мелкие листья и цветочки тысячелистника послужили причиной названий *мелкий узик* (Волог.), *мелкая трава* (Арх.) [1. С. 5], *мелкая трава* (Казан.) [2. Т. 18. С. 99]. Целый ряд южнославянских названий тысячелистника образован от основы *рав(ен)* ‘плоский, ровный’ «в связи с формой зонтика, который сверху выглядит плоским, и многочисленных мелких цветочков, расположенных в горизонтальной плоскости на верху стебля»: болг. *bjal ravnes* (б.м.), *ravenes* (Сливница), *ravnec* (Кюстендил, София, Своге, Врачанско, Тетевенско, Велико Търново), *ravnek* (Сливница), *ravneš* (Сливница, Драгоман, Брезник), *ravnika* (Брезник), *ravnish* (б.м.) [7. С. 23, 33–34, 36, 37, 40, 50], *раванецъ*, *равенець*, *равнежь* (Софийско), *равника* (Брязничско), *равнешь*, *равнець* (повсем.), *рѣвнець* (Софийско), а также, вероятно, *рамчець* и *рамнець* [8. С. 87]; србх. *раван*, *равањ*, *бели равањ*, *равуника* [9. С. 7].

3) вкус. Горький вкус растения отразился в фитонимах *горчица* (Новг.), *белоголовка горчица* (Костр.) [1. С. 5]. Близкий вид тысячелистник желтый *Achillea clureolata* Sm. получил название болг. *горчива трева* [8. С. 357]. Очевидно, тем же признаком обусловлено и србх. *љутица* [9. С. 7]. С учетом этимологических данных можно предположить, что фитонимы *бедренец* (б.м.) [1. С. 4], *бидрик* (Шегар. Том.) [3. Т. 2. С. 155] также обусловлены горьким, «колющим» вкусом растения [11. Т. 1. С. 177].

4) запах. Своему запаху тысячелистник обязан названиями *пахучая трава* (Смол.), *ладан росной* (Алт.) [1. С. 5], *духовистая мята* (Петрозав. Олон.) [2. Т. 8. С. 278], *ладан* (Юргин. Кемер., Ср. Приоб.) [2. Т. 16. С. 228], *душица*, *душичка*, *душок*, *ладан* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155]. Запах играл важную роль и в народной медицине: «Наш народ верит, что пахучесть трав – несомненный знак их лекарственной силы, и отсюда большая любовь к душистым травам» (србх.) [12. С. 8].

5) Необычная для травянистых растений жесткость и прочность стебля отразилась в таких названиях, как *деревей* (Волог.) [2. Т. 8. С. 11], *деревій* (Малор.), *деревей* (Вел. Росс.), *дервей*, *дирвій*, *деривій*, *дыривей*, *женской деривіі*, *полевой деревей* (Полт.) [1. С. 5], *деревей*, *деревейка* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155]; бел. *дзєраўянка* (Столин. Брест., Житк. Гомел.), *дзярэвій* (Минск. диал. рег.) [4. С. 86]; укр. *derevej*, *dereveň*, *derevij*, *derevuća*, *derevyuj*, *dyrvij* [5. С. 4], *дерів*, *дерев* (закарп. гов.), *деревій*, *деревій*, *деревий*, *деревей*, *дерівій*, *диревей*, *дирвій*, *деревіа* (во всех укр. гов.), *деревін*’, *деревіл*’ (бойков., закарп., буков. говоры), *деревник*, *дервник* (гуцул., закарп. гов.), *деревн*’ак, *деревл*’ак, *деревл*’аник, *деревл*’авник, *деревн*’анка и под. (преимущ. в закарп. гов.), *деревій кровавник*, *деревій крївавник*, *деревін*’крїавник (зап. укр. гов.), *деревій пол*’овий, *деревій женс*’кий (полт. гов.), *деревій мужес*’кий (слобож. гов.), *деревник білий* (гуцул. гов.), *дровник*, *дровітник*, *дровл*’анка (закарп. гов.) [6. С. 242, 243]; болг. *твърдеи* (Борисовград, Първомай, Марица) от основы *твърд* [8. С. 87; 7. С. 37], а также метафорического *потягуха*: «Так потягухой тысячелистник зовут, потому как его из земли вытягивают» (Кириш. Ленингр.) [13. Т. 5. С. 115]. Србх. *костеница*, *кострет*, *костретица*, *кострешница*, *коштеница* [9. С. 7], родственные слову *кость*, также отражают жесткость стебля [11. Т. 11. С. 154]. Напротив, мягкие мелкие листочки послужили причиной названия србх. *мекушица* [14. С. 239–240].

6) Характерные места произрастания послужили причиной возникновения названий *межовка* (Верхотур., Сухолож. Свердлов.) [2. Т. 18. С. 89], *подорожница* (Костр.) [1. С. 5]. Время появления также отмечено в фитонимике: *ранник* – «Ранник рано вылезает, еще ничего нет» (Том.) [2. Т. 34. С. 103]; «ранник эта трава-то. Он ранний. Весной-то выходит – ранник называется» (Том. Том.) [3. Т. 2. С. 157]. Более вероятно, однако, что это толкование – результат народной этимологии, поскольку тысячелистник – далеко не самое раннее весеннее растение, а фитоним скорее обусловлен применением от ран (см. ниже).

7) Как и все растения, широко используемые в народной медицине, тысячелистник получил множество названий, обусловленных названиями болезней, от которых его используют, способами применения и т.п.

Использование тысячелистника для лечения порезов послужило причиной названий *резаница*, *резеница* (Каргоп. Олон.) [2. Т. 35. С. 31], *порезная трава*, *ранник* (Том. Том.), *порезник* (Тегульд. Том.), *обрезная трава* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155], *ранник* (Том.) [2. Т. 34. С. 103], *резка* (Пск.), *резун* (Олон.) [1. С. 5], *порез* (Твер.) [2. Т. 30. С. 55], *порез*, *порезник* (Твер., Вят.), *порезная трава* (Алт., Арх., Костром., Твер., Моск.), *опорезная* (Нижег.), *урезная* (Казан.) [1. С. 5], *урезная трава* (Тотем. Волог.) [2. Т. 8. С. 11]; бел. *парэз* (Городок. Витеб.; Чауск. Могил.; Латгал.), *парэзнік* (Городок. Витеб.), *разуха* (Брест. Брест.) [4. С. 86]; укр. *ранник* (зап.-укр. гов.), *поруб*, *порубник*, *порубаник*, *порубанник*, *поруманик*, *порубанина*, *пурубанина*, *порубалник*, *порубанич*, *порубничок* (закарп. гов.) [6. С. 243], *порезная трава* (Закарпатье) [15. С. 80]; болг. *порѣзика* (Варна), *посѣклива билка*, *посѣчка трева*, *посѣчена трева* (Кюстендилско), *посѣкличе*, *сѣчена трева* (Радомироко) [8. С. 87–88; 7. С. 76]; србх. *реза* [9. С. 7]. С высокой степенью вероятности сюда же можно отнести *серпорез* (Тегульд. Том.) [3. Т. 2. С. 155]; бел. *серпарэз* (спорадичн. в центр.-бел. группе говоров, вост.-полесск. рег.), *сярпоўнік* (Брасл. Витеб.), *серпарэзнік* (Лоев., Гомел., Лельч., Житк., Петрик. Гомел.; Постап. Витеб.; Столин. Брест.), *серпаежнік* (Житк. Гомел.), *серпарэжнік* (Рогач. Гомел.) [4. С. 85–86], *серпорез*, *серпориз*, *серпоріз* (Малор.), *серберез* (Черн.) [1. С. 5]; укр. *serporiz*, *serberiz*, *serboriz*, *serpij*, *serpnyk*, *serpyj* [5. С. 4], *серпоріз*, *серборіз*, *серберіз* (во всех укр. гов.), *серпник*, *серкник*, *шерпник*, *цирпник* (зап.-укр. гов.), *серпівник*, *серпівник*, *серпунник*, *сер'пунник*, *серпунник* (закарп. гов.), *серпій*, *серпий* (приднестров. гов.), *серпен'*, *серпик*, *серповик*, *серповник*, *серпован'а*, *серпетник*, *серпотник*, *серперник*, *серпуниц'* (закарп. гов.) [6. С. 242–243], ср.: «Даже раны от пореза серпом, которые обычно быстро нагнаиваются и медленно заживают, как и раны от пореза ножом, плугом, топором, произведенные на поле, в условиях далеко не санитарных, заживают быстро» [16. С. 22]. Способы лечения ран различались. Чаще всего «рану заливали соком свежего тысячелистника либо просто прикладывали к ней свежие размятые листочки растения (Волын., Киев., Ровен., Черниг., Терноп., Карпат. рег.). Реже клали размятый цвет тысячелистника (Киверц. Волын.) или присыпали порошком высушенного растения (Елисаветград., Александр. Херсон.). Белорусы в таких случаях использовали отвар, настой или сок тысячелистника. Кое-где в России при ранах, ударах, кроме внешнего употребления, рекомендовали принимать сок растения и внутрь» [17. С. 85].

Большая группа названий тысячелистника, образованных от корня *кров-*, обусловлена двумя причинами – кроваво-красным цветом его настоя и применением растения для остановки кровотечения: *крававник* (Зап. Росс.), *крававник* (Малор.), *краванык* (Вол.), *крававленник* (Витеб.), *крававница* (Нижег.) [1. С. 5], *крававик* (б.м.), *крававник* (Тул., Калуж., Пск., Волог., Арх., Том. Том., Тегульд. Том.) [2. Т. 15. С. 264; 3. Т. 2. С. 155]; бел. *крываўнік* (спорадичн., общезв.), *крываўнік* (зап.-полесск., Понем.), *кывавец* (Гомел., Лоев. Гомел.; Берестов. Гродн.), *кываўка* (Верхнедв., Россон. Витеб.; Берестов. Гродн.; Смолевич. Минск.), *кряўнік* (Ворон. Гродн.), *кывапуск* (Гродн. Гродн.; Могил. Могил.), *кывацеч* (Кругл.

Могил.), *іванава кроў* (Мстисл. Могил.), *сямёнава кроў* (Климович. Могил.) [4. С. 85]; укр. *kervavnyk, k'ervavnyk, krivavnyca, kryvavnyk* [5. С. 4], *крававник, кривавник, кривавник, курвавник, крвавник* (во всех укр. гов.), *крівавниц'а* (зап.-укр. гов.), *кровник, кривник, кривник* (бойков., закарп., гуцул. гов.), *краваник, кровл'аник, кровл'анник* (закарп. и некоторые другие зап.-укр. гов.), *кровл'анка, кровіанец', кровник жінецький* и под. (закарп. говоры) [6. С. 242, 243]; србх. *краввац* [9. С. 7]; чеш. *krvavnik, kervavnik* [18. С. 246]; рутен. *krwawnyk*, пол. *krwawnik* [19. С. 164]; луж. *кравник* [12. С. 8]; кашуб. *krv'otok* (Ямно) [20. Т. 2. С. 254]. Полагали – не исключено, что под влиянием названия, – что тысячелистник «для крови полезен» (Том. Том.) [3. Т. 2. С. 155]. Кровоочистительные свойства приписывались тысячелистнику и на Украине [17. С. 44]. Поскольку считалось, что этим растением лечили свои раны хайдуки, оно получило названия србх. *ajdучица, ajдучка трава, хайдучица, хайдучка трава* [9. С. 7]; болг. *хайдушка трева* (Кюстендилско) [8. С. 88]; согласно поверью, хайдуки ее и «разнесли» [14. С. 239–240]. С учетом этимологических данных [21. Т. 3. С. 117], не исключено, что слову *кровь* родственны и фитонимы укр. *кр'ачка, кречка* (гуцул., буков. гов.) [6. С. 243].

Другие болезни, которые лечили с помощью тысячелистника, также отразились в его названиях: *грыжняя трава* (Перм., Вят.) [1. С. 5; 2. Т. 7. С. 177], *грыжник* (Том. Том.) [3. Т. 2. С. 155], *грудная трава* (Смол.), *грудная кашка* (Олон.) [1. С. 5]. Названия типа *узик* могут быть обусловлены как узкими листьями растения (мотивация по форме), так и использованием в народной медицине для «суживания», т.е. от поноса и кровотечений: *белый узик* (Волог.), *сузик* (Тамб.) [1. С. 5]; очевидно, сюда же относится искаженное *кузик* (Волог.) [2. Т. 16. С. 23]. От болезней желудка и кишечника тысячелистник использовали в Среднем Приобье [3. Т. 2. С. 155–156]. Сюда же можно отнести и болг. *faštanak* (Сандански) от основы *faštam* (диал.) ‘хватать’ «по употреблению тысячелистника как вяжущего средства при желудочных и кишечных заболеваниях либо при кровотечениях» [7. С. 63]. О способах применения говорят названия *растиральник* (Тамб.) [1. С. 5], *парильник* (Том. Том.) [3. Т. 2. С. 157]. Название *выпадок* (Влад.) обусловлено применением «от болезни “выпадок” на руках и ногах» [1. С. 4, 5].

Важное место в народной медицине занимает принцип *signatura rerum*. Так, в Вологодской губ. разновидность с белыми цветами употреблялась для излечения белей, с красными – для открытия регул (Кадн., Волог. Волог.) [2. Т. 8. С. 347]; в Пермской губ. тысячелистник с розовыми цветками пили от маточного кровотечения, а с белыми – от белей (при этом недомогания назывались *красная грыжа* и *белая грыжа* соответственно) [22. С. 8–9, 13–14]. Последнее применение отразилось в фитониме *сподбела*: «пьют женщины спод белей» (Юргин. Кемер.) [3. Т. 2. С. 155]. Им лечили различные женские заболевания (Махнев. Свердлов.) [2. Т. 3. С. 28]; ср.: «помогает женщинам при воспалениях всяких» (Асинов. Том.) [3. Т. 2. С. 156]. Это растение употребляли при разных женских заболеваниях и в Словении [23. С. 245]. В русской народной медицине, кроме того, он употреблялся «для открытия молока у матерей» [1. С. 5].

В Смоленской губ. настой тысячелистника в вине употреблялся при расстроенном пищеварении, а также при маточных заболеваниях. В Воронежской губ. настой на водке пили от лихорадки, в Закарпатье – для остановки кровотечений, при желудочных заболеваниях. В Приаргунском крае настоем и отваром тысячелистника лечили лихорадку, настоем корня полоскали больные зубы; в Закарпатье на больные зубы клали корень тысячелистника, который назывался *зубной корень* [15. С. 80]; при зубной боли пользовались им в Чайнинском и Асиновском р-нах Том. обл. [3. Т. 2. С. 156]; на центральной Бойковщине отваром на молоке или воде полоскали рот при зубной боли и с целью профилактики [17. С. 86]; сваренное растение клали на больной зуб в Словении [23. С. 228]. Это растение также считалось лекарством от недержания мочи (Шегар., Том. Том.), от воспалений и

грыжи (Том. Том.), от «надсады» (Яшк. Кемер.), заболеваний печени (Асинов. Том.); его применяли для улучшения аппетита (Асинов., Каргасок. Том., Яшк. Кемер.) [3. Т. 2. С. 155–157].

На Украине тысячелистник использовали крайне широко, прежде всего при лечении заболеваний, связанных с кровью: чай из листьев пили при геморрое, чирьях и слабой менструации; сок, выжатый из листьев, способствует заживлению ран; им лечат также старые язвы, долго гноящиеся раны, чирьи и пр. При отсутствии сока свежих листьев использовали напар из цветов. Чай из цветов тысячелистника пили при маточных кровотечениях, при кровохарканье. При воспалении кожи к больному месту прикладывали «истолченные и превращенные в массу листья тысячелистника» или смазывали его мазью из тысячелистника, считалось также, что это растение улучшает пищеварение и способствует правильному обмену веществ [16. С. 20, 21]. В Закарпатье тысячелистник носил также название *запальная трава*: «от послеродовых и вообще женских болезней заваривали траву кипятком или настаивали на водке и пили»; тысячелистник считался хорошим средством от сыпи и простуды; его употребляли также от рези в животе и от поноса [15. С. 80–81].

В Карпатах чай из листьев и цветов тысячелистника пили «при отсутствии аппетита, заболеваниях желудка и печени». В центральной Бойковщине «отвар всего растения на воде или молоке использовали для полосканий при зубной боли, а также в профилактических целях». Размятые свежие листья прикладывали к ранам как кровоостанавливающее и дезинфицирующее средство. Отвар корней тысячелистника пили от кашля, при воспалении легких, а также при некоторых женских заболеваниях, особенно кровотечениях [24. С. 44–45].

Отвар травы тысячелистника, иногда – целого растения с корнем (Днепропетр.) либо сок свежего растения пили при сильных болях желудка, поносах, в Полтавской и Тернопольской обл. считался средством от лихорадки. Лечили им и женские болезни – отвар пили роженицы в случае сильных послеродовых кровотечений (Киверц. Волын.), послеродовой горячки (Вост. Подолье), давали пить девушкам, если у них долго не появлялись месячные, использовали при маточных кровотечениях. Отвар травы тысячелистника (на Гуцульщине – корня) употреблялся при простудных заболеваниях, кашле, воспалении легких. Иногда его пили в виде отвара при головной боли (Гоцан. Ровенск.), ночном недержании мочи (Ровенск., Терноп.). На Тернопольщине при отеках сердечного или почечного происхождения отекавшие места обкладывали растертыми листьями тысячелистника. Не только на Украине, но и в народной медицине многих других народов тысячелистник использовали «преимущественно при желудочно-кишечных заболеваниях и как кровоостанавливающее средство» [17. С. 85–86].

Тысячелистник является одним из самых популярных растений в болгарской народной медицине; цели его применения во многом совпадают с уже перечисленными: «Отвар листьев и цветов употребляется против малокровия, для усиления аппетита, против песка в печени, ревматизма, малярии, глистов у детей. Свежее растение, истолченное в кашицу или в виде настойки в деревянном масле, употребляется против чирьев и ран. Высушенным растением подкуривают маленьких детей и рожениц. Отвар листьев и цветов оказывает возбуждающее действие на слизистую оболочку всей пищеварительной системы, усиливает пищеварение, увеличивает аппетит и поэтому употребляется как укрепляющее средство; служит еще для очищения крови, против анемии, геморроя, золотухи, кожных сыпей, ревматизма, подагры, скарлатины, кори, оспы, малярии, туберкулеза; также действует успокоительно при воспалении и болях желудка и кишок, против диареи и запора; смягчает дыхательные органы, облегчает отделение мокроты при трахеите, бронхите и астме; действует против кровоизлияния при геморрое, кровохаркании, при обильной менструации, а также для урегулирования недостаточной менструации;

против болезней печени, желтухи; при воспалении почек и мочевого пузыря, энуреза; против солитеров и детских глистов; возбуждающе действует на нервную систему и служит против истерических припадков, головной боли, головокружения, спазмов у детей. Внешне в виде припарки или кашицы из свежего растения употребляется против чирьев, ран, отеков. Отвар служит для промывания больных глаз» [8. С. 87–88]. О применении от болезней сердца можно сделать вывод из фитонима *сърчово биле* (Асеновградско) [8. С. 88].

Довольно видное место занимает тысячелистник в народной медицине сербов; особенно большая сила приписывается тем растениям, что были собраны в период между Успением Богородицы и Рождеством Богородицы (србх. *Међудневице*). Он «употребляется от многих болезней, а особенно как чай в случаях чахотки, прикладывается к ранам; смешанный с мочой, останавливает кровь [...] Также является лекарством от золотухи (в растительном масле, которое пьют), лихорадки (в ракии, с заклинанием, которое произносят девять раз), желудочных заболеваний (чай), боли в сердце, зубной боли» [14. С. 239–240].

В польской народной медицине толченые листья тысячелистника прикладывают к ранам. Напар растения употребляли от чрезмерно обильных менструаций. Заваренную траву пьют от головной боли [19. С. 164–165]. В лужицкой народной медицине используется как кровоочистительное, а вид *Achillea ptarmica* L. – против головной боли [25. С. 231].

Известно применение тысячелистника в косметических целях: «Ещё отваривали цветки и делали настойки и после бани им промывались, чтобы кожа-то молодела, я и детишек в ем купала от сыпей всяких» (Бакчар. Том.) [3. Т. 2. С. 155]; на Украине в напаре сухих цветов мыли лицо, отчего кожа приобретала «бархатистость и матовый цвет» [16. С. 20]. В Польше тысячелистник использовали для ополаскивания волос [19. С. 165].

Наконец, тысячелистник считался универсальным лекарственным средством: «он ото всех болезней» (Шегар. Том., Яйск. Кемер.); «от всякой заразы» (Мариин. Кемер.) [3. Т. 2. С. 155, 156]. О лекарственных свойствах растения говорит и укр. *гойатник* (закарп. гов.) [6. С. 243].

Сведения об употреблении тысячелистника в народной ветеринарии гораздо малочисленнее. Так, в Болгарии настойку толченого свежего растения в деревянном масле употребляли от червивых и прочих ран у скота, а отвар добавляли домашним животным в корм против мочеиспускания с кровью и запора [8. С. 88]. Фитоним *норичная* (Олон.), относящийся к виду чихотник хрящеватый *Ptarmica cartilaginea* [1. С. 277], может указывать на лечение этой травой болезни *норица*; значения этого слова по говорам различаются: болезнь вымени у коровы (Ленингр., Пск.); болезнь лошадей с нарывами и язвами (Смол., Курск., Орл., Твер.); болезнь телят (Яросл.) [2. Т. 21. С. 280]. Также есть сведения о применении тысячелистника для лечения животных в традиционной культуре лужичан [25. С. 231].

На цветении тысячелистника основана болгарская примета: «Когато много цвѣти равнецьгъ, зимата бива добра» [8. С. 87].

8) Интерес представляют фитонимы, мотивированные использованием в детских играх, но одновременно входящие в группу названий, связанных с кровью. На Украине, где тысячелистник был известен под названием *кравник* или *серпоріз*, он использовался следующим образом: «Хлопці граючись з носа кров'ю ним спускають, тоді як він ще молодий і зветься серпоріз, настромляють свіжого зілля в ніс і тоді б'ють або душать легенько за ніздрі» [26. С. 1]. Сербский фитоним *пусти баба коњу крв* обусловлен аналогичными игровыми практиками: «Дјеца метну један струк ове траве у нос, па држећи га једном руком под носом другом стиснутом бију у ону одоздо говорећи: “Пусти, баба, коњу крв и телету млека!” И тако чине док не удари крв из носа» (Дети суют один стебель этой травы в нос, и, держа его одной рукой под носом, другой сжатой рукой бьют в нее, приговари-

вая: «Пусти, баба, коню кровь, а теленку – молоко!» [27. С. 96–97]. Думается, что на основании этих контекстов можно включить в эту же группу фитонимы *носочистка* (Вят.), *кривопуск*, *кровепуск* (Белор.) [1. С. 5], *рудометка* ‘растение Achillea, которым пускают кровь из носу’ [28. Т. 4. С. 108], бел. *рудамётка* (Смол. диал. рег.) [4. С. 86]¹. И.В. Сабадош полагает, что укр. *мурашчульник* и подобные также «происходит от *мурашка* под влиянием способности растения вызывать кровь и боль при раздражении им слизистой оболочки» [29. С. 78–79]. В этом контексте интерес представляют фитонимы англ. *nose-bleed*, фр. *saigne-nez* [9. С. 7].

9) Ряд названий тысячелистника обусловлен мифологическими представлениями о нем, как, например, в.-луж. *wódnomużowe zelo* ‘тысячелистник Птармика Achillea ptarmica L.’. Это растение является атрибутом водяного. Согласно поверью, водяной «в руке носит веточку тысячелистника, которым разделяет воду, чтобы идти домой посуху» [30. С. 334]. Он также имеет силу апотропея; так, тысячелистник, если носить его при себе, прогоняет полудницу. В лужицкой сказке женщина встретила полудницу, которая хотела украсть ее ребенка; только волшебная трава помешала той сделать это [31. С. 144–145]. Кроме того, тому, кто имеет при себе тысячелистник, не может повредить водяной [31. С. 299]. Как видно, тысячелистник связан с водным мифологическим персонажем. Отметим, что некоторые фитонимы также связывают тысячелистник с водой: укр. *мокрец* (подол.-покут. гов.) [6. С. 243], србх. *водени спориш* [9. С. 7]; ср. также *рыбка* (Дон.) [2. Т. 35. С. 296], укр. *ринка* [6. С. 243], словен. *ribica* [23. С. 172, 235] с неясной мотивацией.

Србх. *спориш*, по всей вероятности, этимологически близко русскому *спор*, *спорица* [32. Т. III. С. 313]. Это тем более вероятно, что некоторые признаки, приписываемые тысячелистнику в сербской традиции, позволяют сопоставить его с русскими поверьями о разрыв-траве: «Если ею прикоснуться к какой-либо железной преграде или цепи, она сама падает или открывается. Если у косаря, без удара о твердый предмет, коса сломается на части, он знает, что наткнулся на спориш. Чтобы отделить его от других трав, надо сразу взять скошенный пучок и бросить в воду ближайшей реки. Тогда только спориш плавает, а другие травы тонут» [33. С. 60]. К этой же группе отнесем србх. *спор*, *споришевина*, *спорић-столистак*, *водени спориш* [9. С. 7], болг. *спорезъжъ*, *спорешъ* [8. С. 87].

10) Латинское название тысячелистника обыкновенного – *Achillea millefolium* – было искажено и послужило основой таких названий, как *ахла* (Смол.) [2. Т. 1. С. 297], *ахиллея* (Петерб.) [1. С. 5], *милефоль* (Кадн., Волог. Волог.) [2. Т. 18. С. 160]; бел. *ахла*, *ахлэй* (Смол. диал. рег.) [4. С. 86]; болг. *малфолумъ* [8. С. 87]. Србх. *маланковица* [9. С. 7] также предположительно относится к искажениям термина *millefolium* [32. Т. 2. С. 361]. Нем. *Dorant* ‘тысячелистник Птармика Achillea ptarmica’ было заимствовано в в.-луж. *turant*, *turanćik*, *worant*, *tóranćik*, *durancćik*, *dórant*, *dóranćik*, *tórant*, *tóranćik* ‘тысячелистник Птармика Achillea ptarmica’ [34. С. 13, 33]. К лат. *Roma* ‘Рим’ (через немецкий, затем польский) восходит укр. *румер* [6. С. 243; 21. Т. 5. С. 141].

11) Как в случае с почти любым травянистым растением, целый ряд фитонимов обладает неясной мотивацией, иногда в сочетании с неизвестной этимологией. К таким фитонимам относятся, например, *карлык* (Енис.) [2. Т. 13. С. 93], *коз-рапорт* (Олон.) [2. Т. 14. С. 73], *живучая трава* (Кал.), *золотень* (б.м.), *маквица* (Тул.), *материнка*, *мерчик* (Волог.), *разплет* (Олон.), *сановник* (Олон.), *чиганды*, *чипан* (Олон.) [1. С. 5]; бел. *карэўка* (Хойн. Гомел.), *плешинік* (Ушач. Витеб.), *станоўнік/станоўнік* (Лельч. Гомел.), *шчыр* (Стародорож. Минск.) [4. С. 86]; укр. *загаз’овка* (буков. гов.), *зеленец*’ (среднеприднепров., бойков., гуцул. гов.), *купінка* (закарп. говоры), *материнка* (приднепров. гов.) [6. С. 243]; болг. *изройче*

¹ Ср. рудометка ‘лекарка, которая пускает баночную, подкожную кровь’ [29. Т. 4. С. 108].

(Трънско), *покосничко биле, ружък, таянь* [8. С. 87, 88]; србх. *аспра, божја халуга, божје дрвце, качак, коромачић, кучја трава, тучија трава, мали стозлат, морачика, тинторова трава, хрб* [9. С. 7].

II. Помимо названий, непосредственно отражающих признаки растения, тысячелистник получил множество названий, в которых те же признаки не называются прямо, но осмысляются с помощью других **кодов** традиционной культуры, а для их образования использованы слова из лексико-семантических групп, объединяющих предметы, имеющие какие-либо общие признаки с интересующим нас растением.

1. Антропоморфный код.

Уже упомянутая разница в окраске экземпляров может осмысляться как противопоставление женского и мужского: *женский тысячелистник, мужской тысячелистник* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155], *женской деривий* [1. С. 5], укр. *кровник жіне'кий* (закарп. говоры), *деривій женс'кий* (полт. гов.) [6. С. 242, 243]. Более темная окраска обычно связывается с мужским полом: «Это тысячник. Розовый – мужской, а белый – женский» (Мариин. Кемер.); «Женский белый. Ну, наверно женщина посветлей, так и назвали» (Яшк. Кемер.); «Есть мужской цвет, и есть женский. А один розовым цветёт, а другой белым, так и отличают» (Том. Том.). Однако возможен и противоположный вариант: «Мужской цветет сбеда, а женский – срозова» (Бакч. Том.). В таком случае цвет обычно соотносится с конкретным заболеванием, от которого применяется растение: «Вот он если розовым светочки – это женский, а если белый – то уже мужской [...] Кода сильна менструаца, он помогает хорошо»; «Розовый женский, белый мужской. Его пьют от кровотечения»; «Там тысячелистник есть, белый, женские заболевания которые там лечут, а ещё есть розовый, женский который»; «Один белый – мужской, а этот розовый – женский» (Том. Том.); «Он мужской – белый, женский – розовый» (Кожевн. Том.); «Растет у меня в огороде тысячелистник, их два вида: белый и розовый, белый – это значит мужской, розовый – это значит женский. Цветочки, которые белые, это мужской тыщелистник, его употребляют при мужской болезни, а розовый женский» (Первом. Том.); «Белый тысячелистник называют мужским, он лечит мужские болезни, а розовый называют женским тысячелистником. Им лечатся женщины» (Яшк. Кемер.) [3. Т. 2. С. 155–157].

Использование в фитонимах имен собственных в большинстве случаев обусловлено широко распространенной практикой названия растений по календарным праздникам. Ряд южнославянских названий тысячелистника образован от основы *Яневден/Еньовден* (день св. Иоанна) не только в связи со временем цветения, но и по использованию в ритуальных действиях этого дня: болг. *еневичка, еньюво биле, еньювица бѣла* (Асеновградско), *енювче* (Добрич), *яновица* (Пещерско), *яничево биле, янювичка* [8. С. 87–88], *janevče* (Малко Търново), *janeviče* (Малко Търново), *jan'uvika* (Пловдив, Асеновград), *jan'uvička* (Ардино, Смолян), *janovica, en'ovica* (Велинград, Асеновград), *en'uvče* (Радомир, Лерин), *enevička, en'ovička* (Гоце Делчев), *enevika* (Първомай, Асеновград, Пловдив, Гоце Делчев, Разлог), *enevalen'ova kitka, eneva treva* (б.м.) [7. С. 160, 161, 164]; србх. *бело иванско цвеће* [9. С. 7]. Единичным является название, связывающее тысячелистник с другим календарным праздником: србх. *петровско цвеће* [9. С. 7]. Также от имени собственного образованы фитонимы *матренка* (Даур.), *матрежка* (Костр., Казан.) [1. С. 5], *матрѣнка* (Влад., Костром., Нижег., Волог., Свердл., Моск., Ряз., Калинин.), *матрѣшка* (Костром., Казан., Анненков. Пск. Куйбыш. Свердл. [2. Т. 18. С. 35].

Лексико-семантическая группа «части тела» представлена фитонимами *волосная трава* (б.м.), *волосец* (Приарг.) [1. С. 4], бел. *валасьнік* (Краснопол. Могил.) [4. С. 86].

2. Зоонимический код.

Использование зоонимов (а также лексем *лапа* и *хвост*) в названиях тысячелистника по большей части обусловлено формой удлинненных, перистых листьев либо компактных мягких белых соцветий: *кукушечьи лапки* (Охан. Перм.), *кошачья лапа*, *кошачья лапка* (Колпаш. Том.) [2. Т. 16. С. 47, 259, 264]; болг. *гуццерова опашка*², *гуццерка* (Търновско) [8. С. 88], србх. *куњи реп*, *куња опаш*, *куница* [12. С. 7, 8]; чеш. *myší chvost*, *myší chvostik*, *mačí chvostik*, *mašáci chvostik*, *mašáci činec* [18. С. 245], *myší chvostek* (средне- и восточноморавские гов.), *myší ocásek* [35. С. 122, 229]; луж. *хонуш*, *вонуш*³ [12. С. 7]. К этой же группе отнесем србх. *језичац* [12. С. 7], *језичец* [9. С. 7].

Вероятно, сочетание признаков цвета и формы привело и к образованию названий *баранья трава* (б.м.) [2. Т. 7. С. 136], укр. *трава зайча* (слобож. гов.) [6. С. 243], в.-луж. *běła wowča rutwica (rutej)* [10. С. 133], *wowča rutwica*, *wowča rutej* [34. С. 62, 78]⁴. Чеш. *huší ocásek* (букв. «гусиный хвостик») (Ихлава), вероятно, возникло не только по цвету, но и оттого, что «часто растет на местах, где пасутся гуси» [35. С. 149], ср. *гусиная греча*, *гусинник* [28. Т. 1. С. 411]; болг. *гаскина трева*, *качино цвѣтче*, *качино цвѣткѣ* (Лерин), *пача трева*, *пачи пера* [8. С. 88]; кашуб. *gąsė krępki* [20. Т. 1. С. 311]. В то же время листочки тысячелистника – хороший корм для индюшат, отсюда кашуб. *gulė zelė*; «Bez gulėgo zelėgo gula nė urosce» (Без индюшачьей травы индюшки не растут) [20. Т. 1. С. 383]⁵. Возможно, сюда же следует отнести *гулявица* (б.м.) [28. Т. 1. С. 407], укр. *гул'авиц'а* (подол. гов.) [6. С. 243]. Тысячелистником кормили молодых индюшат и в Словении, ср. словен. *pirečnjak* [23. С. 172, 228, 235], а также србх. *пурански језичец*⁶ [9. С. 7]. Неясна мотивация названий *зміиная трава* (Яросл.) [1. С. 5], болг. *врабчино цвѣткѣ* [8. С. 87].

Крайне многочисленны и разнообразны украинские названия с корнем *мур-*, составляющие в сумме свыше ста пятидесяти (все они отмечены в закарпатских говорах): *мур'анка*, *мур'ашчук*, *мур'ишчунник*, *мур*, *мурові*, *мур'ав*, *муравка* и мн. др.; к этой же группе относится описательное название *тота*, *ичо по н'уй мур'ашки ход'ат'* [6. С. 241–242]. Очевидно, последнее можно принять как мотивацию всех фитонимов этой группы. Возможно, на основании подобных фитонимов путем народной этимологии появилось укр. *бол'ашчулник* [6. С. 241]. Неизвестна мотивация фитонима *блонища* (Махнев. Свердл.) [2. Т. 3. С. 28]; возможно, семантически он примыкает к описанной выше группе по принадлежности к лексико-семантической группе «насекомые».

3. Растительный код.

Возможно, по белому цвету лепестков тысячелистник сравнивается с гречихой: *гусиная греча*, *гречина* [28. Т. 1. С. 407, 411], *греча* (б.м.), *греча дикая* (Волог.) [2. Т. 7. С. 136], *гречушка* (Уфим.), а также с ромашкой: *романина* (Волог.), *ромашка* (Смол.) [1. С. 4, 5]. По форме листьев тысячелистник получил названия *морковник* (Курск.), *рябинка* (Подол.), *рябинка лиловая* (Вят.) [1. С. 5], *морковка* (Ср. Приоб.) [3. Т. 2. С. 155], *ёлочка* (Никол. Волог.) [2. Т. 8. С. 347], укр. *морковйат'* (приднепров. гов.), *морковник* (слобож. гов.) [6. С. 243]; болг. *офикъ бѣль* [8. С. 87]. По запаху образовались перенесенные с других растений названия *попынка* (Глубок. Вост.-Казах.) [2. Т. 29. С. 177]; бел. *пыжма* (Ветк., Рогачёв., Речиц., Лоев., Буда-Кош. Гомел.) [4. С. 86], укр. *пижма*, *пижмо собаче* (Киев.) [6. С. 243]; болг. *дивъ пелинь*, *вратица* [8. С. 87]; в.-луж. *wróćica* [34. С. 62]. Возможно, горький вкус мог послужить и сравнению с рутой: в.-луж. *běła wowča rutwica (rutej)* [10. С. 133],

² Болг. опашка 'хвост'.

³ В.-луж. *wopiš* 'хвост'.

⁴ В.-луж. *wowca* 'овца'.

⁵ Кашуб. *gula* 'индюшка'.

⁶ Србх. *пура* 'индюшка'.

rutwica, rutwička, rutyča, rutyčka, wowča rutej, wowča rutwica [34. С. 29, 62, 78], *rjetwička* [25. С. 231].

Болг. *ресуля, ресулява билка, ресуляа билька* (Леринско), (а, возможно, и *рис-нява трева*) [8. С. 87] произведено от основы *рес(a)* ‘сережка, колосок однополых цветков некоторых растений’ «в связи с формой и структурой лепестковых разветвлений, напоминающих сережки» [7. С. 139].

4. Нечастый в народной ботанике астрономический код нашел отражение в болг. *месечнякъ* (Добрич), макед. *месечнякъ* (Крива Паланка) [8. С. 87, 7. С. 131], србх. *jalova mesečina, јалови месечњак, јалово месечје, месечина* [9. С. 7] – от основы *месеч-* ‘месяц, луна’, с которой сравнивается круглое, плоское и белое соцветие тысячелистника [7. С. 131]; ср. также србх. *жу́та месечина, звезда, месечина, месечник, месечњак* ‘тысячелистник желтый *Achillea clypeolata* S.S.’ [9. С. 7].

5. Предметный код.

Этот код также отражен в названиях тысячелистника: ст.-чеш. *řebříček*, чеш. *řebříček, žebříček* (чешские, средне- и восточноморавские говоры) [35. С. 183]. Эти названия обусловлены тем, что «перистые листья вида *Achillea millefolium* напоминают лесенку (для влезания на дерево и под.), но не с двумя рядами по сторонам, а с одной посередине, которая до сих пор, наряду с двуреечной, обычна на Мораве (тут ее называют «цыганская лестница»). Слово *řebřík* произведено от *řebro* (**rebro*, новочеш. *žebro*), так как такая однореечная лестница напоминает спинной хребет с ребрами» [18. С. 245]. Ср. србх. *ребрац* [9. С. 7], а также название вида тысячелистник мелкоцветковый *Achillea micranthoides* Клок. *лестница* (Аскульск. Куйбыш.) [2. Т. 17. С. 14].

6. Пищевой код.

Как и многие другие растения с мелкими цветками, собранными в пучок, особенно сложноцветные [36. С. 90], тысячелистник получил названия *кашка* (Моршан. Тамб., Моск., Калуж., Костром., Нижегород., Петерб., Пск., Саратов., Смол., Ярослав., Пенз., Чкал., Перм., Вят., Тул., Яшк. Кемер.), *белая кашка* (Моск., Тул., Тюмен. Тобол.) [1. С. 5; 2. Т. 13. С. 151; 3. Т. 2. С. 155], *грудная кашка, мелкая кашка* (Олон.), *дикая каша* (Казан.), *кашица* (Влад.), *кашка белголовник* (Калуж.) [1. С. 5]; укр. *кашка* (лемков., закарп., буков. гов.) [6. С. 243]; чеш. *kroupky, krupička* (чешские гов.) [35. С. 229]; кашуб. *gąsè krëpki, krëpki, krëpni kv'at, krëpnik, kuřè krëpki, męšè krëpè* [20. Т. 1. С. 311; Т. 2. С. 248, 302; Т. 3. С. 77]⁷. К этой же группе отнесем ряд названий *греча, гречка, гречиха полевая, греча дикая* (б.м.), *гречиха дикая* (Волог.), *гречина трава* (б.м.), *гречушка* (Уфим.) [1. С. 4].

7. Числовой код широко представлен в названиях интересующего нас растения, в том числе и в номенклатурном названии. Самое распространенное из них – *тысячелистник*, «заимствованное, но употребительное в большей части Великой России» [1. С. 5], в том числе и под влиянием литературного названия; при этом в диалектах оно может мотивироваться как количеством листьев, так и количеством цветков, вопреки названию: «У него листочков много, тысячи, вот и называется тысячелистником» (Бакчар. Том.); «Называется тысячелистник, потому что там столько листьев. Их же не сосчитать» (Яшк. Кемер.); «Ишь сколько у него листков» (Том. Том.); «Вишь, у него скоко листков-то. Тыщи две» (Асинов. Том.); «Листьев и лепестков у него уж не меньше тыщи. Вон какая шапка» (Чаин. Том.) [3. Т. 2. С. 155, 156]. Зафиксированы и варианты этого названия: *тысячелист, тысячелистка, тысячелистник, тысячелистница, тысяччулистник* (Ср. Приоб.), *тысячник* (Мариин. Кемер., Зырян. Том.) [3. Т. 2. С. 155, 156]. В других славянских языках: бел. *тысеннік* (Ляхович. Брест.), *тысячаліснік* (Бельнич. Могил.) [4. С. 86]; укр. *тыс'ачолистник, тис'ачолисник, тис'ачалистник, тис'ачалисник*,

⁷ Кашуб. *krëpki* – уменьшительное от *krëpè* ‘каша’.

тыс'ачелистник звичайний, тис'ачелистник (полт., херсон., закарп. гов.), *тис'ачник* (закарп. гов.), *тис'аченец'* (приднестров. гов.) [6. С. 243]; болг. *хлядолистник* [8. С. 88]; чеш. *tisicilistník* (пер. с лат. *millefolium*) [18. С. 246]; пол. *тисцяцлистов* [12. С. 7]. Корень *тысяч-* обыгрывается и применительно к использованию растения: «Это вот тысячник. Он от тыщи болезней помогает» (Мариин. Кемер.); «он тыщу болезней сымает» (Яйск. Кемер.) [3. Т. 2. С. 156].

Из-за неопределенности реального числа в народных названиях этого растения числительное *тысяча* иногда заменяется на другие. Числовой код в применении к тысячелистнику интересен своей реализацией в целом ряде лексем, означающих разные числа. Кроме уже рассмотренного числа «тысяча», это число «девять»: *девятильник* [2. Т. 7. С. 324], *девятиха белая, девятиха красная* (Арх., Костр.) [1. С. 5], *девясил* [36. С. 102]. Как полагает В.А. Меркулова, первоначально способность излечивать от девяти недугов приписывалась девясилу *Inula helenium* L., затем была перенесена на другие растения семейства сложноцветных [36. С. 105]. Схожие названия получили и другие виды рода *Achillea*, например *девятигрыжная трава* (Перм.) 'тысячелистник Птармика *Ptarmica vulgaris* DC' [1. С. 277]. Отмечены узколокальные названия *пятидесятилистка* (Каргас. Том., Ср. Приоб.) [2. Т. 33. С. 221; 3. Т. 2. С. 155], *сорокалистник* [3. Т. 2. С. 155]. Фитоним *сорокоплисточник* (Терск. Мурман.) [37. С. 408], вероятно, является искажением слова *сорокоприточник*; этот и подобные фитонимы часто даются растениям, которые используются от сорока *приток* (болезней) [1. С. 391]. Более широко распространены названия с корнем *сто-*: *столистник* (Колпаш., Шегар. Том., Среднеобск., Бурят., Ильинск. Перм. Ср. Приоб.) [2. Т. 41. С. 216; 3. Т. 2. С. 155]; серб. *столика, столистац* [1. С. 5]; србх. *спорић-столистка, столика, столистка, столиста, столистка, столистац, столишник, столишник, столишник кихавица* [9. С. 7]; чеш. *stolistník* (пер. с лат. *centifolia*) [18. С. 246]; пол. *столистник* [12. С. 7].

8. М и ф о л о г и ч е с к и й код представлен уже упомянутыми выше фитонимами србх. *спориш* и под., в.-луж. *wódnomużowe zelo*.

Итак, семиотический статус конкретного растения в традиционной культуре складывается из восприятия его признаков и свойств, которые осмысляются в рамках мифологического мышления. При этом в разных славяноязычных ареалах тот или иной признак может оказаться центральным, ключевым для формирования статуса растения, либо менее важным, периферийным. Тысячелистник не относится к наиболее популярным в славянской культуре растениям, однако формирование его семиотического статуса основано на тех же признаках и механизмах. Так, белый цвет, важный для восточных и южных славян, кажется нерелевантным в западнославянском ареале. Фитонимы, образованные от корня *кров-*, не встречаются в южнославянском ареале, однако употребление для лечения ран и порезов характерно для всех групп славян. Для тысячелистника зафиксировано довольно много названий, перенесенных с других растений, что, вероятно, объясняется его периферийным положением в народной ботанике. Среди кодов традиционной культуры, использованных в метафорических названиях тысячелистника, наиболее широко представлены антропоморфный и зоонимический. Фитонимы с использованием числового кода в основном являются кальками латинского видового названия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков Н. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878.
2. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Т. 1–.
3. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006–2008. Т. 1–3.

4. Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Минск, 2001.
5. *Makowiecki S.* Słownik botaniczny łacińsko-mańoruski. Kraków, 1936.
6. *Сабодаш І.В.* Названия для тысячелистника обыкновенного (*Achillea millefolium L.*) в говорах украинского языка // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Гомель, 9–12 сентября 1975 г. Тезисы докладов. М., 1975.
7. *Choljoličev Ch.* Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme (Beitrag zur bulgarischen volkstümlichen Phytonymie). Wien, 1990.
8. *Ахтаров Б.* Материал за български ботаничен речник. София, 1939.
9. *Симоновић Д.* Ботанички речник. Имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Српска академија наука. Посебна издања. 1959. Књ. СССХVIII. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1959. Књ. 3.
10. *Wjela J.* Naše rostlinske mjena z primjenami // Časopis maćicy serbskeje. 1896. Lětnik IXL. Zešiwk 93–94.
11. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.
12. *Софрпић П.* Главније биље у народном веровању и предању код нас Срба. Београд, 1990.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-и вып. СПб., 1994–2005.
14. *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985.
15. *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
16. *Носаль М.А., Носаль І.М.* Лікарські рослини і способи їх застосування в народі. Київ, 1960.
17. *Болтарович З.С.* Народна медицина українців. Київ, 1990.
18. *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
19. *Niebrzegowska S.* Przestrach od przestachu: Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000.
20. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1967–1976. Т. 1–7.
21. Этимологічний словник української мови. Київ, 1983– Т. 1–.
22. *Демич В.Ф.* Очерки русской народной медицины. Акушерство и гинекология у народа. СПб., 1889. Ч. 2.
23. *Barlè J.* Prinosi slovenskim nazivima bilja // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. 1937. Књ. XXXI. Sv. 1.
24. *Болтарович З.С.* Народне лікування українців Карпат кінця XIX – початку XX ст. Київ, 1980.
25. *Militzer M., Schütze T.* Die Farn- und Blütenpflanzen im Kreise Bautzen // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. 1952. Číslo 1. I. džělba. 1953. Číslo 1. II. džělba. Nimorjadny zešiwk.
26. *Рогович А.С.* Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России, с некоторыми поверьями и рассказами о них. Киев, 1874.
27. *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1.
28. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1989–1991.
29. *Сабодаш І.В.* Прояв народної етимології в українських діалектних назвах флори // Дослідження лексики і фразеології говорів українських Карпат. Ужгород, 1982.
30. *Adamenko S.* Semantiska motiwacija serbskich rostlinskih mjenow // Rozhľad. 1998. Lětnik 48. Číslo 9.
31. *Černý A.* Mythiske bytosće lužiskich Serbow. Budyšin, 1898.
32. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. Т. I–IV.
33. *Лантїћ З.* Народна веровања о биљкама и животињама у Штубику код Неготина // Расковник. 1996. Година XXII. Број 83–84.
34. *Radyserb-Wjela J.* Serbske rostlinske mjena w dvěmaj džělomaj a sedmjoch stawach po abejcejским rjedže. Čestny pomnik za serbskeho přirodospytnika njeboh Michała Rostoka, zestajaј njeboh Jan Radyserb-Wjela, zjadowaј a za čišć přihotowaј Matej Urban. Budyšin, 1909.
35. *Hladka Z.* Přenesena pojmenovani rostlin v českých dialektech. Brno, 2000.
36. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
37. *Мызников С.А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

К ЮБИЛЕЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Славяноведение, № 6

© 2012 г. Г.В. МАКАРОВА

ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА: ПОЛЬСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается вопрос о действиях российского правительства по формированию общественного мнения в период Отечественной войны 1812 г., в частности пропагандистская работа, направленная на польское население Российской империи и Княжества Варшавского.

The article considers the measures taken by the Russian government in order to shape public opinion during the Patriotic War of 1812, in particular the propagandistic work aimed at the Polish population of the Russian Empire and the Duchy of Warsaw.

Ключевые слова: общественное мнение, Отечественная война 1812 г., Княжество Варшавское, Польша.

С начала XIX в., со времени вступления на престол Александра I, российские власти, прежде всего и сам император, придавали важное значение общественному мнению, стремясь, с одной стороны, учитывать его при разработке и проведении политического курса, а с другой – воздействовать на него в нужном направлении. Это было время, когда в России возникали светские салоны, завсегда таи которых обсуждали все важнейшие новости, политические события и общественные вопросы, новые литературные и музыкальные произведения и т.п.

Воспитанный в европейском духе российский император вполне разделял либеральные настроения той эпохи. Либеральные принципы Александра I распространялись также на его позицию по «польскому вопросу», одному из центральных политических вопросов, стоявших перед российским правительством в начале XIX в. После разделов Польши он стал имперской внутривополитической проблемой, не утратив при этом своей внешнеполитической значимости, поскольку «польская карта» энергично разыгрывалась на международной европейской арене. Формированию благожелательного отношения к полякам во многом способствовала многолетняя дружба Александра I с Адамом Чарторьским, представителем крупнейшего польского магнатского семейства – «фамилии», имевшей

МАКАРОВА Галина Васильевна – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

родственные связи с последним польским королем. Адам Чарторыйский и его брат Казимеж были присланы «фамилией» в Петербург ко двору Екатерины II с целью продемонстрировать имперским властям лояльность, которая гарантировалась самим фактом присутствия ее членов в российской столице. Тем самым Чарторыйские надеялись обеспечить сохранность своих земельных владений, оказавшихся включенными в состав Российского государства (в частности, родовое гнездо «фамилии» – местечко Чарторыск находилось на Воьльни). Придя к власти, Павел I удалил А. Чарторыйского из России, преследуя цель устранить его влияние на будущего наследника престола, а также считая неприемлемым поведение поляка, уделявшего, в частности, особое внимание супруге Александра. В результате польский князь был назначен российским послом в Сардинском королевстве и покинул Петербург.

После воцарения Александра I А. Чарторыйский вернулся в Россию и снова вошел в круг ближайших друзей и соратников монарха, активно разрабатывавших программу государственного переустройства империи. Он принимал непосредственное участие в заседаниях комиссии по проведению реформы в сфере просвещения. Чарторыйскому были доверены два важнейших административных поста: товарища министра иностранных дел, куратора (попечителя) Виленского учебного округа. Чарторыйский так же, как и Александр I, внимательно прислушивался к общественному мнению. Поставленный по существу руководителем российского МИДа, он отдавал себе отчет, что это вызовет раздражение в политических кругах. «Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий и чувств русского общества», – писал он в своих мемуарах [1. С. 311]. Свое мнение он довел до сведения императора, подчеркнув никогда не скрывавшийся им и даже в категоричной форме декларируемый принцип приоритета интересов Польши.

С самого начала правления Александр I, весьма благосклонно настроенный по отношению к полякам, вел политику, учитывавшую интересы польского населения западных окраин империи – губерний, образованных из земель, вошедших в состав России после разделов Речи Посполитой. Особенно отчетливо это проявилось в организации системы образования в Виленском учебном округе, в котором продолжали сохраняться традиции Эдукационной комиссии. Создававшаяся система распространялась главным образом на шляхту.

По мере приближения войны с Францией значение «польского вопроса» – политики России относительно поляков и, в частности, позиции в вопросе о возможном восстановлении польского государства – все более усиливалось. Российские власти понимали, что ослабление враждебности поляков к России, наличие дружественных настроений в их среде способствовали бы росту российского влияния в Княжестве Варшавском, входившем в сферу влияния Наполеона. Такой поворот был бы в высшей степени желательным, поскольку само географическое положение, материальные и людские ресурсы княжества представляли собой весьма существенные факторы достижения успеха в предстоявшей войне. Однако политические круги княжества, связывавшие свои надежды с французским императором, полагали, что именно победа французов в войне с Россией поможет вернуть Польше независимость и восстановить ее в тех территориальных границах, в каких она существовала до разделов. Информация о политических настроениях жителей Княжества Варшавского и пограничных с ним губерний России поступала по различным каналам. Кроме официальных донесений российских дипломатических представителей приходили сведения, доставляемые военной разведкой русской армии. Еще в апреле 1810 г. военный министр М.Б. Барклай де Толли направил предписание белостокскому коменданту полковнику К.П. Шицу, в котором предлагалось «тайным образом обращать неусыпное внимание на все случайно-

сти, подверженные сомнениям, и доносить мне о том с подробностью». В число «случайностей», на которые следовало обращать внимание и извещать о них министра, в частности, включались следующие обстоятельства: есть ли в Белостокской области «недоброжелатели к России» и «нет ли поводов к заключениям, что в Герцогстве Варшавском приуготовливаются к войне и какое влияние слухи о том производят над обывателями» [2. Т. 1. Ч. 1. С. 32, 33]. Военная разведка вела работу с помощью посылавшихся в княжество агентов, нередко это были случайные люди, не имевшие достаточной квалификации. Данные об общественных настроениях поляков, доставлявшиеся ими, бывали неполны, неточны, а иногда и противоречивы. Однако попытки получить сведения об общественной атмосфере в Княжестве Варшавском предпринимались постоянно.

8 сентября 1810 г. полковник Шиц доносил военному министру: «Вчерашнего числа получил я новейшее известие из Герцогства Варшавского об некотором образе мыслей поляков против России, о воинском их положении и какие там носятся слухи и даже публичные разговоры». Информация была получена от агента, который сообщил, что «при инспекторском смотре князь Понятовский (командующий польскими войсками. – Г.М.) делал солдатам разные приветствия и ободрения, говоря им, что они есть отрасли того самого народа, от которого в древние времена весь свет дрожал» [2. Т. 1. Ч. 2. С. 241–242]. В октябре того же года Шиц доносил, что имеет достоверные сведения от местного жителя, ездившего в Варшаву, что «там гласно толкуют, что непременно будет с Россией война» и что его знакомые из «тамошних воинских чинов [...] ни об чем другом не ведут разговоры, как только об войне с Россией» [2. Т. 1. Ч. 2. С. 262]. В одном из агентурных документов, полученных летом 1811 г., содержится краткая характеристика высших чинов и младших офицеров польской армии. Личные цели пребывания в армии высшего командования определены чрезмерно жестко: «Вообще высшие офицеры Княжества Варшавского по большей части такие люди, которые служат более для корысти, нежели для чести». Но совершенно иначе очерчена мотивация вступления в армейские ряды молодежи: «Между низшими офицерами находится, по большей части, юношество благородное и воспитанное, оно-то с восторгом служения мнимому своему отечеству, или оболоченное игрушками крестов и степеней, храбро будет отличаться в бою». В этом сообщении по-другому, нежели в постулавших ранее, изображались настроения поляков. «Смело утверждать могу, – писал автор документа, – что почти все жители Герцогства Варшавского с искренним желанием ожидают прибытия войск российских», они приветствовали бы провозглашение Александра I или его брата Николая польским королем, что «предзнаменовало бы всем приятнейшее будущее время» [2. Т. 3. С. 128, 130].

В начале 1811 г. Александр I поручил А. Чарторьскому изучить сложившуюся ситуацию на месте, в Варшаве. В ответ князь изложил свою позицию следующим образом: полякам безразлично, с чьей помощью может быть восстановлена Польша, и Наполеону они благодарны за то, что он уже сделал для них, а это не способствует перемене их мнения. Для того чтобы это произошло, убеждал Чарторьский императора, необходимо дать обещание воссоздать Польшу в границах 1772 г., восстановить Конституцию 3 мая 1791 г. и гарантировать свободу для польской торговли. При таких условиях общественное мнение в Княжестве Варшавском могло бы измениться в пользу России. Однако результаты миссии Чарторьского и состоявшегося разговора с командующим польской армией Ю. Понятовским, были отрицательными. Отказ Понятовского от сотрудничества решил судьбу намечавшегося Александром I плана объединения военных сил Польши, Пруссии и Дании, которые могли бы выступить на стороне России против Франции [3. Р. 201].

Важность морального фактора, направленность и диапазон общественных настроений принимали во внимание обе противостоящие стороны.

Главными материалами информационно-пропагандистского воздействия во французских войсках явились военные бюллетени или приказы по армии. Они были адресованы не только войскам, но и населению, находившемуся как во французском тылу, так и на оккупированных территориях. Кроме приказов, важную пропагандистскую роль играли манифесты, воззвания к местным жителям [4].

Представители французских властей, используя патриотические настроения поляков, энергично действовали как в самом Княжестве Варшавском, так и среди поляков, служивших в рядах наполеоновской армии. Дипломаты Наполеона, преследуя цель расширения военной и политической базы Франции, инициировали идею провозглашения независимого польского государства – Королевства Польского. По времени оно практически совпало с началом войны против России. Этот политико-психологический ход вызвал бурный патриотический подъем среди поляков, вылившийся, в частности, в активное пополнение ими рядов наполеоновской армии.

Для России, в условиях назревавшей войны с Наполеоном, вопрос о политических симпатиях и ориентации поляков стал особенно актуальным не только в отношении Княжества Варшавского, но и западных губерний России, просвещенный слой населения которых в основном составляла польская шляхта. Лояльность нерусского населения западных окраин империи имела для властей первостепенное значение. Преобладающая часть польского дворянства оставалась в общем польском идейно-политическом и культурном пространстве. Оно так же, как и шляхта Княжества Варшавского, сохраняло надежду на восстановление польского государства, естественно, в границах 1772 г. Несмотря на государственную разделенность шляхетских семейств, их родственные и дружеские контакты не прерывались, они способствовали стихийному формированию и распространению общих идейных установок, общих представлений о действиях, которые следовало предпринять с целью подготовки к войне, победа в которой, как полагала польская шляхта, приведет к восстановлению независимой Польши. То, что лавровый венок победителя достанется Наполеону, сомнений не вызывало.

Автор «Записки о польской агитации в Волыни и Подолии в 1811 г.»¹ заметил: «Поляки во все времена являлись воинствующей нацией» [5. С. 147].

По военным каналам также поступала информация о контактах польского населения западных губерний с жителями Княжества Варшавского накануне предстоящей войны. Так, в донесении, отосланном П.И. Багратионом 9 февраля 1812 г. из Житомира М.Б. Барклаю де Толли, сообщалось, что поляки, приезжающие на «контракты» (ярмарки) в Киев из Княжества Варшавского без паспортов, т.е. без официального разрешения, «не упускают случая овладеть духом и умами своих соотчичей» [6. Оп. 1. Д. 149. Л. 12].

В указе Александра I от 21 марта 1812 г. министру полиции С.К. Вязмитинову отмечалось, что ввиду «обстоятельств настоящего времени» крайне необходимо обратить особое внимание «на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний, не весьма давно к России присоединенных». Задачей созданного в 1810 г. Министерства полиции являлось обеспечение внутренней безопасности государства. Министру предписывалось разослать соответствующие письма военным генерал-губернаторам и гражданским губернаторам, содержавшие требование срочно представить списки лиц, замеченных в каких-либо подозрительных политических действиях [6. Оп. 1. Д. 149. Л. 13].

Первые сведения начали поступать уже в апреле 1812 г. Из Минской губернии пришло сообщение о «генерале от артиллерии» Прозоре, который и «в прежние

¹ Дата написания и автор «Записки» неизвестны, но, вероятно, как следует из текста, она написана достаточно высокопоставленным лицом, потому как автор позволил себе обращаться к императору напрямую: «Ваше Величество прекрасно знает, что для того чтобы управлять нацией, надо знать ее дух, обычаи и национальный характер».

времена якобы был противник России и ныне не лучше расположен, имеет тайную переписку за границу». Гродненский гражданский губернатор сенатор В.С. Ланской в донесении от 13 апреля 1812 г., прилагая краткий список «неблагонадежных», замечал, что он не мог бы поручиться за «всегдашнюю верность» шляхты вверенной ему губернии: «Известная гибкость здешних умов с переменою обстоятельств, нам неблагоприятных, тотчас изменит нам; перемена обстоятельств в пользу нашу, после первых двух или трех выигранных баталий, увеличит к нам расположение и приверженность». Ланской утверждал вполне определенно, «по совершенному знанию наклонности умов здешних» (гродненским губернатором он был с 1803 г.), что, в случае неудачного для России хода войны, «все против нас восстанет со всех сторон», одни будут действовать с «энтузиазмом патриотизма, свойственным каждому благомыслящему (человеку. – *Г.М.*), потерявшему свое отечество», другие – побуждаемые «алчностью обогатиться грабежом» и третьи – «из-за боязни своих собратий [...] ибо иначе его самого, яко изменника, погубят». Прилагавшийся список он сопроводил словами: «Если ход дел будет для нас удачен, они – приверженцы наши, в противном случае – наши враги, волею и неволею» [6. Оп. 1. Д. 149. Л. 13–15].

Из Волынской губернии также был прислан список неблагонадежных лиц. В их числе назывались граф А. Ходкевич, князь Станислав Яблоновский, князь Доминик Радзивилл, генерал «французской службы» Княжевич, Феликс Годлевский, помещик Воронич, упоминался также известный польский деятель Тадеуш Чацкий, основатель Кременецкой гимназии. Названы были графы Роникеры, Игнаций Павша («по разговорам своим замечается приверженным к французскому правительству») [6. Оп. 1. Д. 149. Л. 24–25об.] Аналогичные сведения поступали также и из других западных губерний. Среди лиц, причисленных к неблагонадежным, указывались фамилии бывших участников польских национальных движений и их родственников – несомненно, что в этих семьях патриотические традиции продолжали сохраняться. Подтверждение этому содержится, в частности, в написанном позднее, в 1818 г., неофициальном документе, озаглавленном «Письмо Опытова к графине Старожиловой о восстании в Волынской губернии в 1815–1816 гг.». Об авторе из текста документа известно только, что он был надворным советником и посетил Волынь проездом в Вену. По поручению графини Опытов останавливался в различных городах, чтобы узнать подробности событий, происходивших здесь в 1815–1816 гг. – так называемой Волынской революции, при которой пострадали и ее родственники. Неясно, какую должность занимал Опытов (возможно, что это псевдоним), однако он был вполне осведомлен о деятельности Смоленской следственной комиссии и действиях российских министерств, имевших отношение к расследованию этих событий. Автор отмечал: «По актам Смоленской следственной комиссии видно, сколько там сидело в тюремных заклепах волынян-клятвопреступников, а из дел по Министерству финансов, по Министерству полиции и по Министерству иностранному удостовериться можно, сколько у волыньских помещиков конфисковано имений и каким образом вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799 и также 1806, 1807, 1809 и 1812 годов. И сколько детей своих и других молодых людей выслано здешними помещиками за границу единственно для поднятия оружия противу россиян [...] Меня уверяли, что нет почти ни одной богатой и знатной фамилии на Волыни, которая не оплакивала и не носила траура о погибших в сражениях противу России детях, братьях и родственниках» [6. Оп. 3. Д. 21. Л. 2об.].

Незадолго перед началом войны с Наполеоном российское правительство в целях обеспечения безопасности вынуждено было прибегнуть к непопулярным мерам – высылке неблагонадежных жителей из западных губерний в глубь России. Среди архивных документов сохранился «Список разным лицам, отослан-

ным из Волынской губернии на жительство во внутренние российские губернии», который содержит фамилии 27 человек. В документе обозначена их «социально-сословная принадлежность»: в соответствии с градацией, принятой в то время: абсолютное большинство составили «помещики» (12 человек), к «дворянам» отнесено было пять человек, к «шляхтичам» – шесть, еще трое определены как «бургомистр», «иностронец», «эконом», у одного социальная принадлежность не указана. У некоторых очень кратко обозначена вина, за которой последовало наказание: «за переписку с заграничными жителями», «за отлучки за границу», за участие «во вредных разглашениях», «за подозрение [!] в намерениях ко вреду общего спокойствия» и т.п. Местами высылки были преимущественно губерньские города европейской части империи (Казань, Саратов, Харьков, Житомир, Пенза, Херсон) и единственный из перечисленных – уездный Нежин. Кроме того, трое были отправлены в Оренбургские гарнизонные батальоны [6. Оп. 1. Д. 155. Л. 2–3].

Власти понимали, что недостаточно было только отслеживать не соответствовавшие правительственной политике настроения, господствовавшие в различных социальных группах, но необходимо было и предпринимать попытки воздействовать на формирование общественного мнения. Это касалось как мирного населения, так и армейской среды. В военных кругах также сознавали значение распространения достоверной информации и пропаганды, их важной роли в создании патриотической атмосферы. Еще в январе 1812 г. М.Б. Барклай де Толли выдвинул мысль об организации походной типографии, однако тогда в связи с отсутствием материально-технической базы вопрос не нашел положительного решения [7. С. 204].

Патриотический подъем затронул все слои русского общества, в том числе и университетскую профессию. Свидетельством этого явилось предложение, направленное командованию русской армии профессорами Дерптского (Гартуского) университета А.С. Кайсаровым («русской словесности профессор в Дерптском университете») и Ф.Э. Рамбахом («профессор политической экономии в Дерпте»), создать при главной квартире походную типографию. Составленная ими обстоятельная докладная записка была получена военным ведомством 5 июня 1812 г. [8. С. 145–148].

А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах обосновывали целесообразность организации походной типографии следующими соображениями: издававшиеся материалы должны были доносить достоверную информацию о военных событиях и армии, и мирному населению. Кроме того, можно было бы наладить издание документов пропагандистско-агитационного характера. Из текста совместного «доклада» профессоров вытекало, что им была известна практика Наполеона в этой сфере. В его армии, отмечали авторы документа, была разработана целая система пропаганды, которая способствовала поддержанию не только высокого воинского духа его солдат, но была направлена и на формирование умонастроений населения и войск противника. В частности, Кайсаров и Рамбах подчеркивали: «[...] Есть один способ, который Наполеон употреблял с самого появления своего на блистательном театре его подвигов, который служил ему почти столько же, как и оружие его подданных, и который мог бы и в настоящем времени принести нам величайшую пользу. Способ сей нимало не противен законам чести. Управлять мнением народов, склонять его к желаемой правительством цели всегда почиталось одним из важнейших правил политики [...] Один из легчайших к сему способов есть книгопечатание [...] Сим способом распространяются известия, которые правительству нужно сделать гласными, гораздо удобнее, нежели другим каким-либо способом». Походная типография, заверяли авторы, даст возможность оперативно откликаться на военные события – печатать последние новости с театра военных действий и реагировать на нередко ложную информацию о них противника, пуб-

ликуя опровержения распространявшихся французской пропагандой известий о мнимых победах армии Наполеона, и т.д. Докладная записка была написана в очень эмоциональном тоне, наполнена высокими патриотическими высказываниями. Авторы, хотя и несколько напыщенно, но чрезвычайно искренне выражали свои чувства и от души изъявляли желание послужить делу защиты Отечества. Они предлагали «перо свое»: «Мы живем не в тех временах, когда мнение основывалось на успехах оружия – вещи переменились – ныне успех зависит от мнения», – заявляли они. Вряд ли с этим суждением можно полностью и безоговорочно согласиться, но оно достаточно ярко показывает оценку Кайсаровым и Рамбахом значимости печатного слова [8. С. 145].

«Победа, одержанная над неприятелем и представленная в приличном (соответствующем. – Г.М.) виде, не преминула бы возбудить жителей той земли, в которой происходит война, к соединению с победителями», – писали Кайсаров и Рамбах, ссылаясь на опыт наполеоновской армии («все сие доказали счастливые французы»). Они утверждали, что употребление подобных способов привлечения симпатий «основано на природе человеческой», т.е. осмыслился социально-психологический аспект поведения человека: «Кто как думает, тот так и действует». Затем от таких дискурсивных размышлений дерптские профессора переходили к практической стороне дела. По их мнению, «правительство должно сделать книгопечатание своим орудием». Для этого необходимо создать типографию, которая «послужит ему иногда больше, нежели несколько батарей», и снова ссылались на практику Наполеона: «При его войсках есть всегда подвижные типографии». Опыт противника, полагали они, следовало использовать и русским: «Нет ни мало сомнения, что такое заведение при нашей армии, особенно в нынешнее время, принесло бы большую пользу [...] Русские побеждают не множеством, но тем духом, который их одушевляет» [8. С. 146–147].

В проекте создания походной типографии намечались конкретные организационные меры: ведомости следовало издавать на двух языках – русском и немецком, а если «почтется за нужное», то и на польском. Для этого требовалось два печатных стана с русским и немецким шрифтом, а для издания материалов на польском – соответственно и третий. Расписывался штат типографии, ее местонахождение, в целях обеспечения оперативности ее деятельности при ней должен был находиться «небольшой отряд казаков для получения известий и для развоза ведомостей». При этом Кайсаров и Рамбах выражали готовность в случае, если Александр I сочтет возможным назначить их директорами полевой типографии и редакторами ведомостей, «оставить на время свою должность» в Дерптском университете до окончания войны [8. С. 147]. Император одобрил представленный ему проект: на документе рукой М.Б. Барклая де Толли помечено: «Высочайше велено привесть немедленно в исполнение» [8. С. 148]. В соответствии с резолюцией Александра I военный министр тотчас же направил ректору Дерптского университета распоряжение о срочном откомандировании профессоров в штаб 1-й Западной армии, одновременно с ними отправлялись 12 типографских работников и два печатных станка [8. С. 4].

Военно-походные типографии, существовавшие в русской армии, печатали, в основном, военно-оперативную информацию и «чертежи» (планы, схемы, карты). Эта же типография, созданная при Главном штабе, «явилась первым опытом организации при армии агитационного центра» [8. С. 150]. Просуществовала она недолго. В августе Рамбах покинул армию и вернулся к своим профессорским занятиям. Кайсаров, выступивший листовку о сражении под Красным, по мнению главнокомандующего армией М.И. Кутузова, неверно отражавшую ход военных событий, навлек на себя его «немилость» и был отстранен «от всех должностей». В результате в декабре 1812 г. типография прекратила свою деятельность, и Кайсаров сдал ее оборудование в Виленский университет.

Российские власти и военное командование стремились воздействовать на общественные настроения населения территорий, где предстояло действовать российской армии. В частности, П.В. Чичагов, тогда еще командующий Молдавской армией и находившийся в Бухаресте, 18 июля 1812 г. писал Александру I: «В случае соединения моей армии с армией Торماسова в направлении к Герцогству Варшавскому, всенижайшее прошу Ваше Величество снабдить меня инструкциями касательно как направления армий, так и предложений, которые мне можно будет сделать, чтобы обещать полякам равносильное тому, что сулит им император Наполеон. Без какого-нибудь средства в этом роде сражения, по всей вероятности, не имели бы никаких результатов. Я полагаю, хорошо было бы объявить им, что Ваше императорское величество намерены обеспечить им достойное политическое существование, истинное и гораздо более выгодное того, которое им сделает тот, кто уже столько народов изловил на эту удочку, что Вы не имеете намерения создать королевство, которое было бы ничто иное как провинция в зависимости от префекта, что в Ваш план входит, например, провозгласить себя королем польским конституционным и что независимость их будет неприкосновенна». Подобный шаг, по мнению Чичагова, был бы весьма полезен, поскольку способствовал бы созданию более дружественной атмосферы [9. С. 4–5].

Отдельного внимания заслуживают листовки, обращенные к польскому населению России и полякам Княжества Варшавского, направленные на формирование общественного мнения в ходе войны, Александр I в одной из бесед с князем М. Огиньским, представлявшим интересы литовских поляков, сказал, что «если Бог поможет» и «нам удастся очистить от неприятеля не только русские области, но и Белоруссию и Литву», то тогда он обратится с воззванием к польским подданным империи. Александр I уточнил, что он имеет в виду планы, о которых говорил еще до войны: никаких преследований или «возмездий» в отношении поляков, выступивших против России, предприниматься не будет. Однако, по мнению Огиньского, этих мер было недостаточно: чтобы привлечь на свою сторону польское население «занятых неприятелем областей, в воззвании следует высказать надежду на восстановление Польши». «Само собой разумеется», – согласился император, сделав все-таки оговорку, что время для этого пока еще не пришло. Он просил князя заблаговременно составить текст воззвания к полякам, а пока уполномочил его «объявлять», что российский император «решил восстановить Польшу» [10. Стлб. 685]. 7 октября 1812 г. Огиньский представил Александру I проекты двух документов – рескрипта императора главнокомандующему армией М.И. Кутузову и обращения к полякам. Рассчитывая на благоприятный для России исход войны, князь убеждал императора, что тому «остается только извлечь из нее (победы. – Г.М.) пользу, установить на прочных основаниях политическую систему Европы и оградить на будущее время границу России, сделав Польшу ее оплотом». «Воззвание о провозглашении Вашего Величества польским королем, – заявил он, – было бы, без сомнения, действительнее обещаний». В связи с тем, что русские войска приближались к границам Польши («Витгенштейн перешел Двину, а Чичагов находится в Минске»), в высшей степени важно, настаивал Огиньский, чтобы эти генералы «обратились с масличною ветвью» к освобождаемому от наполеоновских войск населению, в первую очередь – польскому. В противном случае, продолжил он нажим на императора, поляки могут начать национальное восстание или же покинуть свою родину. Затем в беседе речь вновь зашла об общественном мнении, на этот раз – российском. Огиньский полагал, что в Петербурге «все отзовутся утвердительно на вопрос: должна или не должна быть восстановлена Польша на предложенных мною основаниях». Пытаясь склонить Александра I к тому, чтобы провозглашение его польским королем состоялось как можно скорее, Огиньский нашел дополнительные аргументы: союзники России положительно оценят такой шаг

как «залог сильных средств в борьбе с врагом». Англия, утверждал он, одобрит, потому что это принесет ей выгоду. Вся Европа отнеслась бы «благоприятно» к восстановлению Польши, так как увидела бы в ней защитный барьер между Россией и остальным континентом. И не без некоторого лукавства Огиньский добавил, что воссоздание польского государства выгодно и самой России: «На самом деле, преграда эта придавала бы России превосходящий перевес и обеспечивала бы ее от неприятельского нападения» [10. Стлб. 688, 690]. Некоторое опасение, по его мнению, вызывала реакция Австрии, но, учитывая ее критическое положение, можно было бы рассчитывать на ее согласие и более того – потребовать от нее возвращения Галиции. Говорил князь и об экономической заинтересованности части русского дворянства: те, кто лишился в бывших польских провинциях владений, будут лично заинтересованы в таком решении польской проблемы. Таким образом, предлагаемая им линия поведения российского монарха приветствовалась бы и польским, и русским дворянством, способствовала бы формированию благожелательного в отношении России общественного мнения и на международной арене.

В подготовленном Огиньским проекте рескрипта Кутузову позиция императора по польскому вопросу формулировалась совершенно четко: «Вам, господин фельдмаршал, и всем, пользующимся моим доверием, известно, что я с давнего времени питаю мысль восстановить польское королевство, дабы сыскать этим существенное приращение сил моей империи, образовать могущественный оборонительный оплот против всякого нападения извне и выполнить желания домогающегося восстановления своей отчизны двенадцатимиллионного населения и таким образом связать оное неразрывными узами с Россиею». В документе содержалось твердое обещание: «Польша будет существовать». От имени императора Кутузову предписывалось: «Скажите полякам, что я всегда умел ценить их храбрость и любовь к отчизне и монархам [...] что я решился восстановить польское королевство и провозгласить себя польским королем, как только войска мои довершат изгнание неприятеля». Таким образом, определялось время восстановления польского государства. Кроме того, формулировались основы будущего политического устройства Польши: поляки «сохранят веру своих отцов и особенное управление с национальными законами на основании столь дорогой для них Конституции 3 мая 1791 года» [10. Стлб. 698].

Проект воззвания Александра I к польскому народу, составленный Огиньским, включал, в частности, заявление относительно территориальных границ создаваемого государства: «Как монарх, проникнутый желанием упрочить вашу судьбу и образовать из Польши надежный оплот России, – объявляю перед лицом неба и земли: что я возобновляю и восстанавливаю польское королевство в объеме всех польских воеводств и округов, приобретенных Россиею на основании разделов 1773, 1793 и 1796 годов [sic!] , со включением округов белостокского и тарнопольского». Император, как считал Огиньский, должен объявить, что возлагает на «главу свою» корону Польши, «отдельную по праву верховного господства», при личной унии с Российской империей, и что Конституция 3 мая 1791 г. «станет основным законом польской нации». Она явится основанием, руководствуясь которым, Александр I будет «царствовать, управлять вами (поляками. – Г.М.) и содействовать упрочению вашего счастья» [10. Стлб. 698].

Проектом Огиньского предусматривалось, что до тех пор пока Россия не заключит мир с Францией, на территории Польши будет действовать временное правительство, сформированное из представителей польских политических кругов. Все поляки, сражавшиеся против русских, получат амнистию. Жители за убытки, понесенные в ходе военных действий, получат полное возмещение. Таким образом, проект обеспечивал максимальные выгоды для поляков, преследуя цель оправдать их надежды и удовлетворить их интересы.

Командование армии также предпринимало попытки оказывать воздействие на общественное мнение населения территорий, занимаемых при продвижении русских войск за пределы империи. 15 (27) октября 1812 г. командующий 3-й Западной армией П.В. Чичагов обратился к населению Княжества Варшавского, в котором, сообщая о разгроме войск Наполеона, призвал поляков отнестись к Александру I с полным доверием [11. С. 515].

17 октября 1812 г. Чичагов направил инструкцию командующему войсками в Литве генералу Е.И. Чаплицу, содержащую следующие соображения: «Нам следует выбрать среди жителей Литвы таких, которых можно было бы использовать либо для того, чтобы создать в этой стране благоприятное для нас общественное мнение, либо для того, чтобы распространять наше влияние на большую сферу, а именно на Великое герцогство Варшавское», с целью нейтрализовать влияние Наполеона. Для достижения этой цели нужно выдвинуть «положительную программу» в противовес расплывчатым обещаниям Наполеона, а «либеральные намерения государя императора, – отмечалось в инструкции, – дают нам возможность предложить им на будущее гораздо более счастливую перспективу, чем та, которую использует Наполеон для их оболыщения». Далее детально разъяснились намерения российского императора: Александр I согласен обеспечить полякам национальное существование, однако лишь при условии, «что они заслужат это своим поведением и преданностью ему» и «что благоприятное стечение обстоятельств и важные результаты этой войны дадут возможность осуществить некоторые политические комбинации на прочной и постоянной основе»; отказавшись поддерживать Наполеона, поляки будут «вправе надеяться на лучшую участь». В инструкции предписывалось: «Именно в таком направлении Вы можете, генерал, работать над созданием в Польше благоприятного для нас общественного мнения». В этой связи предлагались конкретные меры: следует «окружить себя доверенными лицами, чтобы они говорили и писали в духе ваших указаний»; направлять эmissаров; способствовать проникновению в Княжество Варшавское брошюр соответствующего содержания, причем наиболее подходящим способом является распространение брошюр о ходе военных действий. Чичагов считал полезным содействовать созданию общества, «целью которого было бы возрождение польской нации под покровительством императора» и осуществлять руководство деятельностью этого общества. В заключение Чичагов еще раз подчеркивал: «Вообще важно восстановить тесные связи с жителями этой провинции и по мере возможности умножать такие связи с населением Герцогства Варшавского» [12. С. 592, 593].

26 ноября 1812 г. за подписью М.И. Кутузова было опубликовано обращение к населению Виленской, Гродненской и Белостокской губерний. Оно было напечатано на польском языке – это свидетельствует о том, что прежде всего оно предназначалось для жителей-поляков. В нем содержался призыв оказывать содействие русской армии и обнадеживающе заявлялось, что «милосердие государя-императора безгранично». Обращение было написано в дружественном, даже в какой-то степени «отеческом» тоне. «Мне тем более приятно объявить об этом, – от своего имени заявлял главнокомандующий, – что я сохранил душевную привязанность к тем губерниям, которыми управлял и для которых волею провидения должен явиться исполнителем этого акта монаршего великодушия» [8. С. 81]. Другие обращения к жителям западных губерний также издавались на польском языке (о сдаче имущества противника, оставленного им оружия, о выдаче дезертиров) [8. С. 86–87].

12 декабря 1812 г. Александр I подписал манифест «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России». Отмечая, что «в настоящую ныне с французами войну главная часть жителей в прежде бывших польских, ныне же российских, областях и округах

пребыли нам верны», хотя были и другие, кто сотрудничал с неприятелем, – одни подчинились обстоятельствам, когда армия Наполеона вступила в пределы Российской империи, а другие «пристали еще прежде, подымля вместе с ним оружие против нас». Их особо должен был покарать «меч правосудия», но «уступая вопиющему в нас гласу милосердия [...], – заявлял император, – объявляем наше всеобщее и частное прощение, предавая все прошедшее всеобщему забвению и глубокому молчанию и запрещая впредь чинить какое-либо по делам сим притязание или изыскание». Предоставлялось два месяца для возвращения в пределы России тем, кто ушел с французскими войсками, в противном случае имущество их подлежало конфискации [13. С. 481–482].

В тот же день, 12 декабря, Кутузов издал специальный приказ по армиям о благожелательном отношении к жителям освобожденных от неприятеля губерний. Осторожно формулируя, что не все они «хотели не противодействовать» русским войскам, он решительно приказывал: «Я вижу необходимость самым строгим образом предписать всем подчиненным мне армиям, чтобы, не стремясь ни к какой мести и не причиня никаких обид жителям, убеждали бы их, что они как подданные нашего всемилостивейшего монарха, как дорогие наши братья будут защищены от бесчестного врага и всеобщего угнетателя» [8. С. 97–98].

25 декабря 1812 г. был издан манифест Александра I в связи с освобождением территории Российской империи от наполеоновской армии («О принесении господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского») [12. С. 486–487]. В тот же день император обратился и к жителям Княжества Варшавского с успокаивающими заверениями: «Вы можете спокойно оставаться в домах своих. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны». Полякам – участникам похода Наполеона против России объявлялась амнистия, исключение составляли лишь те, кто продолжал служить в наполеоновских войсках [14. С. 101–102].

27 декабря 1812 г. к полякам обратился Кутузов, призывая всех чиновников и вообще все население Княжества Варшавского после вступления русских войск оставаться «на своем месте и при своей должности, не опасаясь ни лично для себя, ни для своего имени ни малейшей обиды». Гарантировалась выплата жалованья, сохранность имущества населению и оказание помощи местным властям. Это обращение могло служить своего рода охранной грамотой, что удостоверялось специальным фрагментом ее текста: «Экземпляр сего объявления всякому, имеющему оный, служит вместо охранного листа» [15. С. 29]. Тем не менее предпринимавшиеся российским правительством меры и обращения военного командования к польскому населению все же не достигали желаемых результатов.

В ходе продвижения на запад русские войска устанавливали контакты с польским населением, которое, однако, в отношении них далеко не всегда было настроено позитивно. Командование армии стремилось найти и реализовать различные способы наладить дружественные отношения с поляками. Естественно, что с русской стороны это в основном касалось представителей офицерского корпуса. Заслуживает упоминания эпизод о пребывании в Кобрине (Гродненская губерния) А.С. Грибоедова, где он оказался в июне 1813 г. в составе Иркутского гусарского полка, входившего в 3-ю резервную армию. И хотя кобринское дворянство «поддерживало худой мир» с русскими офицерами, но по распоряжению военных властей, опасавшихся гусарских «бесчинств», контакты с местным населением были строго ограничены. Отсутствие дамского общества для гусар было весьма огорчительно. Когда, после болезни, в полк возвратился Грибоедов, ситуация стала улучшаться. Имея польское происхождение, годами проживая в родовом имении Хмелите на Смоленщине, устроенном его дедом (с 1680 г.), он немного знал

польский язык, о чем не преминул сообщить своему ближайшему окружению. Во время пребывания в Кобрине Грибоедов усвершенствовал познания в польском, и местные дворяне начали приглашать его в свои дома, а заодно и его друзей. Генерал А.С. Кологривов, командовавший кавалерийскими резервами для действующих армий, учитывая знание Грибоедовым польского языка, а также личные и родственные связи, взял его в штаб «для производства письменных дел». В круг обязанностей Кологривова входило наблюдение за настроениями местного населения. Доклады от польских агентов, приходившие в штаб, направлялись Грибоедову. Он же помогал Кологривову в переговорах с поляками при закупке провианта и т. д. [16. С. 130–132, 10, 11, 133, 134].

Об отношении польского населения к русским свидетельствовал в своем дневнике и А.И. Михайловский-Данилевский, впоследствии ставший известным исследователем истории Отечественной войны 1812 г., а тогда служивший в штабе армии и ведший военный журнал. Он писал в своем дневнике: «Поляки, по обыкновению своему, сами не знали, чего они хотели; одни говорили, что им наскучило иго французов, другие же смотрели на нас с сердитыми лицами, что было весьма естественно как по закоренелым в них к нам чувствам, так и потому, что каждый шаг нашей армии вперед отлагал час восстановления Польши». «Впрочем, – отмечал он, – полякам нельзя было на нас жаловаться, ибо армия наша соблюдала величайший порядок». Данилевский полагал, что Александр I уже в начале заграничного похода имел намерение присоединить Княжество Варшавское к России. «Я это заключаю по снисхождению, которое он оказывал полякам и которого они поведением своим не заслуживали» [17. С. 496–497].

Власти всегда высоко оценивали значение этой специфической сферы общественной деятельности, которая в настоящее время именуется политтехнологиями и социальной манипуляцией. Период Отечественной войны 1812 г. был одним из таких тяжелых поворотных моментов, когда Россия оказалась в большой опасности. Об эффективности мер, принимавшихся тогда российскими властями, в том числе и военными, целью которых было воздействие, в частности, на настроения польского населения и на формирование его общественного мнения в нужном направлении как в период, непосредственно предшествовавший войне с Наполеоном, так и во время военных действий, определенно однозначное суждение вынести сложно – документальных подтверждений тому не имеется. Однако публикация обращений и листовок, издававшихся военными типографиями, смысл которых был направлен на нейтрализацию негативных отношений поляков к русской армии, к российским властям, которые содержали призывы-пожелания к установлению взаимно толерантных контактов, свидетельствовала о понимании российской стороной необходимости такого воздействия на общественное сознание и о попытках реализовать его на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1.
2. Отечественная война 1812 года. СПб., 1900. Отдел 1. Т. 1. Ч. 1; СПб., 1900. Отдел 1. Т. 1. Ч. 2; СПб., 1903. Отдел 1. Т. 3.
3. *Zawadzki W.H.* The Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795–1831. Oxford, 1993.
4. Исторические аспекты теории и практики информационно-психологического воздействия // http://www.vrazvedka.ru/main/analytical/lekt-02_01.shtml
5. Отечественная война 1812 года. СПб., 1907. Т. 7.
6. Государственный архив РФ. Ф. 1165.
7. *Левин С.В., Тотфалушин В.П.* Жизнь и деятельность А.С. Кайсарова. // Четыре века. Сборник статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991.
8. Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962.
9. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6.

10. *Подвысоцкий А.* Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. М., 1974. № 3.
11. *Военский К.А.* Акты, документы и материалы для истории 1812 года. СПб., 1909. Т. 1. Литва и Западные губернии.
12. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1985. Серия I. 1801–1815. Т. VI.
13. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXXII.
14. Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
15. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1956. Т. V.
16. *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов. М., 2011.
17. *Шильдер Н.К.* А.И. Михайловский-Данилевский // Русская старина. 1891. № 9 (сентябрь).

© 2012 г. Н. М. ФИЛАТОВА

РОССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ КНЯЖЕСТВА ВАРШАВСКОГО В ХОДЕ КАМПАНИИ 1812 ГОДА

Статья посвящена исследованию политической пропаганды Княжества Варшавского во время Отечественной войны 1812 г. Участие в походе Наполеона на Россию польских войск было связано с желанием поляков воссоединиться с землями бывшей Речи Посполитой, вошедшими после разделов в состав Российской империи. Вплоть до 1813 г. в центральной прессе Княжества Варшавского печатались материалы, направленные на создание крайне отрицательного образа России. Анализ этого образа представлен в данной статье.

The article is devoted to political propaganda in the Duchy of Warsaw during the Patriotic war of 1812. For the Polish troupes, their participation in Napoleon's campaign against Russia was connected with the desire of the Poles to reunite with the lands of the Rzecz Pospolita, which, after the partitions, had been given to the Russian Empire. Till 1813, there were materials in the central press of the Duchy of Warsaw published, which were aimed at a very negative image of Russia. Analysis of this image is presented in the article.

Ключевые слова: война 1812 года, Княжество Варшавское, политическая пропаганда, образ России и русских.

«Польское участие в борьбе Франции и России полно парадоксов, – писал известный польский историк и дипломат С. Меллер. – [...] поляки пошли не столько за самим Наполеоном, сколько за Наполеоном, сражающимся с Россией, – в надежде, что его победа позволит вернуться к прежнему государству и обществу, объединенному независимой Речью Посполитой» [1. С. 7]. Некоторые исследователи даже называют участие Польского войска в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона «русско-польской войной» [2. С. 201]. Это находит отражение и в численности польских войск, выступивших против России (в июне 1812 г. в армии императора Наполеона под ружьем находилось 83.5 тыс. польских солдат, из них около 37 тыс. вошли в состав знаменитого Пятого армейского корпуса под командованием Ю. Понятовского; всего же в 1812 г. в Великую армию было мобилизовано 118.6 тыс. поляков, в том числе 19 тыс. – в литовских губерниях России) [3. С. 579–580], и в риторике эпохи: «второй польской войной», призванной положить конец губительному влиянию Москвы на интересы Европы, был назван поход на Россию в воззвании Наполеона, опубликованном в польской прессе. Самими поляками война воспринималась как освободительная – направленная на воссоединение с землями бывшей Речи Посполитой, вошедшими после разделов в состав Российской империи. С другой стороны, нельзя забывать и о поляках на

Филатова Наталия Маратовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

российской службе, что не воспринималось подданными Княжества Варшавского как измена, ибо в ходу были иные понятия политической лояльности, складывающиеся не только из приверженности национальной идее, но и из верности присяге, престолу и т.п.

Соответственно строилась и официальная пропаганда Княжества Варшавского во время войны 1812 г. Следует хорошо представлять себе, что уже само образование Княжества Варшавского под протекторатом Наполеона в 1807 г. было ценно в глазах поляков не только возрождением утраченной государственности, но и связанными с французским императором надеждами на ее расширение за счет земель бывшей Речи Посполитой, после разделов принадлежавших России.

Непосредственные политические цели поддерживались польскими мыслителями, рассуждавшими о противостоянии России и Европы. В 1808 г., например, польский философ Г. Коллонтай, размышляя о положении России в Европе, выражал серьезные опасения по поводу ее открыто захватнической политики. Славянская идея, оправдывающая формирование Российской империи, в его глазах выглядела неубедительно. Усилия политики России, писал он, сначала были сосредоточены на объединении под одним скипетром многих народов, которые «только потому назывались русскими, что имели единую с москалями славянскую литургию, хотя каждый из них отличался от москалей особенным диалектом славянского наречия». На самом же деле «малоросс более отличается от настоящего москаля, чем испанец от итальянца. Поэтому нельзя не удивляться смелости многих иностранцев, которые пишут с такой уверенностью, как будто выучившись одному только русскому диалекту, они в состоянии судить обо всех остальных» [4. S. 90–91].

После, утверждал польский мыслитель, Россия начала завоевывать еще не просвещенные народы, охватив безмерное пространство, «которое можно справедливо назвать отдельной частью света и которое пугает каждого, кто не может себе представить его пустынь и очень небольшого населения». Коллонтай сравнивал Россию с неотесанным юнцом, считая, что ей потребуется еще целое столетие на цивилизацию и приспособление системы управления к разным характерам завоеванных народов.

В связи с этим опасной он считал экспансию России в центр Европы, имея в виду разделы Польши, войны с Османской империей, вступление в союз с Австрией и Пруссией. «Европейские державы, – писал он, – сами подтолкнули Россию к этим серьезным шагам, неосмотрительно используя друг против друга ее помощь и не предвидя, какое опасное будущее они себе сами готовили. Но то, что случилось, превзошло их ожидания. Россия быстро из удобной для осуществления их амбиций державы, стала державой для них слишком опасной, и если бы Провидение не дало Франции человека с великим умом и великими начинаниями, можно лишь воображать себе, как далеко Россия сумела бы продвинуться в центр Европы и как с позиции силы она могла бы диктовать законы не только соседям, но и даже отдаленным от нее на юг и запад странам». Приход к власти Наполеона он считал благодеянием Господа во имя спасения Европы от опасной экспансии варварства [4. S. 93]. Более того, расширение России философ считал противоречащим ее собственным интересам. Главной причиной, заведшей Россию на ложный путь захватнической политики, он называл «желание уничтожить Польшу [...] столь докучавшую ей в XVI и XVIII вв.» [4. S. 136]. Таким образом, идея польско-русского противостояния рассматривалась Коллонтаем как ключевая для европейской политики.

Приготовления к войне отзывались в польской прессе появлениями с виду нейтральных материалов о России. (В данной статье использованы преимущественно материалы центральной газеты Княжества Варшавского «Gazeta Warszawska». Однако следует иметь в виду, что из 25 выходивших в 1812 г. периодических изданий шесть было специально нацелено на пропаганду.) В апреле-мае 1812 г. «Gazeta

Warszawska» напечатала статью «Западные границы России», содержащую географическую и статистическую информацию о западных губерниях России [5. Прил. к № 33, 38–41]. Затем появились другие материалы о будущем противнике. Например, об ужасном положении иностранцев (в частности немецких лекарей) на русской службе. В заметке констатировалось, что российские власти в целях заселения огромной территории и цивилизации казацких полчищ обманным путем зазывают в страну иностранных земледельцев и ремесленников, в их числе жителей Пруссии и Рейнского союза. В России же их «ждут нужда и неволя» [5. Прил. к № 36. S. 631].

Отслеживались прессой кадровые перестановки и организационные изменения в российской армии, а также политика властей в Литве, где за распространение неугодных правительству слухов арестовывались разные лица [5. Прил. к № 40. S. 42]. Явно в преддверии военных действий «Gazeta Warszawska» поместила статью «Русская Польша», характерное название которой явно напоминало о положении западных губерний России до разделов Польши. Статья начиналась со слов: «Следующий краткий очерк русской Польши может быть в настоящий момент приятен нашим читателям». Далее им напоминалось, что «поляки в начале XVII в. имели преимущество над русскими. Король Сигизмунд III завоевал город Москву в 1610 г. и собирался посадить сына своего Владислава на российский престол, но когда это не удалось, завоевал по крайней мере в 1611 г. Смоленскую, Северскую и Черниговскую провинции». После того как царь Алексей Михайлович вернул эти земли и захватил польскую Украину, говорилось в статье, «Польша занимала еще 13 тысяч квадратных миль и имела население в 12 миллионов», но после разделов и Тильзитского договора «вся восточная, самая большая часть страны, составляющая около 8 тысяч квадратных миль и имеющая 8-миллионное население, досталась России». Подробное описание «русской Польши», ее рек, почв, сельского хозяйства напоминало полякам о том, что они потеряли, и между строк призывало к реставрации былых границ [5. Прил. к № 47. S. 835–836]. Пропагандистский посыл этой заметки был виден невооруженным глазом.

Однако настоящая пропагандистская война развернулась с началом военных действий между Россией и армией Наполеона. 12 (24) июня 1812 г. (далее даты будут приводиться по григорианскому календарю) наполеоновская армия перешла Неман. Польские войска под командованием Ю. Понятовского заняли город Гродно и в дальнейшем действовали в составе правого крыла Великой армии. 22 июня Наполеон обратился к солдатам своей армии с воззванием на французском и польском языках, напечатанном 27 июня в «Gazeta Warszawska». Оно звало в бой – вперед «за Неман» – и призывало положить конец «губительному влиянию, которое Москва в течение последних пятидесяти лет оказывает на интересы Европы». 26 июня в Варшаве открылся сейм, провозгласивший создание Королевства Польского – т.е. объединения польских земель в единое целое – и Генеральной конфедерации (всеобщего вооруженного объединения поляков). Отчеты о его заседаниях, в особенности о памятном дне 28 июня, когда был зачитан Акт Генеральной конфедерации, а также пространная речь о внешнеполитической ситуации, в которой находится Польша, министра финансов Княжества Варшавского Т. Матушевича, публиковались в издании «Gazeta Warszawska». Ее № 52 от 30 июня 1812 г. вышел под общим заголовком «Королевство Польское восстановлено».

Опубликованную в этом номере речь Матушевича можно назвать программной, содержащей обширный исторический экскурс и задающей официальную установку по отношению к противнику. Во-первых, Матушевич представлял Россию как силу, враждебную Европе и противостоящую ей. Опасность, по его словам, представляла, прежде всего московское стремление к экспансии. Москва «не насытилась обладанием части земного шара, владение целым миром с трудом удовлетворяет ее. Уже более столетия она семимильными шагами приближается к народам,

которые ранее не знали даже ее имени. Во времена Петра I поднялся занавес, за которым росло необъятное государство, в котором всё призывало жителей возобновить те набеги на Европу, которые совершали их отцы [...] Наблюдая это, Европа должна была содрогнуться, должна была предусмотрительно искать способы противостоять новой опасности, должна была преградить путь этому надменному царю, который приехал выведать тайны ее искусств, чтобы ими вооружить против нее своих кровожадных и рабских подданных, и когда казалось, что Полтава решает судьбу Карла и Петра, Европа потерпела под ней такое же поражение, как и Швеция». «В течение последних пятидесяти лет двадцать раз заплывала Москва своими войсками юг Европы [...] Вопли диких скифов были слышны на могиле мантуанского лебеда (т.е. Вергилия. – *Н.Ф.*) [...] Потребовалась богатырская рука, чтобы под Аустерлицем сдержать напор их полков [...] Слишком много примеров должно было предостеречь Европу об опасности и показать, что требуется для ее спасения», – говорил польский политический деятель [5. № 52. S. 905–908].

Во-вторых, Россия была представлена Матушевичем как главный источник несчастий Польши. «Разве можно сомневаться, что Москва является причиной всех наших бед?», – восклицал он. Обращаясь ко временам Петра I, он вспомнил 1717 г. как начало зависимости Речи Посполитой от России. «С тех пор разве найдется хотя бы мгновение, когда мы были свободны от причиненных ею обид и оскорблений?» Оратор отнес к ним, вспоминая историю XVIII в., вмешательство России во внутренние дела Польши, раздачу зависимых от Польши земель российским вельможам (имелась в виду, очевидно, передача Курляндии Бирону), принуждение поляков вступать в ряды русской армии. Даже вступая в союз с Речью Посполитой, Россия преследовала цель поддерживать там анархию. После 1764 г. (вступления на польский престол ставленника Екатерины II Станислава Августа Понятовского) «насилие за насильем, передел за переделом стерли с лица земли несчастную Польшу без вины, без отщипания! С того времени поляки, сдерживая в себе возмущение, услышали высокомерный язык Репниных, Сиверсов и видели, как те дерзкою рукой отбирали у законной власти бразды правления; с того времени московский солдат сто раз искупался в крови наших соотечественников, приготавливаясь к тому дню (необходимо вспомнить этот день, позорный на все времена!), когда сквозь дикий вой победителей слышала Варшава крики Праги, уничтоженной со всем своим населением одним махом, одним пожаром!» Такими бесчестными путями, по словам, Матушевича, Россия присвоила себе прекраснейшие польские земли.

Поэтому основной пафос его речи сводился к призыву восстановить былую Польшу. «Не перестали быть нашими братьями жители Литвы, Руси, Украины, Подоля, Волыни; они такие же, как и мы, поляки, и так же, как мы, имеют право таковыми быть». Слова Матушевича: «Будет Польша, что я говорю, уже есть Польша, а вернее она никогда не переставала существовать!» были встречены бурным восторгом присутствующих.

Важной идеей, также центральной для речи Матушевича, как и большинство поляков связывавшего надежды на воссоединение польских земель с интересами Наполеона, была вписанность целостного польского государства в европейское пространство. Он убеждал своих слушателей, что «Европе нужна единая Польша». Французский император, утверждал он, знает, «что необходима вечная и непреодолимая преграда на пути вторжения темноты и дикости, знает, что граница, которая будет отделять цивилизованные народы от варварских, должна быть начинена пушками и железом, знает, что необходимо, чтобы народ, находящийся на аванпосту Европы, обладал такой силой, какая требуется для обеспечения ее безопасности» [5. Прил. к № 52. S. 906–909].

Свойственная еще польской политической мысли эпохи сарматизма идея Польши как бастиона Европы перед нашествием варваров обновлялась и в выступле-

ниях на сейме других политических деятелей. Не будет преувеличением сказать, что антироссийские речи выступавших строились по единой схеме. Так, посол сейма Ю. Дембовский, называя Россию «наиболее свирепым врагом польского имени», призывал соотечественников стать для нее «той железной и медной стеной, которой Польша столь долго прикрывала юг Европы от нашествий Севера» [5. Прил. к № 52. S. 916]. Ему вторил в довольно резком выступлении посол сейма Бояновский. Он также звал к исторической памяти о «тысяче обид и поражений, нанесенных нам Москвой». По его словам, множество «страниц истории» Польши осквернено привнесенными русскими беззаконием, насилием и убийствами. «Грудь поляка долго служила щитом Европы, защищая ее от нападений полчищ азиатов, долго проливалась кровь наших военачальников, прадедов, братьев». Стоит взглянуть на карту Европы, утверждал Бояновский, как становится страшно от скорости и масштабов расширения Российской империи и ее продвижения в разные стороны света. Ей покорились и христиане, и мусульмане, и даже жители далекой Лапландии. При этом присоединение земель велось путем захватнических войн, уничтожающих «существо и имена целых народов». Бояновский призвал каждый из этих народов «потребовать своих прав и земель отцов, и тогда московское государство, этот гигант, снедаемый внутренней горячкой, распадется на отдельные народы, которые [...] натура желает видеть независимыми» [5. Прил. к № 53. S. 943].

Продолжение выступлений на памятном сейме печаталось в центральной газете по мере продвижения наполеоновских войск. Так, речь сенатора-воеводы Ю. Выбицкого была опубликована в приложении к № 54 «Gazety Warszawskiej» от 7 июля 1812 г., в котором содержалась информация о занятии Наполеоном Вильно, выдержанная в следующем духе: «Москали, охваченные страхом и лишенные отваги, отступили перед французскими войсками». Как было написано в газете, один из польских шляхтичей, предлагая главному интенданту армии Наполеона зерно и водку, сказал: «Мы всего лишились, но нам ничего не жаль, поскольку мы не видим больше москалей» [5. S. 953]. Выбицкий также звал к исторической памяти, призывая поляков показать Наполеону «кровью записанную на каждой странице истории память о ненависти к нам москалей. Если [...] они одерживали победу, для них неписаны были законы войны, человечности и права народов». О поляках, живущих после разделов на территории Российской империи, он отзывался как о «братьях, стонущих в неволе», в которых «век дикого московского рабства [...] не притупил любви к родине» [5. S. 965].

Аргументируя воинственные призывы, ораторы нередко апеллировали к «местам памяти» как институционализированным формам коллективных воспоминаний о прошлом. Так, Бояновский напоминает слушателям о «дне траура», предвещавшем утрату любимой родины, – кровавом взятии предместья Варшавы Праги войсками Суворова 4 ноября 1794 г., которым завершилось национально-освободительное восстание под руководством Т. Костюшко. Прага символизировала жестокость русских войск: «Под старинным замком наших королей, у подножья которого шумит Висла, перед лицом жителей всей столицы, возвышающиеся на Праге могильные холмы доказывают, что мягкий климат не в состоянии смягчить одичавшего в степи азиата» [5. Прил. к № 53. S. 943]. «Места памяти» были рассеяны и по всему русско-польскому историческому пограничью, менявшемуся на протяжении веков. Поход польских войск в составе армии Наполеона в Россию означал возвращение к этим местам, также символическим для польского сознания. Бояновский, в частности, призывал «скупее проливать кровь под стенами Смоленска или Киева, там, где остались еще следы мужества наших общих прадедов, где порабощенные братья наши внушают память о предках своим грудным детям», а также нести польские знамена в края и города, «которые оружие Болеславов и Баториев не раз освобождало от вторжений Москвы». (Правда, его воин-

ственный клич призывал также «нести войну в самые отдаленные уголки России» [5. Прил. к № 53. S. 944].)

Так, в № 73 «Gazety Warszawskiej» от 12 сентября был помещен материал о роли Смоленска в истории русско-польских отношений. Как известно, в XVII столетии Смоленск в течении полувека принадлежал Речи Посполитой, а еще ранее некоторое время входил в состав Великого княжества Литовского. Именно исторической памятью диктовалось то, что Смоленское сражение в войне 1812 г. стало вершиной польских усилий. Заявив, что «Смоленск решает судьбу Польши», Наполеон специально устроил смотр польским полкам 16 августа накануне битвы за этот город. Войска корпуса Понятовского отчаянно сражались за Смоленск, и после того, как русские покинули город, Наполеон отметил в специальном бюллетене, что «действия польского корпуса [...] поразили русских, привыкших презирать поляков» (цит. по [2. С. 218]).

Участвовали польские войска и в Бородинской битве, вместе с Наполеоном вошли в Москву, отражали атаки российских войск в Тарутинском сражении, составляли важную часть сил Великой армии в битве при Березине. О занятии Москвы варшавская пресса писала с ликованием: «Последствия великой битвы, имевшей место 7 числа, сделали москалей неспособными защищать Москву. Они оставили столицу [...] Победоносная армия вошла в Москву. Сейчас сюда прибывает Его Величество император Наполеон со своим главным штабом. Москва, 14 сентября 1812 г.». И конечно же, появление поляков в древней столице Российского государства вызывало исторические ассоциации с временем Смуты: «Итак, эта древняя столица московских царей, которая с 1611 г., когда при Сигизмунде III в ней находилась победоносная польская армия, не видела чужих солдат, перешла сейчас в руки непобедимого войска великого Наполеона, и через 200 лет снова видит триумф польских орлов» [5. № 77. S. 1457]. Объявление о занятии Москвы сопровождалось информацией о радости варшавян, которые узнали об этом событии благодаря 60 орудийным залпам пражской крепости и торжественным провозглашением этой новости во всех частях города. В более подробном сообщении Бородинская битва объявлялась проигранной русскими, а поведение московских властей по отношению к населению Москвы описывалось как варварское: «После достопамятного сражения над рекой Москвой Великая армия преследовала неприятеля по трем дорогам, ведущим к столичному городу Москве из Можайска, Звенигорода и Калуги [...] Город находился в величайшем беспорядке; безумцы, опоенные алкоголем, бегали по разным частям его и разжигали огонь. Губернатор Ростопчин приказал схватить всех торговцев, которые могли навести порядок, приказал также заключить в тюрьму более 400 французов и немцев, и, наконец, его варварство простерлось настолько, что он изъясил все насосы и помпы [...] В лазаретах обнаружено 30 тысяч москалей, раненых либо больных, оставленных безо всякой помощи и продовольствия» [5. Прил. к № 77. S. 1465].

Исторические реминисценции оживлял театр, примером чего служила драма с пением А. Жулковского «Московские цари в плену». Последняя была поставлена в Национальном театре Варшавы 25 сентября 1812 г., причем «Gazeta Warszawska» писала: «Каждый догадается из заглавия, что автор этой пьесы избрал своей темой тот памятный случай времен правления Сигизмунда III, когда москали были разбиты, их столица Москва была взята, цари схвачены и препровождены в Варшаву, а московский престол был предложен польскому королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III. Произведение само по себе замечательное, ибо показывает славную для нашего народа эпоху и имеет прямое отношение к теперешним событиям». Правда, далее было добавлено, что пьеса написана так ужасно, что никто не хотел бы ее больше видеть на сцене [5. Прил. к № 79. S. 1502].

Кроме того, в 1812 г. в Национальном театре в Варшаве шла комическая опера А. Жулковского «Вступление в Литву», посвященная боевой польской армии,

освобождающей своих братьев в Российской империи (ее премьера состоялась в июле 1812 г.). Сюжет был посвящен антагонизму между польскими патриотами в Литве и их угнетателями – царскими чиновниками. Там фигурировал городничий с характерной фамилией Облудов (*obłuda* – по-польски ‘двуличие, лицемерие’), готовый заключать людей в тюрьму по фальшивому обвинению. К нему обращен монолог положительного героя поляка Правомира: «Разве мы не в неволе? На Камчатке, или здесь – раз мы под вашей властью, значит, мы – ваши невольники» (цит. по [6. S. 58]). Персонажами оперы были также доносчик Хитров и чиновник Глупов. Опера обличала методы работы царской полиции, в ней появлялись мотивы кибиток, увозящих узников в Сибирь, от чего героев спасал приход польской армии и арест москалей.

Особое место занимали в пропаганде Княжества Варшавского обращения к полякам, находящимся в начале войны на российской службе. Как справедливо показывает Я. Чубаты, даже в 1806–1812 гг. – большинство поляков тогда определенно встали на сторону Наполеона – существовало – и адекватно воспринималось представителями профранцузской ориентации – и пророссийское направление польской политической мысли, связывающее надежды на восстановление Польши с личностью Александра I. Оно формировалось прежде всего на бывших польских землях Российской империи (хотя, безусловно, нельзя считать пророссийскую ориентацию здесь преобладающей) и было связано со спецификой семейной ориентации, экономическим и территориальным положением представителей магнатских и шляхетских родов. Так, например, весной 1810 г. власти Княжества Варшавского были обеспокоены распространением «Воззвания от находящихся под сладостной властью России», критикующего наполеоновские порядки и противопоставляющее им благоприятное положение польской шляхты на территории Российской империи [7. S. 339].

Провозглашение Генеральной конфедерации Королевства Польского в июне 1812 г. и организация Временного правительства в Литве, начавшаяся после вступления войск Наполеона на ее территорию, поставили представителей пророссийской ориентации, как и вообще польскую шляхту западных губерний, перед выбором. На этот выбор старалась повлиять пропаганда Княжества Варшавского. В 1812 г. в центральной варшавской прессе не раз публиковались обращения к полякам, находящимся на службе Российской империи. Уже в Акте Генеральной конфедерации говорилось: «Все офицеры, солдаты, гражданские и военные чиновники – поляки по происхождению, живущие на польской земле и несправедливо удерживаемые Россией, призываются оставить службу этой державе» [5. Прил. к № 52. S. 912]. 11 июля «*Gazeta Warszawska*» опубликовала официальное обращение Генеральной конфедерации к полякам – военным и гражданским чиновникам, служащим России и «принужденным воевать против своей родины». В нем верность присяге противопоставляется национальному единству и долгу перед отчизной: «Возродилось отечество – возродились вместе с ним и обязанности по отношению к нему, которые вы приняли на себя с первым вздохом». Понимая, что в эпоху, когда нормы поведения и границы компромисса благородного сословия диктовались прежде всего понятием чести, а нарушение принятой присяги рассматривалось как поступок бесчестный [7], составители этого обращения конструируют образ России как врага и называют служение ей в новых политических условиях, когда существует Королевство Польское, ложно понятой честью («нет другого выбора: либо стать сыном своего отечества, либо его изменником [...] Кто посмеет назвать службу тиранам узами чести?»). Полякам на русской службе внушается, что они – невольники, ибо забыли, что те, кому они служат – угнетатели и убийцы их отцов. Ведь русские – это захватчики, которые поклялись уничтожить польский народ. «Посмотрите, чьи знаки отличия вы носите, чьи, обогранные кровью, знамена развеваются над вашими головами? Только варвары

могли следовать безбожной идее и почитать добродетелью службу тем, кто вас из победителей и хозяев превратил в невольников» [5. № 55. S. 975]. Это воззвание было опубликовано и в газете «Kurier Litewski».

Следует отметить, однако, что подобное обращение можно рассматривать как исключение из правил, ибо оно не совсем отвечало духу того времени, когда сотрудничество с чужой властью и служба ей не считались изменой национальному делу. Подписывая его, маршал Генеральной конфедерации Адам Казимеж Чарторьский, нашел призыв добровольного оставления военной службы, хотя бы и в рядах неприятеля, несоответствующим воинской чести и даже безнравственным. Он выразил опасение, как бы польская армия не пополнилась дезертирами и изменниками [8. S. 70].

Наполеоновская агитация имела практический смысл еще и потому, что численность польских военных, находившихся в момент войны 1812 г. на русской службе, была немалой. По данным российского историка Д.Г. Целорунго, доля офицеров польского происхождения в русской армии составляла 3,4–3,5% от офицерского корпуса, т.е. около 600 чел. (данные приведены в [2. С. 203]). Также пересчитавший число польских офицеров русской армии в 1812 г. польский историк Я. Чубаты получает иной результат – 5,8% от общего числа офицеров, или около 1000 чел. Добавляя к ним унтер-офицеров и рядовых польского происхождения, он насчитал около 3000 чел. – столько, по его мнению, польских добровольцев находилось в русской армии в 1812 г. [7. S. 495–496]. До 1814 г. в русской армии служили 14 генералов польского происхождения. Однако несмотря на наполеоновскую агитацию и формирование литовских войск случаи перехода к неприятелю поляков русской службы не приняли массового характера.

Первые поэтические отклики на военные события были связаны с провозглашением объединенной Польши. Стихи публиковались в центральной прессе Княжества Варшавского и печатались отдельными листовками. Уже номер «Gazety Warszawskiej» от 30 июня 1812 г. содержал обширную подборку стихотворений, зовущих поляков в бой. Первые из них были посвящены «возрожденной» Польше: «Ода по случаю провозглашения Польши 28 июня 1812 г. в Варшаве» Ф. Венжика, «Ода по поводу торжеств Генеральной конфедерации 28 июня 1812 г.» К. Тымовского [5. Прил. к № 52. S. 918–920]. В них речь шла в основном о «воскрешении» Польши, которая «оделась в свадебные одежды» и объединяется с Литвой: «уже воздвигнут престол Ягеллонов» (Ф. Венжик); торжественно провозглашалось, что «Польша уже в сонме народов»! (К. Тымовский). Тему продолжили «Стихи к Польскому войску по поводу начавшейся войны с Москвой» Ф. Венжика, стихотворение без названия по этому же случаю Ф. Скарбка, «Военная песня, спетая 28 июня в театре» Ю.У. Немцевича («По коням, братья, по коням...»), а также «К литвинам» К. Тымовского [5. Прил. к № 52. S. 923–926]. Они содержали более воинственные боевые кличи, часто обращенные к «литвинам»: «Соединяйтесь, брат с братом», «В ожидании вас, братья, / Литва раскрыла свои объятия» (Ф. Скарбек); «Ваш родич из своей неволи вам руку дружбы подает» (Ю. У. Немцевич). Подобные призывы продолжались и в дальнейшем, например в стихотворении К. Тымовского «К нашим братьям на московской службе» [5. Прил. к № 55. S. 988]. Главным мотивом большинства стихотворений было восхваление Наполеона, великого «мстителя» за Польшу и ее «воскресителя», перед которым ее захватчики, тираны и угнетатели, «гордые своей дикостью», склоняют головы (Ю. Скурковский «Ода, написанная по случаю величайшего события в нашей истории, провозглашения Королевства Польского Актом Генеральной Конфедерации 28 июня 1812 г. в Варшаве» [9]). Прославляя императора французов как преобразователя всего мира, Ф. Венжик писал: «Пусть его смиренно приветствуют Днепр и Двина и быстро одевающиеся во льды Волга и Нева» («В день рождения Наполеона Великого 15 августа 1812 г.» [9]).

В целом образ России в патриотической поэзии был схож с публицистическим и задавался преимущественно политическими параметрами:

Długo już dumna potęga,
Którą wzniosła sprośna zdrada
Berłem możnych ludów władza
I szczytu przemocy sięga.

Давно уж кичливая сила, / опершись на злую измену, / правую власть сместила, / вершин тирании достигла (Ф. Скарбек)¹.

Определения противника и относящиеся к нему эпитеты чаще всего не были резко эмоционально окрашены: «племена Ладоги», «сыны Севера», «Русские орды своей спесивостью горды», «дрожите, несчастные Москали!».

Однако порой боевые кличи облекались и в более резкие формы, гиперболизируя образы исторической памяти:

Dzielni z pogromów Sarmaci,
Ludu od sławy kochany!
Kto z bracią rozłączył braci?
Kto wam narzucił kajdany?
Kto miasta zmienił w pustynie?
Kto wsie napełniał pożogą?
Kto bezcześcił praw świątynie?
Kto je hardą deptał nogą?
Kto kuł Senat w hydne pęta?
Kto przebrał miarę zniewagi?
Kto druzgotał niemowlęta
O zwaliska domów Pragi?

Отважные в битвах сарматы, / Слава для вас не внове! / Кто брата науськал на брата? / Кто навязал вам оковы? / Кто города обратил в пустыню? / Деревни и села сжег? / Кто обесчестил законов святыню, / Поставив на них сапог? / В сенате кто ковал измену? / Кто депутатов оскорблял? / А в Праге в каменные стены / Тела младенцев кто метал? (Ф. Венжик «Стихи к Польскому Войску по случаю начавшейся войны с Москвой»).

Призывы идти воевать подкреплялись историческими реминисценциями, которые формировали определенный набор клише, постоянно тиражировавшийся. Конечно же, на первое место выдвигалась память о разделах Польши:

Te, co wściekłością swej dumy
Ziemię waszą rozszarpały,
Przysięgły w ślepym zapędzie,
Że Polski nigdy nie będzie.

Кто яростью охвачен был / И вашу землю захватил, / Клянется в бешеной гордыне: / Навечно ваша Польша сгинет (Ю.У. Немцевич «Военная песня, спетая 28 июня в театре»).

Особую роль в историческом сознании играло, безусловно, подавление русскими восстания под руководством Т. Костюшко:

Wołają pomsty zniewagi
I rzeź i morderstwa Pragi.

К небу недаром наш глас вопиёт / Месть за убийства в Праге придет (Ю.У. Немцевич «Военная песня, спетая 28 июня в театре»).

¹ Здесь и далее перевод стихов с польского В.А. Хорева.

Поднять боевой дух поляков были призваны и напоминания о временах, когда фортуна была на их стороне и «те, под гнетом которых они страдают [...] сами гнули шеи, в то время как рука Жулкевского надевала на них оковы» (К. Тымовский «К нашим братьям на московской службе»). К. Тымовский в этом стихотворении назвал бывшие польские территории Российской империи «землей, которую топчут варвары» и призвал направить оружие деспота против него самого: «Пусть блеснут в свободной руке сабли сибирских варваров».

Стереотипы русского варварства, ассоциируемого, прежде всего, с азиатами, активно эксплуатировались поэтами и ораторами 1812 г. Бояновский на сейме 28 июня говорил о крови соотечественников, пролитой «выпущенными из пустынь азиатскими варварами». По его выражению, «российское насилие сулит Европе цепи и кандалы» [5. Прил. к № 53. S. 942–943]. Выбицкий также упомянул о «позорных кандалах, которые нацепили на поляков дикие взбесившиеся москали», вспомнил об использовании русскими «кровожадных народов – башкир и татар», а также «дикарей-казаков» [5. Прил. к № 54. S. 965–966].

«Кандалы» и «путы» были неизменными атрибутами описания той части земель бывшей Речи Посполитой, которую польские войска намеревались освободить из-под власти России:

W przepaść nierządu popchnięta,
Drogą zdrady i przemocy
Polska przez synów Północy
Miała narzucone pęta.
Od lat dwudziestu te mury
Widziały plemie Ładogi;
Żaloba, smutek ponury,
Zaległy tych domów progi.

В бездну бесправья низвергло круто / Польшу Севера племя. / Насилие и измена – ее тяжелое бремя. / Вся она в тягостных путях. / Давно уж родные пенаты / Свободы своей лишились. / В наших домах поселились / Скорбь и горечь утраты. («В торжественный день 15 августа 1812 г. в Вильно» [5. Прил. к № 70. S. 1313]).

Говоря о стереотипах 1812 г., следует упомянуть изображение России как страны постоянных холодов. Нередко она метафорически называется «Севером» – в частности, Ю. Дембовским, который говорил о давлении на Европу «Москвы, закованной в настоящие льды» [5. Прил. к № 52. S. 916]. «Дрожи, ледяная Нева!», – угрожал русским К. Тымовский в стихотворении «К литвинам».

Другой формой клише является манипуляция национальными символами, ассоциация России с ее гербом – черным орлом, а Польши – соответственно с белым, который метафорически соединялся в знак объединения Королевства Польского с Погоней (гербом Великого Княжества Литовского). Так, в день рождения Наполеона Королевский замок в Варшаве был украшен транспарантом «Привет тебе, Белый Орел, соединившийся с Погоней» [5. Прил. к № 66. S. 1225]. Тема борьбы белого орла с черным при поддержке золотых орлов (символов чести полков армии Наполеона) развивалась в стихотворении «Военная песнь литвинов в 1812 г.»:

Orły białe czarnych gonia.
Litwini! Bądźmy Pogonią!
Patrz! Na skrzydłatym piorunie
Złoty ptak zwycięski leci.
Wróg pod gromem jego runie...

Орлы белые черных прогонят. / Литвины! Будем Погоней! / Глянь! Зигзагом молнии крылатой / Птица белая вершит полет победный. / Враг будет повержен под грома раскаты [5. Прил. к № 66. S. 1241–1242].

Наиболее антирусским было стихотворение «Радость гражданина, еще находящегося под российской властью, при полученной вести о воссоздании Королевства Польского» [5. № 73. S. 1390]. Россия представлена здесь как мир перевернутых ценностей, где попираются божественные и человеческие законы природы: «преступление является добродетелью, а добродетель преступлением», слова «свобода, вольность и собственность – посмешище», где «на троне слабость, а при нем тираны», где «правда изгнана», а народ повсюду пребывает в темноте, где «преступлением являются слова об общественном благе». Поляки под русской властью «вот уже восемнадцать лет стонут в неволе», по словам автора, претерпевая различные мучения: вырывание ноздрей, битье кнутами, ссылку на скованную льдами Камчатку и т.п.

Подобным по духу является и наиболее известное польское пропагандистское произведение 1812 г.: «Литовские письма» Ю.У. Немцевича, опубликованное самостоятельным изданием, а также печатавшееся отрывками в газетах Литвы и Княжества Варшавского [10; 5. Прил. к № 63. S. 1166–1170]. Оно представляет собой основанные на историософских рассуждениях о прошлом России вымышленные письма от русского дворянина Ивана Сергеевича к государю Александру I с просьбой прекратить борьбу с Наполеоном и вступить в союз с ним. Немцевич прошелся в «Литовских письмах» по всей русской истории, называя ее кровавой: «Загляните в московскую историю от Рюрика до наших дней. Что вы в ней найдете? Череду убийств: Иван убил Ярослава, Ивана задушил Василий, Василию приказал выколоть глаза Алексей [...] и так до Екатерины, Петра и Павла. Найдется ли хоть один благородный поступок, хоть след великодушия в монархах или народе? Даже мнимый основатель вашего величия, этот Петр Великий, правящий уже в XVIII в., – сколько же он совершил жестокостей! [...] И с такими-то зверствами вы хотите считаться европейцами!» [10. S. 55–56].

В этих политических брошюрах польский просветитель описал русскую культуру как варварскую. В вымышленных письмах русского к соседу-поляку он пытался показать менталитет русского помещика, главное развлечение которого – «мужиков мучить и бить». Россия ассоциируется у Немцевича со свиньями, капустой, первобытными нравами, охотой на белых медведей. Царские сановники – это «бояре во фраках», ибо сущность москаля на протяжении веков не изменилась: он не стал цивилизованным. Русский народ Немцевич характеризовал как «темный во всем, но знающий ремесло войны. В нем слепое послушание заменяет любовь к родине, чувство чести и все добродетели» [10. S. 50, 84].

В октябре–декабре 1812 г. после выхода наполеоновских войск из Москвы и во время постепенного освобождения российской армией своих западных территорий в центральной варшавской прессе появлялись уже только перепечатки антирусских материалов из французских газет. В них красочно расписывалось московское «варварство и жестокость», рассказывалось о радости москвичей, поджигавших дома своих земляков. Опровергая уже утверждавшееся тогда на Западе мнение, что «московское государство в течение последнего столетия значительно продвинулось в цивилизации и стало наравне с другими европейскими странами», публицисты сравнивали «плоды этой цивилизации, находящейся лишь в зачатке», с бутафорскими театральными декорациями. По словам цитируемого польской газетой парижского издания, «москали еще таковы, какими были их предки сто лет назад [...] Все еще у них имеет черты первобытного татарского племени [...] В них нет ничего европейского [...] По сравнению с Европой московское государство отстает еще на 10 веков» [5. № 86. S. 1621–1623]. В другом заимствованном из английской прессы материале рассказывалось о первобытных нравах благородного сословия в России, его неопрятности в одежде и неразборчивости в пище. Якобы «первейший вельможа в государстве ходит целый день с голой шеей, длинной бородой, одет в простой тулуп, ест сырую репу, пьет квас, полдня спит, а полдня

ругается с женой и прислугой, словом, имеет те же чувства, потребности и развлечения, что и простой крестьянин». Однако эти отзывы приводились уже в сравнении с иными мнениями европейцев о России, превозносивших «филантропию и благородство московского дворянства», а также сравнивавших русские войска «с полками древней Спарты и Македонской державы» [5. № 100. S. 1881–1882]. Так подходила к концу антирусская пропаганда в Княжестве Варшавском.

7 января 1813 г. Ю.У. Немцевич читал на заседании Общества друзей науки свое стихотворение «Конец последнего похода», в котором, правда, характеристика уже торжествующего неприятеля ограничивалась именованьем его «северным колоссом, который долго грозил миру и стирал с лица земли народы». В походе на Россию поляки, по словам Немцевича, «много потеряли, но оставили за собой славу», ибо показали русским, как они умеют сражаться и умирать за отчизну. «Возрадовались тени павших на Праге», и польская кровь была пролита не напрасно, ибо будущее еще покажет, на что способен польский народ:

Niech się próżno nie chęłpi Rusin zaślepiony;
Wtenczas lew najstraszniejszy, kiedy obrażony.

Пусть замолкнет русина победный напев, / Страшен в гневѣ обиженный лев [5. Прил. к № 4. S. 58–59].

А К. Тымовский в стихотворении «К ополчению» напоследок призывал выбратъ смерть, чем жизнь в неволе: «Пуускай подлый эгоист пользуется милостью тирана» [5. Прил. к № 5. S. 71–72].

Однако история шла своим чередом, и после занятия Варшавы в начале февраля 1813 г. войсками М.А. Милорадовича идеологическая направленность центральной прессы кардинально изменилась. Было напечатано обращение к полякам М.И. Кутузова, стали регулярно публиковаться сообщения «Из России», выдержанные в пророссийском духе. В марте в донесениях с поля битвы слово «неприятель» относилось уже к французам, а в начале апреля было объявлено об образовании Временного верховного совета по управлению Княжеством (Герцогством) Варшавским, председателем которого стал русский – В.С. Ланской. В истории Польши начиналась новая эпоха.

Подводя итоги сказанному выше, следует особо подчеркнуть, что отличием пропагандистской литературы 1812 г. от позднейших произведений антирусской направленности, связанных с освободительной борьбой польского народа в XIX в., является то, что в 1810-е годы векторы пропаганды еще могли меняться. Ее эмоциональный посыл позволяет утверждать, что речь идет не столько об устойчивом «образе врага», сколько о сиюминутном противнике на поле боя, равенство, а порой и превосходство которого неоднократно признается. Даже Т. Матушевич утверждал, что «москаль в определенном отношении стоит уже наравне с европейцем». Правда, контекст этого высказывания был следующим: переняв из Европы многие искусства, в том числе и военные, русские стали еще более опасными для нее [5. № 52. S. 907]. Председатель Совета Люблинского департамента В. Гжимала в речи на сеймике, также посвященной захватническим стремлениям России, назвал Петра I «смелым», а «блестящее правление женщин в Российской империи» охарактеризовал как «сначала умеренное и для других безопасное» [5. № 82. S. 1553]. Уважение к противнику просматривается и на уровне эго-текстов эпохи, свидетельствующих о субъективном восприятии русских польскими участниками сражений [11. S. 96–99].

Характерно единство риторики, прославляющей Наполеона, и той, средствами которой уже год спустя приветствовался Александр I и создание Королевства Польского под эгидой России. Так, 28 июня Ю. Дембовский говорил о «чудесном воскрешении и повторном основании отечества», а «избавителя Франции» Наполеона называл «Воскресителем Польши», обращая к соотечественникам патетические слова: «Отныне вы – поляки!» [5. Прил. к № 52. S. 916]. Бояновский

также назвал французского императора «воскресителем отчизны, который слово упорядочив народы после векового хаоса [...] признал поляков достойными быть народом и снова поместил их на карту Европы» [5. Прил. к № 53. S. 943]. Риторика 1812 г. позволила уже в 1814–1815 гг., не меняясь по форме, лишь заметить имя Наполеона на имя Александра I, от которого ждали в сущности того же самого – создания Королевства Польского, объединенного с польскими землями Российской империи, – и также повсеместно именовали «воскресителем народа». А. Горецкий в стихотворении «Дума о генерале Грабовском, павшем под Смоленском 17 августа 1812 г.», которое было напечатано в Варшаве в 1814 г., назвал Александра I посланцем неба и «Ангелом – властителем Севера», связывая с ним надежды на возрождение Польши [9. S. 17–18.]. (Подобным образом, например, в начале войны Ф. Венжик называл Наполеона «страшным Ангелом, посланным Богом для защиты польского народа» [5. Прил. к № 52. S. 924].)

После изгнания Наполеона из России и занятия Княжества Варшавского русскими войсками, когда взоры поляков обратились уже к его победителю, в поэзии стали допустимыми славянофильские лозунги. Так, анонимный автор (вероятно, будущий неизменный автор верноподданнических стихов М. Мольский) писал о том, что дерзкий француз «познал свою низость, познал, сколь был слабый, умирая не раз от руки русской бабы» и призывал защитить славянскую империю от узурпатора [9. S. 16]. Мольский же в стихотворении «На смерть Юзефа Понятовского...» (октябрь 1813 г.), отдавая дань памяти польскому военачальнику, славил «Александра, которого не забудут в веках, далекого от целей обычных захватчиков» и «желающего освободить угнетенные народы и королей» [9]. Ему вторил М. Котовский в более позднем стихотворении «К национальному войску, возвращающемуся из Франции», утверждая, что российский император, «опеку которого познал польский солдат», «не допустит, чтобы [...] поляк лишился национального бытия и свобод» [9].

Следующие после поражения Наполеона годы были ознаменованы созданием Королевства (Царства) Польского, соединенного с Российской империей династической унией. Из политических соображений упоминание об исторических столкновениях России и Польши не приветствовалось. Е.А. Вишленкова пишет о том, что уже в 1813, а особенно в 1814–1815 гг., официальные российские власти и «социальные медиаторы старательно снимали с общества синдром насилия [...] Вскоре тема войны вовсе исчезла со страниц российских изданий» [12. С. 215]. То же происходило и в Польше в преддверии создания Королевства Польского под эгидой России и в особенности после этого события в 1815 г. Конечно, можно найти среди идеологически нейтрального художественного творчества произведения на тему войны 1812 г.: например, стихотворение «Солдат на берегу Москвы-реки в 1812 г.» К. Бродзиньского, произведение А. Горецкого «Дума под Смоленском», в котором сражение описывается как «час смерти» тех, кто «пали за своих соотечественников и забытые лежат в могилах» [13. S. 225], или «Битва при Березине», где отдается дань как польской отваге, так и мужеству россиян: «Русских храбрый Чичагов ведет в кровавый бой, нашими командует доблестный Зайончек» [13. S. 259–261]. Тем не менее характерно, что в 1828 г. после публикации каких-то вольнолюбивых стихов вышеупомянутый А. Горецкий был привезен в Варшаву, заключен в тюрьму и выпущен лишь после подписания обязательства не писать в том числе тех произведений, «в которых бы упоминались сражения между поляками и русскими» [14. S. 133].

Однако замалчивание, в том числе поэтами – участниками событий, такими, как К. Бродзиньский, А. Мальчевский, А. Фредро, эпопеи 1812 г. было вызвано и другими причинами. Оно было связано с мрачным впечатлением, которое война произвела на «поколение катастрофы 1812 г.» [15. S. 101]. Недаром отличительной чертой польских стихов на эту тему является трагическое мировосприятие. Пора-

жение Наполеона повлекло за собой экзистенциальный кризис – крах надежд на усиление влияния Польши в Европе и на восстановление ее исторических границ, пессимистические настроения по отношению к истории.

В то же время исторический опыт 1812 г., в том числе сопутствовавшая войне антирусская риторика, несомненно отложились в пассиве исторической памяти поляков, ибо легко извлекались оттуда всякий раз, когда требовалось создать отрицательный образ России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Meller St.* Rok 1812 – polska data // *Mówią wieki.* Kampania rosyjska Napoleona. Ów rok 1812. Numer specjalny. Warszawa, 2002.
2. *Артамонов В.А.* Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию // *Бородино и наполеоновские войны.* Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003.
3. *Неуважный А., Васильев А.А.* Польские войска Великой армии // *Отечественная война 1812 года.* Энциклопедия. М., 2004.
4. *Kollątaj H.* Uwagi nad teraźniejszym położeniem części ziemi polskiej, którą od pokoju tylżyckiego zaczęto zwać Księstwem Warszawskim. Nil desperandum! Lipsk, 1808.
5. *Gazeta Warszawska.*
6. *Durski St.* Komedia okolicznościowo-polityczna i historyczna lat 1800–1830. Wrocław, 1974.
7. *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795–1815). Warszawa, 2005.
8. *Czubaty J.* Zmoskwiczeni Polacy? Polscy ochotnicy w armii rosyjskiej w 1812 r. // *Mówią wieki.* Kampania rosyjska Napoleona. Ów rok 1812. Numer specjalny. Warszawa, 2002.
9. *Ulotna poezja patriotyczna wojen napoleońskich (1805–1814)* / Oprac. A. Zieliński. Wrocław, 1977.
10. *Niemcewicz J.U.* Listy litewskie. Warszawa, 1812.
11. *Nieuważny A.* Moskale w oczach Lachów // *Mówią wieki.* Kampania rosyjska Napoleona. Ów rok 1812. Numer specjalny. Warszawa, 2002.
12. *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» М., 2011.
13. *Tygodnik Polski i Zagraniczny.* 1818. T. 3.
14. *Gorecki A.* Pisma. Lipsk, 1886. T. 2.
15. *Zawadzka D.* Pokolenie kłęski 1812 roku. Warszawa, 2000.

© 2012 г. С. М. ФАЛЬКОВИЧ

МИФ НАПОЛЕОНА В СОЗНАНИИ ПОЛЯКОВ

Миф Наполеона был связан с надеждой поляков на его помощь в возрождении Польши, но Наполеон лишь использовал поляков в своих целях. Однако подъем патриотических чувств, связанных с этим именем, остался в исторической памяти народа.

The myth of Napoleon was connected with the hopes the Poles were associating with his assistance in the resurrection of Poland. The French Emperor, on the contrary, was simply using the Poles in his own interests. Nevertheless, patriotic enthusiasm, connected with his name, remained in historic memory of the nation.

Ключевые слова: легион Домбровского, Княжество Варшавское, национальное самосознание.

Истоки мифа о Наполеоне как освободителе угнетенных народов, воспринятого прежде всего в Польше, лежат в европейской истории конца XVIII – начала XIX в. Революция во Франции, создание Французской империи, завоевательные походы императора Наполеона I совпали по времени с падением и разделами Речи Посполитой, утратой польским народом национальной государственности. Польские патриоты не могли смириться с этой потерей, с тем, что с карты Европы исчезло само имя поляков. Уже в конце XVIII в. они выступили на борьбу за восстановление независимой Польши и искали союзников, на которых могли бы в этой борьбе опереться. Французский император, провозгласивший план перекройки Европы под лозунгом освобождения ее народов, предстал в глазах поляков как герой, друг Польши и ее спаситель. Они верили, что, поддерживая Наполеона, помогая ему в осуществлении его планов, борются за свободу родины, возрождение ее к жизни. Поэтому польские солдаты участвовали в войнах, которые вела Франция, в том числе в далеких походах наполеоновских легионов. Их не смущал даже тот факт, что в ряде европейских стран, как, например, в Испании, французские «освободители» встречали ожесточенное сопротивление народных масс. Выражением веры и надежды польских участников этих походов стала песня, названная «Мазуркой Домбровского» по имени генерала Яна Генрыка Домбровского, возглавившего польских легионеров. В ней говорилось: «Польша еще не погибла, пока мы живы. То, что отняло у нас чужое насилие, мы силой отберем назад!».

В действительности Наполеон вовсе не намеревался возрождать Польское государство, свидетельством чего стали, в частности, его переговоры о судьбе Польши с императором России Александром I в первое десятилетие XIX в. (подробнее см. [1]). Готовясь в эти годы к войне против Австрии и Пруссии, французский император был заинтересован в союзе с Россией. В 1810 г. оба монарха согласовали текст конвенции, ряд статей которой гласил, что «Королевство Польское

Фалькович Светлана Михайловна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

никогда не будет восстановлено», наименования «Польша» и «поляки» будут исключены из употребления, а польские ордена упразднены [1. С. 25–26]. Конвенция осталась не подписанной Бонапартом в связи с изменением его планов: он стал готовиться к походу на Россию и был заинтересован в поддержке поляков. Для использования польского ресурса – материального и людского – Наполеон создал в 1807 г. сателлитное польское государственное образование из польских земель, захваченных Пруссией во время разделов Речи Посполитой, под названием Княжество Варшавское. Оно было включено в наполеоновскую политическую и законодательную систему, во главе его император поставил саксонского короля в качестве князя Варшавского. Таким образом, хотя имя Польши не прозвучало, но поляки получили возможность мечтать о дальнейших «благоденных» французского императора. Правда, эти надежды разделяли не все поляки. Часть польских политических деятелей придерживалась пророссийской ориентации, не доверяла Наполеону, зато большая часть патриотов с восторгом восприняла обращение к польским войскам, включенным в состав «великой французской армии», в котором Бонапарт объявлял о войне с Россией и обещал «распространить» Польшу на территории, более обширные, чем она имела перед разделами. В другом обращении императора к армии, составленном на французском и польском языках, война против России называлась «второй польской войной», под первой же подразумевалась война против Австрии и Пруссии [1. С. 43]. Этот намек создавал иллюзию, будто Франция последовательно борется с державами–участницами разделов Польши во имя освобождения всей польской территории и возрождения Польского государства. Именно поэтому польские солдаты с готовностью шли в бой по призыву Наполеона. Очень характерную картину нарисовал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир»: он описывает, как, пересекая границу России, польские уланы форсировали реку Вилию, причем поляки с восторгом, словно замороженные, смотрели на французского императора, неподвижно стоявшего на берегу; они не искали брода, находившегося невдалеке, а предпочитали погибать на глазах любимого вождя. В то же время польское население Литвы и Белоруссии с энтузиазмом встречало французскую армию, в состав которой входил польский корпус под началом Ю. Понятовского. Польская аристократка С. Шуазель-Гуфье вспоминала о слезах радости, восторге, волнении, охвативших поляков – жителей Вильно, когда в город вошла «Великая армия»: «Во всем городе раздавались торжествующие клики». Сообщалось и о том, что ряд польских жителей занятых наполеоновскими войсками городов заранее готовились встретить «освободителей». Это были представители шляхты, зажиточных городских слоев. Энтузиазм и великие надежды, связанные с походом Наполеона на Москву, нашли непосредственное проявление и в Княжестве Варшавском. В Варшаве патриоты организовали заседание сейма, провозгласившего создание Королевства Польского. Сформированная Генеральная конфедерация объявила о соединении польского народа «в единое тело» и выразила уверенность в скором осуществлении этого лозунга. В честь императора Наполеона, который и был инспириатором его провозглашения, звучали восторженные здравницы [1. С. 47–49, 511].

На фоне восторгов неприятно воспринимались факты бесцеремонного поведения французских солдат в занятых ими городах и деревнях – реквизиции, грабежи, мародерство и т.п. Когда «Великая армия», вынужденная бежать из России, вновь оказалась на территории Литвы, Белоруссии и Польши, польскому населению пришлось особенно остро почувствовать значение этой стороны союза с Францией. На территории Княжества Варшавского велись военные действия, его экономика была целиком подчинена интересам войны и оказалась в полном упадке, страна была разорена, из нее были выкачаны и людские ресурсы. Рухнули надежды, возлагавшиеся на Францию и ее монарха, теперь судьбу Польши решали державы–победительницы Наполеона. На Венском конгрессе в

1814–1815 гг. определился новый покровитель и «благодетель» поляков – российский император Александр I. Российский монарх возродил польское имя и национальную государственность, создав Королевство Польское и даровав ему конституцию, одну из самых либеральных в Европе. За это польские подданные называли своего короля «благословенным», причем он получил признание не только у прежних сторонников российской ориентации, принадлежавших преимущественно к магнатскому лагерю, – А. Чарторыского, М. Огиньского, Л. Плятера и других, но и у многих из тех, кто еще недавно воевал против России в рядах «Великой армии»: так, например, генерал Ю. Зайончек стал заместителем новообразованного Королевства Польского. Польские либералы высоко ценили конституцию Королевства, в частности Александр Кожуховский подчеркнул, что, в отличие от составленной Наполеоном конституции Княжества Варшавского, она не просто декларировала лозунги, но и обладала реальной силой [2] (цит. по [1. С. 342–343]).

Казалось бы, прежний кумир, побежденный и развенчанный, не оправдавший надежд и чаяний польского народа, должен был быть забыт, но, как выяснилось вскоре, миф Наполеона уже сформировался и укоренился к этому времени в сознании поляков. Его имя связывалось с революцией, борьбой за свободу и полную национальную независимость. Поэтому воспоминание о Наполеоне возникало все чаще по мере того, как вследствие политики царизма, нарушавшего конституционные свободы и права в Польше, польское общество все больше разочаровывалось и в новом «благодетеле», и в самой конституции. Так, В. Лукасиньский, приговоренный к заключению в Шлиссельбургской крепости за создание тайного Патриотического общества, писал в «Воспоминаниях» о ненависти польских крестьян к «московскому царю» за то, что он якобы дал конституцию лишь затем, чтобы отомстить их детям и братьям, которые, служа Наполеону, сражались с русской армией [3. С. 70–75] (см. также [1. С. 384]).

Нарастанию недовольства в Королевстве Польском способствовала международная обстановка, характеризовавшаяся с начала 1820-х годов подъемом революционного движения в ряде стран Европы, а в 1830 г. взорванная Июльской революцией во Франции. В течение всего этого периода имя Наполеона было для польских патриотов, разделявших нараставшие в королевстве оппозиционные настроения, символом борьбы за свободу. Такой смысл подчеркивала царская агентура, отмечая, что в бумагах тайных патриотических организаций первые буквы слов «Вольность» (W) и «Наполеон» (N) стояли рядом и служили опознавательными знаками для их членов; за эти символы провозглашались тосты. Уже после смерти Бонапарта, в 1823 г., поляки вспоминали, как он, будучи еще на острове Святой Елены, послал оттуда своего эmissара Лас Казаса «распространить возмущение против монархов». Позже, во время русско-турецкой войны 1829 г., польские офицеры, сражавшиеся против России в рядах турецкой армии, распространяли слух, что там же находится и бывший французский император [4. 35. к. 52; 37. к. 163, 1229; 5] (см. также [6. С. 112, 120]). Тогда в Варшаве возникла мода на пуговицы и украшения *à la Napoleon*. «Мода» распространилась и на сына Наполеона – герцога Рейхштадтского, которого любовно называли «Орленком». О том, что любовь к Бонапарту выливалась в симпатию к «Орленку», сообщали тайные агенты. По их данным, в конце 1820-х годов в Галиции разошелся слух, будто три державы, разделившие Речь Посполитую, договорились о восстановлении Польши, и одним из кандидатов на ее престол называли герцога Рейхштадтского. Ходили слухи и о плане Габсбургов поставить «Орленка» во главе так называемого малого Царства Польского. Накануне революции 1830 г. во Франции изображение сына Наполеона в мундире турецкой армии носили на груди представители либеральной калишской оппозиции [4. 37. к. 50, 81; 35. к. 100, 184, 229] (см. также [6. С. 115–116; 1. С. 405–406, 408, 417]).

Весть о революции быстро дошла до Варшавы, и студенческая молодежь, горячо обсуждая новости из Франции в кофейнях, неизменно повторяла имя Наполеона. О его войне с Россией напомнили два студента, которые на Старом Месте в Варшаве под аккомпанемент пистолетных выстрелов распевали песню о сражениях французов с «москалями» под Пултуском. В самой же Франции имя Наполеона воодушевляло революционных эмигрантов-поляков и представителей других национальностей. Еще в канун революции, в июне 1830 г., они совместно отмечали день рождения Тадеуша Костюшко, вспоминали великих людей, во славу их пили и произносили речи. И тут имя Наполеона звучало рядом с именами Джорджа Вашингтона, Шарля Пишегрю и других – «тех, кои за политические деяния лишены жизни или наказаны» [4. 37. к. 163, 241; 35. к. 229].

Таким образом, имя Наполеона Бонапарта вошло в историческую память польского народа и прочно в ней закрепилось. Это сказалось на польском национально-освободительном движении и в последующие десятилетия, в частности в 50-е годы XIX в., когда часть польского патриотического лагеря, рассчитывая на дипломатическую и военную поддержку Франции, стала строить планы, связанные с бонапартистской политикой Наполеона III. Возникает вопрос, чем была вызвана такая живучесть в памяти поляков этого имени, что лежало в ее основе – разум или чувство? Представляется, что рациональной основы для любви и благодарности Корсиканцу на самом деле не существовало: ведь Бонапарт не помог польскому народу вновь обрести подлинную государственность, да и не имел таких намерений; он лишь использовал в политическом, экономическом и военно-стратегическом плане польский вопрос, Польшу и самих поляков. В то же время он подарил полякам надежду, укрепил их веру, воодушевил их на борьбу за родину. Встав в ряды «Великой армии» Наполеона, они обрели гордость и достоинство, почувствовали свою силу и значение своего дела, утвердились в мысли, что, пока они живы, Польша еще не погибла. Эта «эмоциональная подпитка» помогла им в дальнейшей национально-освободительной борьбе. Большое значение имели также военная выучка и опыт, приобретенные за годы воинской славы наполеоновской армии. И, видимо, не случайно памятник на одной из центральных площадей Варшавы, напоминающий об этом факте истории польского народа, был поставлен от имени армии уже возрожденной Польши. И так же не случайно, что именно мелодия «Мазурки Домбровского» стала мелодией государственного национального гимна Польши, которую мы слышим и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. М., 2010.
2. [Kozuchowski A.] O Sejmie Królestwa Polskiego uwagi przez Kozuchowskiego Aleksandra. Warszawa, 1818.
3. Łukasiński W. Pamiętnik. Warszawa, 1960.
4. Archiwum Główny Akt Dawnych. Policja Tajna Wielkiego Księcia Konstantego.
5. Archiwum Główny Akt Dawnych. Komisja senatora Nowosilcewa.
6. Фалькович С.М. Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска // Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Warszawa, 2005.

© 2012 г. Л. П. МАРНЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ПОДДЕЛОК РУССКИХ АССИГНАЦИЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Активные военные действия в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии привели к обесцениванию национальной валюты, чему также способствовало распространение фальшивых ассигнаций, выпущенных Наполеоном и завезенных в страну в 1812 г. во время похода Великой армии. Предотвратить попадание в обращение фальшивых банкнот вместе с возвращающейся армией должна была специально созданная система пересылки ассигнаций, а также обмен бумажных денег старого образца на новые, которые изготавливали на передовом по тому времени производстве.

Active military operations during the Patriotic War of 1812 and foreign campaign of the Russian army resulted in denomination of the national currency. Among others, it was caused by the widespread of counterfeit assignations, issued by order of Napoleon and imported into the country during the Great Army's campaign in 1812. To prevent the retreating army from spreading counterfeit banknotes, a special system of assignations remittance was introduced; furthermore old-type banknotes were exchanged into the new ones, printed with the use of the best practices of the age.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., фальшивые ассигнации, Д.А. Гурьев, А.А. Бетанкур, Экспедиция заготовления государственных бумаг.

Великие военные потрясения, в том числе и Отечественная война 1812 г., всегда становились тяжелым испытанием для финансовой системы страны и народного хозяйства в целом. Активные военные действия потребовали мобилизации всех имеющихся ресурсов и заставили российское правительство прибегнуть к масштабной эмиссии бумажных денег, обесценивание которых угрожало экономической стабильности Российской империи. Ситуация осложнялась угрозой распространения значительного количества фальшивых русских ассигнаций, выпущенных Наполеоном и завезенных в страну в 1812 г. во время похода Великой армии. Таким образом, Россия столкнулась с практикой применения фальшивых денег для подрыва экономики и податной системы, которая до этого уже использовалась в противостоянии европейских государств. История хождения подделок позволяет осветить ряд существенных аспектов финансовой политики правительства Александра I в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, их влияния на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи.

Во второй половине XVIII в. в денежном обращении Российской империи произошли существенные изменения. Медные деньги были неудобным средством

Марней Людмила Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

обращения из-за их тяжеловесности, затруднения в приеме и выдаче крупных сумм, частых изменениях внутреннего достоинства. Добывающие мануфактуры не обеспечивали монетные дворы необходимым количеством исходного сырья, что приводило к их неравномерному функционированию. Поэтому появление в 1769 г. бумажных денег стало необходимым и оправданным шагом. Правительство прибегало к выпуску ассигнаций для покрытия экстраординарных расходов в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и в последующие годы, в зачет налоговых поступлений и еще неначеканенной монеты [1. С. 786; 2. С. 23–143; 3. Т. 5. С. 84; 250; 256].

Производство бумажных денег – сложный технологический процесс, который начинается с изготовления специальной бумаги с водяными знаками. При этом высокая производительность оборудования должна была сочетаться с низкой себестоимостью готовой продукции. Выполнить это требование было не просто, так как сезонный характер работы бумажных мануфактур, связанный с использованием водяных мельниц, был существенным препятствием на пути повышения их производительности, несмотря на то, что правительство предпринимало некоторые шаги в этом направлении. Так в 1785 г., изготовление специальной ассигнационной бумаги из Красносельской мануфактуры Карла Сиверса было перенесено в Царское Село. Для созданного предприятия закупили за границей специальное оборудование и пригласили мастеров. Изготовленная износостойкая бумага поступала в типографию, где происходило печатание ассигнаций, на которых, при помощи специальной машины, проставляли порядковые номера. Затем наступала очередь чиновников Ассигнационного банка, подписывавших коричневыми чернилами готовые банкноты. Для крупных номиналов использовали белую, рублевых желтую, пятирублевых синюю, десятирублевых красную бумагу. Это позволяло обеспечивать дополнительную защиту от подделок, и давало возможность неграмотным людям без особого труда различать достоинства ассигнаций. Несмотря на то что возможность быстро и легко подделать ассигнации была основной причиной изменения их внешнего вида в 1786 г., процесс производства бумажных денег в начале XIX в. не подвергся существенной модернизации. Поэтому подделать ассигнации второго выпуска было достаточно легко, а вот защитить их «при помощи одних только водяных знаков и подписей директоров банков», не используя «сложных типографских способов воспроизведения каких-либо фигур, гербов, сеток, узоров» оказалось практически невозможно [4. С. 151; 5. С. 80, 85].

Изготовление фальшивых банкнот во многих европейских странах считалось тяжким преступлением, однако, правительства обращались к этому порицаемому способу подрыва финансов своих противников. Франция, по законам которой фальшивомонетчество каралось смертной казнью, испытала на себе последствия от наводнивших страну английских подделок и «произведений» франкфуртских умельцев. Однако именно в Париже изготавливались фальшивые бумажные деньги ряда европейских государств. С 1809 г. и до апреля 1810 г., во время войны с Австрией, подделывались (хотя и в незначительном количестве) бумажные деньги венского двора. Затем очередь дошла до российских ассигнаций, чаще всего достоинством в 25 и 50 рублей и английских банковских билетов. В 1813 г., наряду с возобновлением выпуска австрийских фальшивых денег достоинством в 500 и 1000 гульденов, которых было произведено на сорок миллионов, в обращение попала лишь незначительная часть [6. 1865. Стлб. 1058, 1069; 7. С. 745–747; 8. 1900. № 11. С. 323–330; 9. С. 50–52; 10. С. 6], в небольшом количестве подделывали так называемые *paperis de coalition* (очевидно, речь идет о «федеративных деньгах», выпуск которых был предусмотрен конвенцией о субсидиях и союзной помощи между Россией и Великобританией, подписанной в Рейхенбахе 3 (15) июня 1813 г., и англо-русской конвенцией, заключенной 18 (30) сентября 1813 г. в Лондоне. Федеративные бумаги, выпускаемые от имени Великобритании, России и

Пруссии, предназначались только на военные расходы и «содержание действующих войск») [11. С. 165–173, 189–195; 3. Т. 7. С. 132–137, 250–254, 429–431, 386, 709, 758].

История фальшивомонетчества окутана тайной. Письменные документы, которые могли бы пролить свет на происходившие события, как правило, уничтожены, поэтому исследователю остается обращаться к довольно скудным воспоминаниям современников и запискам непосредственных участников. Несмотря на стремление французов сохранить выпуск фальшивых российских ассигнаций в тайне, известно, что вначале их печатали в Париже. Сведения о том, что в большом количестве фальшивые банкноты были обнаружены в Дрездене, Варшаве и Москве, способствовали возникновению предположения об организации монетных дворов в этих городах, либо функционировании передвижной мастерской, использовавшей оборудование парижской типографии [7. С. 745–747; 8. 1900. № 11. С. 323–330; 6. 1912. № 1. С. 129–130].

В Дрездене с проблемой фальшивых бумажных денег столкнулся князь Н.Г. Репнин, назначенный после Лейпцигской битвы генерал-губернатором Саксонии. В начале своего управления Н.Г. Репнин объявил, что те, кто «в течение назначенного срока» не предъявят фальшивые ассигнации, будут подвергнуты военному суду, ссылке в Сибирь и штрафу, в пять раз превышающему сокрытую сумму. Однако столь суровые меры не дали желаемых результатов и найти еще миллион фальшивок, помимо уже обнаруженных шести, не удавалось. В частности к укрывательству этих денег подозревали королевского банкира Фреге. Воспоминания обер-аудитора А.О. Имберга сохранили интересные подробности этой истории. В 9 ч. утра А.О. Имберг направился «в контору Фреге», спрятав «около дома двух гусар». Ему было необходимо очень деликатно решить столь щекотливый вопрос и сохранить репутацию банкира, в случае неверности сведений. Поэтому сначала он обратился к сыновьям Фреге, чтобы «не испугать старика». А.О. Имберг откровенно объяснил им, по какой причине он оказался в доме, и просил «без всяких изворотов» рассказать ему, «когда и от кого они получили фальшивые [...] ассигнации и почему, согласно публикации, не представили их правительству?». Сыновья банкира ни в чем не сознавались и уверяли, что все подозрения ложные. Обращение непосредственно к их отцу результатов не дало, однако Имберг, просматривая главную книгу («Gross-Buch»), заметил странную запись: «Friedrich-August Winter – миллион», т.е. «имя короля (Саксонии. – Л.М.), и к нему прибавлено Winter». После этого Фреге вынужден был сознаться, что сначала долг подданного по отношению к своему королю, от которого он получил эти деньги, заставляя его молчать, «а потом боялся уже того наказания, которому он подвергался согласно публикации». Имберг отказался взять предложенные банкиром 400 тыс. руб. ассигнациями, чтобы замять дело, и потребовал предоставить фальшивые бумажные деньги. Оказалось, что в обращение поступило 22 тыс. руб., остальными набили два мешка, которые торжественно вынесли сопровождавшие Имберга два гусара. Искусно выполненные фальшивые ассигнации отослали для уничтожения в Петербург. Судьбу подвергнутого «домашнему секретному аресту» Фреге решал Александр I, находящийся в то время в Вене. Банкир получил «совершенное прощение» российского императора «со взысканием только [...] выпущенных им 22 тысяч рублей» [6. 1870. Стлб. 390–392].

История с фальшивыми русскими ассигнациями в Саксонии была не единственной. Согласно данным вольнского губернатора, при содействии министра иностранных дел Франции герцога Бассано и банкира Френкеля, в Княжестве (Герцогстве) Варшавском было выпущено до 20 млн фальшивых ассигнаций 100-, 50-, 25- и 5-рублевого достоинства, из которых от полумиллиона до полутора миллионов, по сведениям разных источников, находилось в Бродах. Отсюда они, при помощи купцов поступали в Одессу, но больше всего в Главную квартиру россий-

ской армии [3. Т. 7. С. 54–55, 710–711; 12. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 3–4об.; 13. № 8. С. 101–102, 228; № 29b. С. 46; 6. 1911. № 9. С. 129–130, 138–139, 145, 148–151, 155–156; 6. 1865. Стлб. 1066–1067; 14. 1801. Д. 1. Л. 373–373об.].

В Москве, если согласиться с версией о создании стационарной или использовании передвижной типографии, было организовано, очевидно, два филиала. Один в центре города. Основанием для подобного утверждения служат воспоминания К. Мартенса, служившего адъютантом при генерале А.Х. Бенкендорфе. Когда 10 (22) октября 1812 г. они вступили в Москву вместе «с передовыми отрядами русских войск» и расположились в доме «кн. Шаховского близ Тверского бульвара», то «в одном из полуобгоревших дворцов» не только обнаружили «благоустроенную фабрику фальшивых бумаг, все нужные для этого машины и инструменты», но и «массу готовых ассигнаций», сделанных «так искусно, что почти не было возможности отличить их от настоящих». Другой филиал располагался на находящемся в то время за городом Преображенском кладбище, в одном из помещений которого до 1846 г. жили жандармы и стоял станок для изготовления фальшивых банкнот [8. 1902. № 2. С. 413; 6. 1912. № 1. С. 129–130; 15. С. 141; 16. С. 53].

С версией о производстве подделок в Дрездене, Варшаве и Москве или о существовании некой передвижной мастерской не согласна М.Б. Маршак, которая полагает, что очень сложно было бы организовать мобильное перемещение значительного запаса бумаги, а также непригодных для походной транспортировки тяжелых и многочисленных типографских машин для изготовления фальшивок [9. С. 57–58]. Более вероятным представляется точка зрения об организации для изготовленных в Париже и, возможно, в Варшаве фальшивых ассигнаций специального склада в Вильно [17. С. 87–89; 18. 2010. № 1. С. 37]. Коленкур в воспоминаниях описывал с каким нетерпением Наполеон «ждал сообщений от герцога Бассано, а еще больше его приезда, чтобы узнать, действительно ли он уничтожил фальшивые русские ассигнации, которые имелись у него в Вильно». «Они были способны забыть их там, – сказал мне император, – или поручить кому-нибудь их уничтожение. Но то лицо, которому дадут такое поручение, постарается воспользоваться этим, и будет более чем неприятно, если русские обнаружат эти ассигнации. По словам императора, – писал Коленкур, – тот знал из частного донесения, что после его проезда через Вильно эти деньги были пущены в оборот; это сообщение и было главной причиной его беспокойства» [19. С. 529].

Какие цели преследовал Наполеон, выпуская фальшивые ассигнации? Одни исследователи полагают, что таким образом он старался подорвать экономику, нанести сокрушительный удар финансам и кредиту. Другие считают, что он хотел содержать за счет противника свою армию. Эта версия подкрепляется тем, что фальшивомонетки стремились достичь максимального сходства с оригиналом. М.Б. Маршак отмечает, что «бумага французских фальшивых ассигнаций имеет те же филигранные, что и подлинные денежные знаки, но они более четкие», на них «резче воспроизведен и рисунок тиснения», а каждый лист изготавливался «в маленькой черпальной форме» [9. С. 57]. Возможно Наполеон, как и российское правительство, которое, начиная с XVIII в., чеканило специальные монеты, предназначенные для обращения в определенных регионах («ливонезы», сибирские и таврические монеты), предполагал использовать после победы высококачественные фальшивки на вновь присоединенных территориях [7. С. 745–747; 6. 1869. Стлб. 1457–1459; 1912. № 1. С. 129–130; 8. 1900. № 11. С. 323–330; 4. С. 139–145; 20. С. 47–49; 17. С. 87–89].

Изготовленные французами фальшивые российские ассигнации распространялись при помощи мелких агентов, а наполеоновские генералы, в соответствии с полученными приказами, должны были раздавать их как случайно захваченную добычу. Предполагалось оплачивать фальшивыми банкнотами «закупки про-

довольствия и фуража», выплачивать жалование армии, оценивая их в четверть номинальной стоимости [7. С. 745–747; 21. С. 354–355; 9. С. 58, 61–62; 4. С. 168]. Желая избавиться от российских бумажных денег, французские солдаты и офицеры, которые, вероятно, и не подозревали, что имеющиеся у них банкноты фальшивые, организовали в Москве у Каменного моста меняльные лавки, предлагая жителям, оставшимся в захваченном городе, за серебряный рубль пятирублевую ассигнацию. Сохранилось предание о том, что Наполеон, оплачивал выступления приглашенных в Кремль итальянских певцов фальшивыми купюрами. Подделки выявляли и при перлюстрации писем [6. 1865. Стлб. 1059; 1869. Стлб. 1429; 1911. № 9. С. 132–134; 13. №. 8. С. 109–112; № 108. С. 1].

Современники определяли фальшивые ассигнации по печатным подписям чиновников. Так, Е.Ф. Канкрин отмечал, что «когда повелитель Франции сам приказал заготовить на 1812 год и выпустить в обращение фальшивые русские банковые билеты и при том еще такие, которые очень удобно было распознавать, так как подписи на них все были печатные, а не подписанные отчасти чиновниками собственноручно» [22. С. 114]. Отличали фальшивки орфографические ошибки (*госуларственный* вместо *государственный* и *холячею* вместо *ходячею*), формат и более ровные строки печатного текста, четкие водяные знаки и тиснение. В исследовании М.Б. Маршак детальным образом рассмотрены и другие не столь очевидные для современников признаки подделок [9. С. 63].

Начавшаяся в 1812 г. война усугубила и без того сложное положение, в котором находилось денежное обращение в Российской империи. Практически безостановочно работающий печатный станок обеспечивал покрытие чрезвычайных, в том числе и военных расходов. 13(25) января 1813 г. последовал рескрипт на имя фельдмаршала М.И. Кутузова об обращении ассигнаций 25-, 10- и 5-рублевого достоинства в Пруссии и Княжестве (Герцогстве) Варшавском. Серебряный рубль был приравнен к четырем рублям ассигнациями, для обмена которых были созданы две променные конторы – при главной квартире М.И. Кутузова и при армии П.В. Чичагова. Попытки министра финансов Д.А. Гурьева остановить обращение ассигнаций за границей не увенчались успехом. В дальнейшем он предлагал различные меры, которые в той или иной степени могли предотвратить как финансовые махинации, так и остановить распространение фальшивых бумажных денег. Правительство попыталось воспрепятствовать переводу обращающихся за границей русских ассигнаций в Россию, чтобы не допустить падения их курса внутри страны [23. Т. 32. № 25315. С. 505–506; 12. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8; 24. Вып. 3. С. 11; 25. Т. 7. С. 128–129]. В докладе Александру I от 4 (16) февраля 1813 г. Д.А. Гурьев отметил, что если в январе предлагалось для укрепления доверия к «российским государственным ассигнациям и для облегчения их хода в местах, занимаемых войсками», разрешить свободно провозить их в империю, «или обнародовать обещание о вымене их на звонкую монету по заключении мира», то теперь ситуация изменилась. Министр финансов считал необходимым «объявить всем заграничным жителям», что «пропуск в Россию государственных ассигнаций запрещен». Однако для «облегчения свободного их обращения желающие перевести их в пределы России» могли «представлять их во всякое время в одну из учрежденных при армиях променную контору с объявлением, в котором из пограничных городов – в Гродне, Вильне, Риге или же в С.-Петербурге» желали «они получить вносимую ими сумму». Контора должна была выдавать предъявителю квитанцию по установленной форме, а казенная палата, после представления этой квитанции, означенную в ней сумму. Предложения министра финансов были одобрены императором [3. Т. 7. С. 55; 26. С. 77–79].

Через год Гурьев как и ранее пытался остановить обращение российских ассигнаций за границами империи, мотивируя это тем, что установление официального курса в четыре рубля ассигнациями за один серебряный рубль приводило к тому,

что иностранцы стремились «променивать их на деньги переводом в Россию», что значительно снижало достоинство ассигнаций и косвенно могло способствовать проникновению фальшивых банкнот. Остановить обесценивание бумажных денег, находящихся в обращении в германских государствах и Княжестве (Герцогстве) Варшавском Гурьев предлагал путем обмена их «на новые кредитные бумаги, которые были бы писаны на монету прусскую». Таким способом правительство надеялось изъять из обращения и уничтожить 50 млн руб. ассигнаций. Однако этот проект, изложенный в докладе Александру I от 13 (25) февраля 1814 г. «О вымене в Пруссии и Германии российских ассигнаций», не получил высочайшего одобрения и не был реализован [3. Т. 7. С. 578–581, 784; 12. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 18об.–24об.; 24. Вып. 1. Второй отдел. С. 56–57; Вып. 2. С. 421–423].

26 июня (8 июля) 1814 г. Гурьев вновь внес уже в Комитет министров проект распоряжений, направленных на предотвращение ввоза в Россию запрещенных товаров и фальшивых ассигнаций. Министр финансов отметил, что во время войны был принят ряд мер для обеспечения удобного обращения ассигнаций за границей и создания условия для перевода их в Россию. Так, за границы империи первоначально были выпущены только ассигнации 25-, 10- и 5-рублевого достоинства [23. Т. 32. № 25315. С. 505], для того, чтобы предотвратить обращение фальшивых ассигнаций 100- и 50-рублевого достоинства, выпущенных французским правительством. Однако это положение не было выполнено, несмотря на протесты министра финансов. Для перевода ассигнаций в Россию и для проверки их подлинности были созданы четыре банковские конторы. Гурьев настаивал на строжайшем запрещении ввозить ассигнации в Россию «иными способами, кроме перевода чрез конторы, каковое запрещение распространено и на курьеров с тем, чтобы они ни от кого не брали и не имели при себе, проезжая [...] в Россию, ассигнаций более того числа, сколько выдается на прогоны и на необходимое в пути содержание; в противном случае если обнаружится, что кто-либо под каким бы то предлогом ни было ввез в Россию ассигнации, то не только оные будут конфискованы и взяты в казну безвозвратно, но и самые провозители, яко нарушающие постановления законные, преданы будут военному суду». Перевозить или пересылать ассигнации из-за границы, под страхом конфискации, было запрещено указами от 13 (25) августа 1814 г. и от 13 (25) июля 1817 г. [14. 1817. Д. 1. Л. 1–6]. В случае обнаружения фальшивых ассигнаций «у чинов армий» министр финансов предлагал платить по ним только с разрешения главнокомандующего и при решении, что «фальшивая ассигнация принята независимо и не с намерением и что лишение оной было бы отяготительно по состоянию предьявителя». Так как в Пруссии и Княжестве (Герцогстве) Варшавском выпускались ассигнации только 25-, 10- и 5-рублевого достоинства, то, по мнению Гурьева, 100- и 50-рублевые ассигнации не следовало признавать и, соответственно, не производить по ним никаких платежей. Строгое соблюдение законов должно было, по его мнению, «обеспечить каждого благомыслящего сохранением принадлежащей ему собственности, а злонамеренных удержать сколь возможно от поползновения к тайному ввозу фальшивых ассигнаций» [12. Ф. 560. Оп. 4. Д. 50. Л. 8об.–15об.].

Предотвратить попадание фальшивых ассигнаций в обращение, после Отечественной войны 1812 г., стремились путем повышения уровня защиты ассигнаций от подделок. С этой целью на Царскосельской бумажной мануфактуре предпринимались безуспешные попытки усовершенствования состава ассигнационной бумаги. Несмотря на все усилия, достичь желаемого результата на старом оборудовании не удалось. Бумага по-прежнему «сохраняла [...] свою грубость» [27. С. 7–8; 28. С. 7]. Поэтому еще в декабре 1813 г., наряду с другими предложениями, высказанными им в начале и середине этого года, Гурьев представил Александру I доклад, в котором указывал на необходимость замены существующих ассигнаций новыми и создания для этих целей специального предприятия. Таким образом,

министр финансов предложил использовать способ избавления от фальшивых бумажных денег путем замены старых ассигнаций на новые. Необходимость подобной перемены возникла еще в начале XIX в., однако, осуществить ее тогда не смогли [29. Стлб. 699–707; 30; 31. С. 641, 645]. В условиях обращения российских бумажных денег за границами империи обезопасить казначейство от наплыва фальшивок стремились путем изменения их внешнего вида, повышения уровня защиты, усложнения технологии производства бумаги.

За помощью в решении поставленной задачи обратились к испанскому инженеру Августину Августиновичу Бетанкуру, который обследовал существовавшие в то время бумажные мануфактуры и пришел к выводу, что нецелесообразно было вкладывать средства в улучшение технического состояния этих предприятий. Необходимо было создать новое предприятие, на котором, по его мнению, должно было быть объединено изготовление бумаги и печать ассигнаций. Для того чтобы как можно быстрее выпустить необходимое количество бумажных денег и гербовой бумаги, Бетанкур предложил использовать на производстве паровые машины, которые тогда начинали внедрять на европейских предприятиях, что потребовало строительства новых каменных зданий и исключало возможность приспособить под производство деревянные постройки [27. С. 8; 28. С. 7; 32. С. 64–66; 33. С. 54–55; 34. С. 112].

В июле 1815 г. на левом берегу реки Фонтанки казна выкупила около двадцати двух гектаров земли для строительства новой фабрики. 4 (16) марта 1816 г. Александр I утвердил проект Бетанкура и поручил ему возглавить строительство фабрики и обеспечить ее необходимым оборудованием. Поставленная задача была полностью выполнена: построены «здания бумажной фабрики, типография, механическая, граверная, нумерационная и формная мастерские, правление, квартиры для чиновников и служащих, казармы для рабочих, магазин, караул». Оснащение производственных помещений «состояло из: 6 роллов для размалывания в бумажную массу пеньки и тряпья, 12 черпальных чанов для ручного отлива бумаги, 4 литографских, 2 винтовых печатных и 2 гидравлических прессов, нумерационной и одновременно грифовальной машины, паровой машины, двух медных паровых котлов». Сконструированные Бетанкуром паровые машины и оборудование были изготовлены в Петербурге на заводе Берда и частично привезены из Англии. Талантливым испанским инженером был разработан «специальный рецепт изготовления бумаги из русской пеньки и льняного тряпья», а также «способ получения водяных знаков самых сложных рисунков». Изготавливаемая на новом предприятии ассигнационная бумага была столь высокого качества, что рецепт ее приготовления приходилось строго оберегать от желания английских и шведских представителей ознакомиться с ним. Кроме того, Бетанкур разработал образцы ассигнаций, которые, после внесения изменений, были утверждены Александром I. Впервые на ассигнациях появилось изображение государственного герба [28. С. 8–14, 19, 22; 35. С. 131–135; 18. 2002. № 2. С. 43–49; 33. С. 55–59, 67–68; 34. С. 112–114; 36. С. 10; 37. С. 80–82].

21 августа (2 сентября) 1818 г. Государственный совет утвердил проект создания и временный штат Экспедиции заготовления государственных бумаг. Экспедиция была открыта, и на основании указа от 1(13) мая 1819 г. начался выпуск ассигнаций номиналами в 5, 10, 25, 50, 100 и 200 рублей, которые заменили в течение трех лет бумажные деньги прежнего выпуска. Мощность типографии позволяла изготавливать ежегодно 2 млн листов ассигнаций и 9–10 млн листов гербовой бумаги [23. Т. 35. № 27496. С. 531–534; Т. 36. № 27784. С. 159–165; 32. С. 66–68].

При обмене ассигнаций неизбежно возникал вопрос о появлении фальшивых денег. К решению вопроса подходили дифференцированно. Если подложность могла быть определена с первого взгляда, тогда никаких выплат по таким ассиг-

нациям не производили. А если среди принесенных к обмену обнаруживались «фальшивые, известной подделки, отличающихся от прочих тем, что на оных подписи вместо рукописных печатные, которые с 1813 года не были в казенных местах принимаемы», то в соответствии с правилами обмена, чиновники банка не выдавали за них новые купюры, а должны были записывать в книгу год и достоинство ассигнаций, а также «звание и имя приносителя и показание его от кого, когда и за что он их получил». После этого выявленные фальшивки должны были отправлять в правление Ассигнационного банка, а приноситель получал расписку. Учитывая, «что подлог ассигнаций с печатными подписями мало заметен», разрешалось сразу обменять одному лицу ассигнаций на сумму не более ста рублей, если он обращался с такой просьбой первый раз, получив при этом объяснения, каким образом у него оказалась подобная купюра. Если же вторично одним и тем же лицом предьявлялось к обмену фальшивых бумажных денег более, чем на сто рублей, то решение об обмене должно было принимать правление Ассигнационного банка [23. Т. 36 № 27784. С. 161–162]. С 1786 г. по 1812 г. в банк поступило фальшивых ассигнаций на 1 200 000 руб., а с 1813 г. по 1817 г. – 5 614 380 руб. (987 330 руб. в 1813 г., 2 830 655 руб. в 1814 г., 883 965 руб. в 1815 г., 626 450 руб. в 1816 г.) [31. С. 647; 33. С. 54; 18. 2003. № 1. С. 27–34]. И.С. Блюх и К.В. Сивков отмечали, что в 1820 г. за предьявленные к обмену фальшивые ассигнации было выплачено 6 857 155 рублей [38. С. 137; 25. С. 129]. По данным П.А. Шторха на эти цели потратили в 1819 г. 1 578 500 руб., в 1820 г. – 1 461 055 руб. и в 1821 г. – 3 754 965 руб. Итого – 6 794 520 руб., при этом не было предьявлено к обмену ассигнаций на сумму 10 940 510 руб. [1. С. 816, 820].

Ситуация осложнилась несколькоими значительными выпусками бумажных денег, санкционированными российским правительством, для покрытия расходов, вызванных Отечественной войной и заграничными походами русской армии в период с 1812 по 1815 г., и сведениями о российских фальшивых ассигнациях, выпущенных Наполеоном I. К тому же крестьяне отказывались от использования любых бумажных денег. По мнению префекта полиции Э.-Д. Паскье, «во время похода в Россию» распространили лишь небольшую часть фальшивых ассигнаций, «остальные пришлось сжечь после возвращения в Париж». Е.Ф. Канкрин отмечал, что при обмене старых ассигнаций на новые «оказалось относительно незначительное количество фальшивых билетов в массе старых билетов, предьявленных к обмену» [7. С. 745–747; 6. 1912. № 1. С. 129–130; 22. С. 114]. Однако некоторые авторы утверждают, что при обмене ассигнаций «из 832 миллионов находившихся в обращении, более 70 миллионов было поддельных» [16. С. 53; 20. С. 47–49].

По мнению современников и последующих исследователей, фальшивые ассигнации не оказали существенного влияния на денежное обращение в России. Косвенным подтверждением этому служит лучшая сохранность фальшивых ассигнаций по сравнению с подлинными деньгами, которая объясняется либо отличным качеством бумаги, либо тем, что в обращении они практически не были, а в музейные собрания и личные коллекции попадали вероятнее всего те банкноты, которые были конфискованы [4. С. 168; 9. С. 59–62; 39. Кн. 1. С. 114–115].

Во внутренних губерниях Российской империи фальшивые ассигнации распространились «сравнительно мало, потому что крестьяне не продавали врагам почти ничего, а в городах фальшивые деньги ходили наравне с настоящими, и рубль в цене не упал» [6. 1912. № 1. С. 129–130]. Определенную роль сыграл и манифест от 9 (21) апреля 1812 г., в соответствии с которым сделки между частными лицами основывались или на серебре, или на ассигнациях по биржевому курсу. Платежи между казной и частными лицами производились только ассигнациями в соответствии с регулируемым ежегодными указами податным курсом. Этого оказалось достаточно, чтобы на большей части территории Российской империи

ассигнации вытеснили из обращения медную и серебряную монету. Исключение составляли западные и прибалтийские губернии, где не питали доверия к ассигнациям (несмотря на указ от 9 (21) апреля 1812 г.), поэтому распространять здесь фальшивки, изготовленные по приказу Наполеона, было бессмысленно [23. Т. 32. № 25080. С. 280–282; 40. С. 68–69; 41. С. 88–91; 42. С. 286–287].

Проделанная А.А. Бетанкуром работа по организации Экспедиции заготовления государственных бумаг и ее технического оснащения была высоко оценена Александром I. Ему был пожалован орден Св. Владимира 2-й степени, и поручено строительство Монетного двора в Варшаве. Новый проект, подготовленный и разработанный А.А. Бетанкуром совместно с Вильгельмом Треттером, реализовал в 1823 г. Рафаэль Бауса [32. С. 68; 43. С. 163; 44. С. 80].

Таким образом, история изготовления и попыток распространения фальшивых российских ассигнаций Наполеона I в период Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии показывает, что, несмотря на все трудности, российскому правительству удалось не только предотвратить попадание значительного количества фальшивых денег в обращение и тем самым не допустить финансовую катастрофу, но и использовать эту ситуацию для совершенствования производства гербовой бумаги и ассигнаций. Обмен бумажных денег старого образца на новые происходил в течение 1819–1821 гг. В обращении ассигнации третьего выпуска находились вплоть до реформы 1843 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шторх П.А.* Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. 137. Т. 3.
2. *Уздеников В.В.* Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах 1700–1917. М., 1995.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1960–1972. Сер. 1. Т. 1–8.
4. *Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000.
5. *Участкина З.В.* Развитие бумажного производства в России. М., 1972.
6. Русский архив.
7. Исторический вестник. 1914. № 5.
8. Русская старина.
9. *Маршак М.Б.* Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Труды Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Л., 1986, Т. 26. Нумизматика. Вып. 6.
10. *Блос В.* Бумажные деньги в эпоху французской революции. СПб., б. г.
11. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11.
12. Российский государственный исторический архив.
13. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Kancelaria senatora Nowosilcewa.
14. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 1. Оп. II-29.
15. *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года. Собрание статей. СПб., 1867.
16. *Мирский Д.Я.* Титулованные фальшивомонетки // Наука и жизнь. 1969. № 10.
17. *Вермуш Г.* Аферы с фальшивыми деньгами. М., 1990.
18. Нумизматический альманах.
19. *Коленкур А.де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М., 2002.
20. *Польской Г.Н.* Рыцари фальшивых банкнот. М., 1982.
21. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008.
22. Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансов. СПб., 1894.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830.
24. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1876–1890. Вып. 1–3.
25. *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912.
26. *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М., 2006.
27. Гознак за 150 лет. М., 1969.

28. Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1818–2008. Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак». История в событиях, датах, судьбах. М., 2008.
29. Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Т. 3.
30. *Шишанов В.А.* Русские ассигнации образца 1802–1803 гг. Витебск, 1997.
31. *Печерин Я.И.* Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами // Вестник Европы. 1876. № 8.
32. *Павлов В.Е.* Русский испанец. К 250-летию со дня рождения Августина Августиновича Бетанкура. СПб., 2007.
33. *Вознесенский С.В.* Первые сто лет истории Экспедиции заготовления государственных бумаг (1818–1918 гг.). СПб., 2009.
34. *Балунов А.О., Воробьева О.В.* А.А. Бетанкур – организатор строительства Экспедиции заготовления государственных бумаг // Известия Петербургского университета путей сообщения. СПб., 2008. Спец. вып.
35. *Ренкель А.* Испанский гений на службе России. К 250-летию со дня рождения А.А. Бетанкура // Снабженец. 2008. № 8.
36. История Ленинградской бумажной фабрики Гознака. Л., 1988.
37. *Боголюбов А.Н.* Августин Августинович Бетанкур. 1758–1824. М., 1969.
38. *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История–статистика. СПб., 1882. Т. 1.
39. *Щелоков А.А.* Бумажные деньги. Исторические факты, легенды, события. М., 2009.
40. *Гурьев А.Н.* Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903.
41. *Туган-Барановский М.И.* Бумажные деньги и металл. Петроград, 1917.
42. *Шишанов В.А.* К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, «от Польши присоединенных», на рубеже XVIII–XIX вв. // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2003. Т. 16. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 13.
43. *Никольский Д.В.* Августин Бетанкур. Взгляд сквозь эпохи. Промышленный переворот в Испании и России во второй половине XVIII – первой четверти XIX века. СПб., 2007.
44. *Барышников С.О., Емельянова Т.В.* Августин Бетанкур – открывая заново // Университетская книга. 2008. № 5.

© 2012 г. А.А. САГОМОНЯН

ПОД ЗНАМЕНАМИ НАПОЛЕОНА И АЛЕКСАНДРА: ИСПАНСКИЕ СОЛДАТЫ В РОССИИ В 1812 ГОДУ

Статья посвящена необычной судьбе испанцев, участвовавших в походе Наполеона на Россию в 1812 г. Солдаты и офицеры испанских батальонов, составленных в основном из бывших военнопленных, массово переходили на русскую сторону, что вызвало беспрецедентное решение – сформировать из них особый полк имени императора Александра I в подкрепление союза между Россией и Испанией.

The article is devoted to the uncommon destiny of the Spaniards, who took part in Napoleon's campaign against Russia in 1812. Soldiers and officers of the Spanish battalions were mainly staffed of the former prisoners of war who had gone across to the Russian side. This gave rise to an unprecedented decision – to raise a special regiment named after Emperor Alexander I in order to strengthen the alliance between Russia and Spain.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., испанцы в наполеоновской армии, полк имени Жозефа Бонапарта, испанский императорский Александровский полк.

Как известно, в 600-тысячной Великой армии Наполеона, которая вторглась в Россию в июне 1812 г., собственно французов было меньше половины. Остальные были представителями союзных и покоренных европейских народов – поляки, итальянцы, немцы, австрийцы... Не зря в России стали говорить о нашествии «двунадесяти языков». По замыслу Наполеона, все эти многонациональные формирования должны были символизировать единство Европы под эгидой французского императора. Были среди них и испанские части. Они, однако, были особыми – состояли в основном из бывших военнопленных, да и судьба им была уготована необычная.

Ведь к этому времени в Испании уже несколько лет шла необъявленная народная война против Наполеона и он был вынужден держать там почти 300 тыс. солдат. Как же испанцы оказались на службе во вражеской армии?

Еще в 1807 г., понимая, что монархи Португалии и Испании не будут в ущерб собственным интересам соблюдать континентальную блокаду Англии, Наполеон решил подчинить их своему диктату. Вначале он добился согласия испанского короля на пропуск своей армии в Португалию и под этим предлогом наводнил Испанию французскими войсками. Одновременно, чтобы максимально ослабить испанскую армию, Бонапарт потребовал направить ее лучшую дивизию (около 15 тыс. человек) под командованием генерал-лейтенанта маркиза де Ла Романа на балтийское побережье для его охраны от английского флота. Эта дивизия была включена в корпус маршала Бернадота и расквартирована в Дании, в основном на островах Фюн и Зеландия, а также в Ютландии.

Сагомонян Александр Артурович – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой МГЛУ.

Когда до маркиза де Ла Романа дошли вести о вынужденном отречении испанских Бурбонов и провозглашении королем брата Наполеона – Жозефа Бонапарта, о последующем восстании 2 мая 1808 г. в Мадриде, он решил возвратиться на родину, чтобы сражаться с французами. Это решение встретило поддержку большинства солдат и офицеров его дивизии. Де Ла Романа сумел вступить в контакт с командованием английского флота, в полной тайне погрузить на корабли расположенные на островах войска и вывезти их в Испанию. По прибытии они вместе с английской армией сразу же вступили в бой с французами¹.

Оставшиеся в Зеландии и Ютландии несколько тысяч человек (точных данных нет) были окружены и разоружены французами. От них потребовали присягнуть навязанному Наполеоном Испании королю Жозефу Бонапарту. Большинство отказалось. После этого они были направлены в лагерь для военнопленных под Гамбургом. Вскоре к ним прибыло «пополнение» – солдаты и офицеры, взятые в плен в самой Испании. Условия содержания в лагере были тяжелыми, пленные страдали от голода, холода, эпидемий. Это продолжалось почти четыре года.

В 1812 г. Наполеон, готовивший вторжение в Россию, решил – прежде всего, из политических соображений – привлечь к нему испанцев: несмотря ни на что, Испания номинально была союзным государством. Военнопленным было предложено присягнуть королю Жозефу, вступить в полк, носящий его имя, и принять участие в русском походе. Как грубовато, но справедливо пишет современный испанский романист А. Перес-Реверте, им «предложили на выбор – либо и дальше гнить заживо, либо натянуть синий мундир (на самом деле белый с зеленым. – А.С.) и отправляться на войну» [2. С. 25]. Большинство выбрало второе.

Они были зачислены в состав испанского полка имени Жозефа Наполеона Великой армии (формально он был создан еще в 1809 г.). Полк состоял из четырех батальонов – 82 офицера, 2972 нижних чина. Поскольку многие военнослужащие оказались в нем против своей воли и французское командование не питало к ним большого доверия, полк был разделен на две части и разведен по разным соединениям: два батальона были включены в 1-й армейский корпус, другие два – в 4-й. Командиром полка был французский офицер полковник Жан-Батист де Чуди, его заместителем – также француз, Жан-Батист Дорей; командирами батальонов были испанские офицеры – Хосе Сансо, Алехандро О’Доннелл, Рамон Дюсер и Рафаэль де Льянса [3]². Последний оставил дневник, где подробно описал весь свой боевой путь [5]³.

С самого начала обнажились драматические противоречия между официально объявленными Наполеоном целями войны с Россией и реальной картиной событий. Льянса свидетельствует: «В выпущенном французами манифесте говорилось, что французская армия подняла оружие против русских тиранов – угнетателей Польши, чтобы восстановить там гражданские права и свободы, что население Литвы рассматривает французскую армию как армию освободителей и как силу, призванную разбить цепи рабства, в которые его заковали русские варвары. Каждый, кто прочел бы этот манифест и увидел бы разграбленные дома и деревни, перебитый скот, уничтоженные поля, кто узнал бы, что сам французский император дал своим солдатам разрешение на грабеж, поскольку с момента вступления на русскую территорию прекратились выплаты содержания и выдачи рационов, и поэтому солдаты, чтобы выжить, должны были грабить, – по меньшей мере, рассмеялся бы над этим манифестом. Эта свобода воровства была причиной чу-

¹ Поэтому вряд ли правы французские историки, утверждавшие, что «Ла Романа [...] дезертировал и бежал на английских кораблях» [1. С. 163].

² По некоторым данным, были и другие испанские подразделения. Уточнить это невозможно, так как весь архив наполеоновской армии был сожжен в Орше во время отступления [4. С. 607].

³ Этот дневник, написанный по следам событий, около 200 лет хранился в семье автора и был впервые опубликован одним из его потомков несколько лет назад.

довищного беспорядка, невиданного ни в какой другой армии, поскольку солдаты оставляли свои ряды, чтобы грабить дома и местечки в окрестностях дорог, по которым шла армия» [5. Р. 48].

Многие солдаты иностранных формирований наполеоновской армии не горели большим желанием воевать в России, а для испанцев служба Наполеону в будущем могла обернуться не просто бесчестьем и позором, но смертью. Перес-Реверте так передает размышления солдат испанского полка: «Жутко себе представить, какого натерпимся сраму, когда явимся домой и скажем, где воевали, а главное – за кого [...] Стоит только кончик уха выставить где-нибудь на границе [...] как на ближайшем пустыре бытие наше и кончится» [2. С. 43–44]. Дезертирство из испанского полка началось сразу же после вторжения в Россию, есть сведения, что уже при переходе через Неман было расстреляно пять испанцев. Е.В. Тарле справедливо отмечал, что дезертирство «особенно повальный характер имело в испанских полках, которые, ненавидя Наполеона лютой ненавистью, были принуждены идти с ним в Россию [...] На свое дезертирство они не могли не смотреть, в подавляющем большинстве случаев, как на свой патриотический долг перед далекой их родиной, истерзанной Наполеоном» [6. С. 261].

Злосчастную судьбу испанцев в наполеоновской армии отразил в своей записной книжке участник русского похода французский капитан Ж.-Р. Куанье – солдат империи, как он себя называет. Трагедия произошла на переходе от Вильны к Витебску. Куанье было поручено доставить 700 человек, оставших от своих частей, из которых 133 были солдатами испанского полка. «Наступила ночь. И тут я стал замечать, что мои дезертиры начинают ускользать в чащу леса [...] Я поскакал галопом, чтобы вернуть их назад [...] Вдруг солдаты повернулись ко мне и начали в меня стрелять! [...] Заговорщики были из полка Жозеф Наполеон, все без исключения испанцы. Их было 133. Ни один француз не замешался среди этих разбойников. Испанцев схватили, обезоружили». Потом их заставили тянуть жребий – черные и белые билеты. «Полковник сказал: “Вы воровали, вы поджигали, вы стреляли в своего офицера; закон присуждает вас к смертной казни. Я мог бы расстрелять всех вас, но половину я пощажу”». В результате 62 человека, вытянувшие черные билеты, были расстреляны [7. С. 42–44].

Немало было и попыток сдаться в плен русским. Вот что писал об этом в своих записках офицер русской армии А.И. Антоновский: «К полудню удалые гродненцы притащили человек 200 сброду, в том числе и несколько гишпанцев с офицером. Они передались добровольно в наши руки и говорили, что, будучи взяты французами в плен в делах Гишпании, Наполеон под угрозой смертной казни принудил их служить во французской службе [...] Притом рассказывали: вошедши в Россию, все гишпанцы искали случая передаться к нам; но многие из товарищей их попали в важную ошибку. Не зная, что здешний край от границ России населен поляками, которые не расположены к русским, и спрашивавших проводить к нашим войскам поляки провожали к французским, и много таким образом погибло. Гишпанский офицер много рассказывал нам подобных происшествий, а между тем и то, что польские паны весьма дружелюбно и с необыкновенным уважением принимают французов, называя их своими избавителями» [8. Док. № 35].

Однако когда дело доходило до сражений, испанцы неизменно выказывали природное мужество и воинскую доблесть. Так, в бою за Шевардинский редут 24 августа 1812 г., по словам адъютанта Наполеона Сегюра, именно упорство испанского полка позволило удержать это укрепление после контратаки русской пехоты [9. С. 105].

В Бородинской битве испанский полк активного участия не принял. Его часть, входившая в состав первого корпуса, была направлена в район деревни Семеновское; потери составили 36 человек, в основном от огня артиллерии [10. С. 260–265]. Федор Глинка писал об испанцах: «К Фрияновой же дивизии (т.е. дивизии

под командованием генерала Л. Фриана. – А.С.) принадлежит и полк испанский Иосифа Наполеона. С роскошных долин Андалузии он перенесен каким-то волшебством в суровые поля подмосковные; и вот одетый в белые мундиры этот полк, ярко отличаясь от прочих, идет белою колонною по черным огаркам погорелой деревни [Семеновское]» [11. С. 218].

После Бородина два испанских батальона полковника де Чуди были включены в авангард маршала Мюрата. На пути к Москве испанцы практически не выходили из тяжелых боев с организованно отходящей русской армией и понесли значительные потери: было убито и ранено 12 офицеров и 253 нижних чина. Среди раненых был сам де Чуди, а среди убитых – командир батальона Рамон Дюсер [5. Р. 65]. Два других испанских батальона, из 4-го корпуса, отличились в сражении у Малоярославца [5. Р. 89].

Русское командование конечно же учитывало «ахиллесову пяту» наполеоновской армии – вынужденный характер участия большинства иностранных солдат в русском походе и факторы, с этим связанные. При Главной квартире русской армии с самого начала действовала походная типография, печатавшая в том числе листовки, обращенные к солдатам армии Наполеона, особенно не французам. До нас дошли листовки, адресованные итальянским, немецким и другим солдатам, в которых их призывали «вернуться на родину или найти пока убежище в России» (т.е. дезертировать или сдаться в плен). Сохранились и воззвания к выходцам с Пиренейского полуострова.

Как указывается в сборнике «Листовки Отечественной войны 1812 года», выпуск листовок, обращенных к испанцам и португальцам, так же как и пропаганда освободительного движения на Иберийском полуострове, занимал важнейшее место в агитационных усилиях походной типографии на всем протяжении войны. Испанцы и португальцы, против своей воли вовлеченные в состав армии Наполеона, представляли наиболее благодатную почву для русской агитации. Уже в начале июля 1812 г. русским командованием была издана не дошедшая до нас листовка, упоминание о которой мы находим в одном из приказов М.Б. Баркляде-Толли. «По полученным мною сведениям, – писал военный министр, – испанцы и португальцы, находящиеся во французской армии, единственно потому не передаются к нам, что сомневаются, получают ли от нас способы к возвращению в свое отечество. Для удостоверения их в сем сочинена прокламация, экземпляры коей на испанском и португальском языке при сем препровождаю». С начала августа печатание агитационных материалов, рассчитанных на испано-португальский контингент, еще более расширилось. Систематически издавались большими тиражами известия об успехах английских войск и партизанских формирований в Испании [12. С. 38–39].

Вот что было написано в листовке, выпущенной в первой половине августа: «22 июля лорд Веллингтон одержал [в Испании] решительную победу над французской армией, предводительствуемой маршалом Мармоном [...] Полное освобождение полуострова будет ее следствием [...] Испанцы и португальцы! Оставьте, наконец, знамена вашего смертельного врага, служите отныне только делу вашей родины и религии, последуйте примеру благородных усилий ваших соотечественников, и Провидение благословит ваше славное предприятие.

Император Александр, друг всех угнетенных народов, предлагает вам средства, переправившись через море, снова увидеть родную землю и освободить ее от иноземного порабощения» [12. С. 38].

Другая листовка призывала: «Испанские и португальские солдаты! Ваши законные государи и ваша любимая отчизна желают, чтобы вы оставили знамена презренного Наполеона. При любой возможности сдавайтесь русским войскам, которые примут вас, как братьев, и вскоре вернут вас к родным очагам, к вашим

семьям. Солдаты! Русские вас любят, уважают и ожидают с нетерпением; родина верит в вашу верность. Не обманите ее ожиданий!» [13].

Однако самой действенной пропагандой были боевые успехи русской армии и та чудовищная катастрофа, которая постигла французов после оставления Москвы. Свидетельство Рафаэля де Льянсы – лишь одно из многих: «Голод был страшным! [...] Вначале стали массово умирать лошади, которые сразу же становились пищей для людей [...] Очень рано пришли настоящие северные морозы, которых мы до тех пор не знали. Они довершили ужасающую картину – ежедневно из-за голода, холода и мучений на дороге оставалось более трех тысяч мертвецов. Потерявшие человеческий облик люди не обращали внимания на своих товарищей, которые садились или ложились на дорогу, чтобы никогда уже не подняться. Единственным “актом милосердия”, который имел место, было раздеть человека до того, как он умрет, чтобы забрать деньги или одежду, если она была еще пригодной. А многим, кто сопротивлялся в последний момент, – я видел это своими глазами – помогали умереть ударом кулака или приклада, чтобы было легче раздеть их или снять сапоги или башмаки, которые особенно ценились» [5. Р. 91].

Число испанцев, разными способами покинувших Великую армию, увеличивалось день ото дня. Случаи перехода испанских солдат на русскую сторону имели место уже в августе–сентябре 1812 г. А к началу октября только в Псковской губернии находились 1198 испанцев и португальцев [12. С. 8]. Испанцев приказано было содержать лучше других пленных в уважение к их борьбе против Наполеона [14. С. 66]. По высочайшему повелению, суточное содержание «нижних чинов испанской нации» было в три раза выше, чем у других военнопленных: 15 коп. и 5 коп. соответственно [15. С. 16].

Р. де Льянса описывает и обстоятельства своего пленения. В ноябре его батальон был включен в арьергард французской армии под командованием маршала Нея. 18 числа в сражении под Красным французы были разбиты, сам Льянса серьезно ранен. Оставшиеся на поле боя несколько тысяч человек, в том числе испанцы, оказались в окружении. Прибывший русский полковник Голицын, обращаясь к Льянсе, предложил сдаться в плен. «Я ответил ему: “Сеньор, перед вами несчастный испанец!” [...] Услышав это, он прервал меня: “Испанец! Мой император не считает испанцев пленными. Наши страны связаны тесным союзом⁴. Все испанцы, которых судьба приведет к нам, находятся под защитой русской армии”». После этого испанским солдатам предоставили удобный ночлег, а затем отправили в Главную квартиру русской армии. Всю дорогу сопровождавшие их казаки кричали: «Испанцы! Испанцы!», чтобы избежать каких-либо эксцессов. В Главной квартире Льянсе подробно разъяснили императорский указ о защите испанцев, оказавшихся во французской армии. Он и его соотечественники были снабжены одеждой и деньгами, а затем направлены на юг, в Курскую губернию, где они провели всю зиму. Им было обещано возвращение на родину [5. Р. 93–97].

Ввиду большого количества сдавшихся в плен испанских и португальских солдат в конце 1812 г. было принято решение сформировать из них отдельный полк для участия в войне против Наполеона. В ноябре управляющий военным министерством князь А.И. Горчаков писал М.И. Кутузову: «Государь император, желая поддержать связь с восстановившеюся испанскою державою, соизволяет, чтобы все пленные испанцы и португальцы были собираемы в Санкт-Петербурге. Они по прибытии сюда [...] будут формироваться в батальоны и останутся до весны, а с открытием коммуникации будут отправляемы отсюда в свое отечество [...] На том основании покорнейше прошу вашу светлость... всех пленных испанцев и португальцев отсылать в Санкт-Петербург» [13].

⁴ Имеется в виду подписанный в Великих Луках в июле 1812 г. договор между Россией и Испанией о совместных военных действиях против Наполеона [16. С. 495–497].

2 мая 1813 г. в пятую годовщину Мадридского восстания против Наполеона солдаты новообразованного испанского императорского Александровского полка приняли присягу на верность Кадисским кортесам (которые в Петербурге считались единственной законной властью в Испании, в то время как король Фердинанд еще находился во французском плену). Знамя полка с изображением Андреевского креста и батальонные штандарты были торжественно освящены 19 июля в дворцовой церкви в Царском Селе в присутствии супруги Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Знамя было вышито лично вдовствующей императрицей. Командиром полка был назначен подполковник А. О'Доннелл (бывший командир батальона полка Жозефа Бонапарта; перешел на русскую сторону вместе с тремястами испанцев в декабре 1812 г. в Вильне). В составе полка было три батальона – девять офицеров, 115 унтер-офицеров и 1908 нижних чинов. Солдаты и офицеры были вооружены русским оружием и одеты в зеленые русские мундиры. Церемония освящения знамен завершилась торжественным прохождением полка перед императрицами и большим портретом испанского короля Фердинанда VII [12. С. 8; 5. Р. 114–116, 142, 155–156]. Кстати сказать, на острове Святой Елены Наполеон утверждал, что Фердинанд VII полностью поддерживал его планы в отношении России и даже предлагал своего брата Дона Карлоса в качестве командира испанских частей Великой армии в русской кампании [17. С. 696].

30 июня 1813 г. на семи английских транспортах Александровский полк из Кронштадта был отправлен в Испанию. Напутствуя соотечественников, испанский посол в России говорил: «Ступайте, спешите и довершайте изгнание неприятеля, попирающего еще часть прекрасной нашей земли» [12. С. 8]. В 1813–1814 гг. в Испанию было переправлено еще около полутора тысяч испанских и португальских солдат.

Но родина неласково встретила своих хлебнувших лиха сыновей. Вернувшийся из французского пленения король Фердинанд VII свои именины (день Святого Фердинанда) 30 мая 1814 г. отметил декретом, по которому пожизненному изгнанию из страны подлежали все испанцы, признавшие в свое время власть короля Жозефа (их презрительно называли «жозефины»). Поэтому Александровский полк подлежал расформированию, а все офицеры выше звания лейтенанта – высылке. Однако благодаря вмешательству русского посла в Мадриде Д.П. Татищева, входившего в круг приближенных к королю лиц и имевшего на него определенное влияние, в отношении подполковника О'Доннелла и других офицеров было сделано исключение, полк был восстановлен и стал регулярным воинским подразделением королевской армии. Название Александровского он носил до 1823 г.

Намного более трагичной была судьба нескольких сотен испанцев, оставшихся в армии Наполеона. Они познали все ужасы отступления из России, и лишь единицы сумели в конце концов, пройдя через всю Европу, вернуться домой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История XIX века. В 8 т. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 1.
2. *Перес-Реверте А.* Тень орла. М., 2003.
3. *Власов К.* Расписание Великой армии на начало русской кампании 1812 г. // Интернет-проект www.1812.ru
4. *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1989.
5. *De Llanza y de Valls R.* Un español en el ejército de Napoleon. Diario de ... capitán del antiguo Regimiento de Infantería de Guadalajara. Madrid, 2008.
6. *Тарле Е.В.* Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994.
7. Записная книжка капитана Куанье – солдата империи // Воин. 2000. № 1.
8. Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов / Сост. Е.В. Тарле, А.В. Предтеченский. М., 1962.
9. *Сегюр Ф.-П.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003.

10. *Земсков В.Н.* Битва при Москве-реке. М., 2001.
11. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 2009.
12. Листовки Отечественной войны 1812 года. Сб. документов / Сост. и комм. Р.Е. Альтшуллер, А.Г. Тартаковский. М., 1962.
13. Испанские солдаты в русских мундирах // http://spalex.narod.ru/rus_esp/esprus_2mayo.html
14. *Тепляков С.А.* Век Наполеона. Реконструкция эпохи. Барнаул, 2011.
15. *Бессонов В.А.* Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской Империи в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы конф. Бородино, 1999.
16. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИДа. М., 1962. Сер. 1. Т. 6.
17. *Лас-Каз, граф.* Мемориал Святой Елены. М., 2010. Кн. 1.

МОЯ ЖИЗНЬ МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ

Публикуемый текст является фрагментом интервью выдающегося чешского слависта Славомира Вольмана, взятого у него в 2010 г. в связи с 85-летием. Интервью подготовила к публикации сотрудница Славянского института АН ЧР доцент А. Зеленкова (Kontexty literární vědy II. Ústí nad Orlicí, 2009). Он очень обрадовался, когда узнал, что материал переводится на русский язык для журнала «Славяноведение». С нашей страной, ее наукой и учеными он был связан всю жизнь, получив эти связи в наследство от своего прославленного отца Франка Вольмана и укрепив их своей профессиональной деятельностью. Последним доказательством его дружеских чувств к нашей стране и внимания к российской науке стало короткое, но теплое приветствие международной конференции «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике», состоявшейся в Институте славяноведения 1–2 ноября 2011 г.:

«Уважаемые друзья и участники конференции,

примите сердечный привет от старого слависта и компаративиста, который помнит еще Иржи Поливку и Матея Мурко. В памяти моей живет не только Роман Осипович Якобсон, часто приходивший к нам домой, к моему отцу Франку Вольману, еще в славные годы существования Пражского лингвистического кружка. Помню визиты и других русских гостей, во время которых я познакомился и подружился с В.В. Виноградовым, Н.И. Толстым, Ю.М. Лотманом, Д.С. Лихачевым и А. Робинсоном, сына которого, Мишу, тоже ставшего замечательным ученым, я когда-то качал на коленях.

Очень жалко, что состояние здоровья не позволяет мне лично пообщаться с вами в Москве. Желаю вашей конференции больших успехов не только как бывший председатель Международного комитета славистов, а в настоящее время как почетный председатель Чешской ассоциации славистов, но прежде всего и как искренний друг русской науки, культуры, литературы, с которыми я связал свою профессиональную судьбу.

Профессор Славомир Вольман.

Прага, 28.10.2011»

Зачитанные во время открытия конференции, эти слова заслуживают того, чтобы не кануть в вечность, а остаться на журнальных страницах свидетельством дружбы и сотрудничества ученых разных стран и консолидирующей роли науки в мире, раздираемом противоречиями.

Публикация интервью и приветствия Славомира Вольмана посвящается светлой памяти этого замечательного человека и ученого, ушедшего из жизни 27 января 2012 г.

© 2012 г. Л.Н. Будагова

А. Зеленкова: Вы один из немногих чешских славистов, кто лично знал Романа Якобсона и принадлежал к числу его чешских друзей. Сам он в своей изданной у нас переписке неоднократно упоминал о Вас как о человеке, заслуживающем доверия, к которому можно обратиться с разными просьбами, ну хотя бы достать какую-нибудь научную монографию.

Как главный редактор «Славии» Вы опубликовали две неизданные лекции Р. Якобсона 1957 г., посвященные структурному анализу, а также развитию и современному состоянию наших филологических дисциплин (*Jakobson R. Zásady strukturalnej analyzy // Slavia. 1992. № 1 (61). S. 4–14*). Скорее всего, Вы впервые увидели Якобсона в межвоенный период в Братиславе или в Брно, где вместе с Вашим отцом Якобсон, как член Пражского лингвистического кружка, преподавал в Масариковом университете.

С. Вольман: Вы правы, я познакомился с Якобсоном давно, еще мальчиком, в Братиславе, когда он приходил к нам в гости. Они с моим отцом были большими друзьями и часто общались, особенно в Масариковом университете, в Брно, где Якобсон стал профессором. Мало кто знает, что это устроил мой отец. Еще ребенком я знал, что существует Пражский лингвистический кружок, что его место пребывания – Прага, хотя в действительности все его главные члены, включая В. Матезиуса, работали в основном в Брно.

После Второй мировой войны я впервые встретился с Якобсоном на пленарном заседании Международного комитета славистов (МКС), кажется, в 1956 г., когда я выполнял обязанности секретаря Чехословацкого комитета славистов. Тогда я ближе познакомился с Якобсоном, которого все боялись. Мы пригласили его к нам домой на ужин, и, помнится, в этой встрече принимала участие и его первая жена Соня Гаасова. На ужине была и жена профессора Богуслава Гавранека, который в это время был на курорте, на лечении. Якобсон тогда еще пил водку таким темпом, как, наверное, в молодости, и ничего ему не делалось. С той поры мы очень хорошо узнали друг друга. Когда он приходил в гости к моему отцу, я всегда им ассистировал, потому что отец уже в то время жил один. В начале 1957 г., незадолго до Конгресса славистов в Москве (1958 г.) Якобсон читал цикл лекций в Оломоуце, почему именно там, сейчас сказать не могу, но помню, что самой принципиальной была лекция о сущности и судьбе структур.

С Якобсоном мы встречались на целом ряде тогдашних заседаний МКС. Я даже работал с ним в начале 1960-х годов над текстом, в котором на основе своих соображений, да и мнений всего президиума МКС, надо было выработать концепцию того, как организовывать съезды славистов с тематической точки зрения. Помню, как Якобсон в семь часов вечера сказал мне, что президиум МКС хочет получить текст завтра, а я ему ответил, что будем работать вместе. Тогда мы с ним были уже «на ты», он хорошо говорил по-чешски. Якобсон сказал, что хочет сделать доклад на русском языке, мы и здесь с ним вместе потрудились, и на следующий день он уже выступал. Потом мы виделись с ним на съездах славистов в Москве, в Софии, в Праге и в Варшаве в 1973 г. Когда я в качестве приглашенного профессора читал лекции в Америке, в Лос-Анджелесе, мы с ним, к сожалению, не встретились, только разговаривали по телефону, состояния слишком большие, да и работой был каждый перегружен. В 1969 г. мы опять увиделись в Праге на конференции памяти Кирилла-Константина. К славистическому конгрессу в Киеве в 1983 г.

Якобсона уже не было в живых. На посту председателя Американского комитета славистов его сменили В. Эджертон и Д. Ворт.

А.З.: Как и Ваш отец, Вы стали выдающимся славистом, русистом и, главное, компаративистом, который более полувека вращался в кругах Международного комитета славистов и чехословацкого (чешского) комитета славистов. На посту председателя МКС в 1988–1993 гг., т.е. в период больших политических перемен (крах социализма и разделение общего государства чехов и словаков), Вы должны были сочетать дипломатию с наукой и с блеском и тактом часто занимались сложными закулисными делами.

Ваша первая монография «Слово о полку Игореве как художественное произведение» (1958) открыло Вам дорогу к русским литературоведам, ставшим для нашего поколения легендой, таким, как В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, А.Н. Робинсон, Д.С. Лихачев, Н.И. Толстой, Ю.М. Лотман и др. По своему опыту знаю, что Ваш авторитет ученого и человека весьма высок и среди других зарубежных исследователей. Ваши дальнейшие работы, такие, например, как «Сравнительный метод в литературоведении» (1988), «Чешская школа литературной компаративистики» (1989) и «La storia dei generi letterari» (1990), относятся к базовым трудам литературоведческой славистики и компаративистского мышления вообще. Какими конкретно были Ваши отношения и контакты с русскими славистами с 1950-х годов, когда Вы стали ездить в командировки в тогдашний Советский Союз?

С.В.: Одним из первых русских славистов, с которыми я познакомился, был знаменитый В.В. Виноградов, когда он стал председателем МКС. Особенно меня интересовала проблема циркуляции мотивов, имевших международный характер, в русской литературе XVIII в. Прежде всего я имею в виду монографию Виноградова «Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование» (1963), где речь шла о многих конкретных вещах.

С А.Н. Робинсоном я встретился во время поездки в Москву и Ленинград в 1957 г., куда меня направили как молодого русиста вместе со «швейкологом» Радкой Пытлик. С молодым задором я дерзко заявил, что еду заниматься русистикой. Виноградов еще в Праге сказал, чтобы я сразу же дал знать, как только окажусь в Москве. Я пришел к нему в Институт русского языка, где в то время его секретарем по науке работал молодой А. Робинсон, литературовед, не имевший отношения к лингвистике. Виноградов возглавлял Отделение литературы и языка Академии наук и выделил несколько мест секретариату. После демобилизации Робинсона из армии Виноградов взял его к себе на работу. Робинсон был знаком с П.Г. Богатыревым. Когда тот был в Ашхабаде, его опекали двое студентов, это были Робинсон и его жена, с той поры и началась их дружба. Интересно, что английский предок Робинсона служил у графа М.С. Воронцова садово-парковым архитектором, обустроивая сады Крыма. Когда несколько лет спустя А. Робинсон рассказывал об этом у нас в Праге, это услышала моя жена Мария, которая сказала, что ее дедушка был садовым архитектором в венском Шёнбрунне.

Виноградов устроил на работу и Н.И. Толстого, который занимался диалектологией, что и привело его к Виноградову. В связи с Н. Толстым вспоминается посещение Ясной Поляны. «Хотите увидеть Ясную Поляну?» «Конечно же». Нам дали машину с шофером, и мы поехали туда вместе с Н. Толстым. Он показал мне озеро, куда бросалась вдова Льва Николаевича Толстого, говорили мы и о Душане Маковицком, он был из семьи самоубийцы и тоже покончил с собой. Говорят, что Маковицкому не удалось образумить Толстого и отговорить его пускаться в путь, которого он не выдержал. Видели мы и музей, содержащийся в порядке дом Л.Н. Толстого, где всегда был накрыт стол минимум на шесть персон – оставалось

только нарезать хлеб. Русское гостеприимство едва ли не самое важное, что может предложить Россия. Навестили мы и простую могилу Л.Н. Толстого.

В музее Толстого я побывал еще раз с одной из экскурсий по линии МКС. Эта поездка была интересной хотя бы потому, что в музее мы встретились с представителями русского дворянства, у которых в Праге жили родственники. На весьма приятном обеде зашла речь о том, как печально заканчивает свою жизнь знаменитая русская аристократия. Н. Толстой сказал только: «Прошу вас, хватит об этом!». И еще одна «примечательность», характеризующая ситуацию: у нас люди одного возраста обычно друг с другом на «ты». Но Н. Толстой и А. Робинсон все время обращались друг к другу на «вы». Я им сказал: «Парни, не смешите меня, кто из вас старше?». После этого и в Москве стали «тыкать».

Познакомился я с отцом Н. Толстого – Ильей Ильич Толстой служил офицером, кажется, на «Авроре» (точно не помню) и не погиб только потому, что перед революцией был переведен на другой корабль; а все его сослуживцы погибли. И.И. Толстой был интересным человеком, автором сербско-русского словаря. Вполне логично, что его сын Никита стал изучать филологию. И.И. Толстой и его жена уехали после Октябрьской революции в Югославию, где у них и родился мой друг Никита. Началась Вторая мировая война, в Югославии развернулось Сопротивление. Никита ушел в партизаны, а когда пришла Красная Армия, вступил добровольцем в ее ряды. Его семья получила разрешение вернуться в Москву. Никита был блестящим человеком, но ругаться умел как последний пьяница. Провожая меня как-то в гостиницу, он продемонстрировал свое искусство пристававшему к нам пьянчуге. Помню, что, когда я был однажды в гостях у Толстых, отец Никиты совсем не пил. Я с удивлением сказал: «Вы ничего не пьете». А он мне на это: «Я в своей жизни уже все выпил, вплоть до керосина». То же самое сказал, когда был у нас на обеде в Праге в 1930-е годы Н.С. Трубецкой. Он тоже ничего не пил, буквально ничего. Возможно это было заповедью русского офицерства.

В семье Толстого я познакомился и с И.Н. Голенищевым-Кутузовым, чей предок был командующим во время наполеоновских войн. Как историк он занимался славянским барокко. О нем рассказывали, что однажды, во время его командировки в Ленинград, его вдруг срочно попросили покинуть гостиницу из-за партийной конференции. Голенищев-Кутузов пошел к директору отеля, в котором, кстати, повесился С. Есенин, и сказал, что если его не оставят в покое, он пойдет ночевать под памятником своему предку, что стоял недалеко от отеля.

С Д.С. Лихачевым я познакомился, когда мой коллега, русист Радегаст Паролек был послан на четыре года учиться в СССР. Их группа ехала в одном вагоне, и рассказывают, что, когда они оказались на русской территории, то стали целовать перрон.

В Советском Союзе Паролек подружился с Лихачевым. Когда тот приехал в Прагу, Паролек сразу же связал меня с ним. Я хорошо узнал Лихачева, а когда в августе 1968 г. дело дошло до советской оккупации, Лихачев в тот же день послал мне открытку, в которой извинялся за это, открытка пришла ко мне в Прагу через три дня. Это был мужественный поступок.

Лихачев мог быть и резким, например, когда написал в вечернюю газету Ленинграда статью против вырубки аллей. Он принимал участие в пражском съезде славистов в 1968 г., а на братиславский съезд 1993 г. уже не приехал. Последний раз он был в Праге, по-моему, в 1991 г. с лекцией в Литературоведческом обществе, которым я руководил. В начале 1990-х годов я приветствовал на его заседании блестящего тартуского семиотика Ю.М. Лотмана, который рассказывал о поэтике пространства и городской архитектуре. Оба они, Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман, к сожалению, вскоре скончались.

Перевод Л.Н. Будаговой

E. VEČERKOVÁ, V. FROLCOVÁ. Evropské Vánoce v tradicích lidové kultury. Vyšehrad, 2010. 520 s.

Э. ВЕЧЕРКОВА, В. ФРОЛЦОВА. Европейское Рождество в традициях народной культуры

Календарная обрядность в целом и Рождество как один из наиболее ярких праздников года достаточно хорошо изучены в отдельных славянских и европейских традициях (см. прежде всего четырехтомный труд под редакцией С.А. Токарева [1]; обычаям и обрядам Рождества у славян посвящены работы [2; 3]). Значительно меньше работ по сравнительному изучению обрядов и обычаев рождественского цикла в общеславянском или общеевропейском масштабе (из славистических сопоставительных работ см. [4]). В 2003 г. вышла в свет монография А.Б. Страхова, рассматривающая общеевропейские рождественские обычаи versus традициям восточных славян [5]. Несмотря на богатый материал и интересные частные наблюдения и сопоставления, эта книга носит тенденциозный характер; автор стремится доказать, что народная духовная культура славянских и европейских народов базируется в целом лишь на христианской традиции («народная духовная культура – гораздо более новый [...] феномен, носящий на себе следы многовековой непрерывающейся эволюции, отправляющейся, в основном, от христианского культурного пласта» [5. С. 2]), как если бы до принятия христианства народной культуры у славян и европейцев не существовало. По логике А.Б. Страхова, солнцу поклонялись потому, что это был символ Христа; вода почиталась потому, что ею был крещен Христос, солома – потому, что на ней был рожден Христос; овцы, быки, коровы и другие домашние животные благословен-

ны потому, что «поклонились» рожденному богу, и т.д.

Рецензируемая книга посвящена обычаям празднования Рождества у народов Европы. Ее авторы – известные исследовательницы традиционной духовной культуры чехов и мораван. Доктор Эва Вечеркова – этнограф, фольклорист и музыковед, сотрудник Моравского земского музея, автор монографий «Крашенки в Моравии» и «Народные обычаи и их художественные особенности. Образы и символы» [6]; доктор Вера Фролцова, сотрудник отделения Института этнологии Чешской АН в Брно, помимо изучения традиционной народной культуры занимается также этномузыкаловедением и изданием научного наследия проф. Вацлава Фрольца; ей принадлежит монография «Пасха в чешской народной культуре» [7].

Книге «Европейское Рождество» в чешской науке предшествовало описание рождественских обычаев в собственной традиции, выполненное коллективом под руководством В. Фрольца [3], которое выдержало три издания (1988, 1989, 2001 г.). Опираясь на чешский материал, авторы рецензируемого труда расширили объект своих исследований, обратившись к этнографии других славянских, а также германских, романских, балтийских, финно-угорских народов, которые, по мнению авторов, составляют единую европейскую культурную традицию. Рождественские обычаи отдельных народов схожи, но не идентичны, они взаимно дополняют друг

друга и своеобразно развивают свои, значимые для каждого народа и каждой отдельной территории, мотивы и сюжеты. Авторы отдают себе отчет в известной схематичности своего обзора и с научной точностью отмечают, что даже в зонах сплошного распространения того или иного явления (например, рождественского колядования) есть пункты, где оно не фиксируется источниками. Признавая, что христианский календарь заменил собой дохристианское членение годового времени, причем элементы дохристианских верований сохраняются до наших дней, авторы, вместе с тем, подчеркивают, что «не все явления, кажущиеся языческими, с необходимостью восходят к дохристианским временам» (s. 9). Для выяснения происхождения и истории конкретных явлений необходимы специальные исследования и, в частности, исследования в области культурной ареалогии, особенно в контактных областях.

При написании книги, кроме специальной этнологической и исторической литературы на разных языках и в переводах по каждой отдельной традиции, использовались полевые и архивные материалы, художественная литература, свидетельства массовой культуры, открытки, журналы. Большинство источников относятся к новому времени, но есть также и немногие сохранившиеся редкие старинные тексты – такие, например, как уникальная рукопись Яна из Голешова о Щедром вечере (сочельнике). Свою задачу авторы видели в том, чтобы предложить тематическую и географическую систематизацию имеющихся данных разных европейских традиций, уточнить наблюдения и выводы предшествующих исследователей, а также поставить новые, не обсуждавшиеся пока вопросы.

Книга состоит из двух частей. В первой, вводной, изложение построено по хронологическому принципу – это описание рождественской обрядности в широких рамках: от адвента (рождественского поста) до Богоявления. Здесь рассматриваются исторические и культурные аспекты возникновения праздника Рождества Господня, соотношение христианского и народного календарей, христианской и языческой традиций празднования; народные представления о зимнем новомодье, о возрождении солнца, о культуре предков, раскрытии небес и превращении воды в вино и др.; прослеживается развитие таких христианских мотивов, как одаривание детей «Иисусиком», хождение с «Вифлеемом». По поводу происхождения

праздника Рождества авторы сообщают: «Согласно европейской истории, Рождество в литургическом году появляется с IV в.: на востоке Европы это был праздник Богоявления, связанный и крещением Иисуса в Иордане, понятый как событие духовного рождения Божьего Сына (6.01), на западе – праздник Телесного Воплощения и Рождества Христова в Вифлееме (25.12). Этот день в 336 г. христиане праздновали в Риме, в то время как в Милане, Галлии и Испании сохранялся еще старый праздник Богоявления» (s. 15). В качестве источника праздника Рождества рассматриваются такие языческие культы и праздники зимнего календаря, как римские сатурналии и праздник «рождения непобедимого Солнца» (*Natale Solis Invicti*), установленный в 274 г. императором Аврелианом и назначенный на 25 декабря. Поскольку древних свидетельств о праздновании Рождества нет, можно говорить о возможном сохранении в нем реликтов празднования солнцеворота и солнечного культа.

Язычество рождественских обрядов и верований заключалось прежде всего в почитании древнего культа земли и в культуре предков. Так, повсюду сохранился обычай не убирать со стола еду и посуду в святые ночи – в связи с народными поверьями о возвращении умерших предков на землю. Бенедиктинский монах Ян из Голешова в своей рукописи XIV в. упомянул об употреблении «большого белого хлеба» в канун Рождества и о его оставлении на столах и на могилах. Этот обычай распространен преимущественно в восточной, юго-восточной и северной Европе.

По мнению авторов, соотношение официального и народного праздничных календарей формировалось постепенно. Чтобы языческие обряды не мешали церковным праздникам, для них отводились сочельники и ночи, предшествующие главным христианским праздникам (25.12 и 6.01), позже и последующие дни, например св. Степана (26.12). В эти дни празднование Рождества сочеталось с обрядовыми объездами и обходами села, и не будь их, понятие *коляда* не имело бы ничего общего с рождественской песней. На востоке Европы колядование осталось преимущественно нехристианским народным обрядом с пением и обменом дарами. Об этом свидетельствуют развитые песенные циклы, которых христианство не коснулось.

О народно-христианском наполнении праздника свидетельствует и его двойное

название у многих народов: кроме христианского употребительны также дохристианские хронимы, ср.: рус. *Рождество* и *Коляды, святки*; англ. *Christmas* и языческое *yul*, прилагательное *yuletide*, образованное от герм. *yuhla* ‘праздник’, сохранившееся у датчан, шведов, норвежцев, ср. *jul* (pl. ‘праздники’), также фин. и эстон. *joulu* и лапон. *jouvla*; латыши оставили нейтральное название *ziemas svetki* ‘зимние праздники’. Христианские названия имеют в основе, прежде всего, лат. *Nativitas domini nostri Jesu Christi* и ст.-слав. *Рождество Христово*: рус. и болг. *Рождество*; укр. *Різдва*; пол. *Boże narodzenie*; итал. *Natale, Christi Natale*; албан. *Krishtlindje*; с.-исп. и ю.-з.-франц. *Nadal*; франц. *Noël*; исп. *Pascua de Navidad*; нем. *Wienachten*; чеш. *Vánoce*. К дохристианским, видимо, восходят названия со значением ‘празднование, угощение, торжество’: чеш. *Hody*; в.-луж. *Hody*; н.-луж. *Gody*; силез., словац., пол. *Hody, Gody, Godnie Święta*. Хроним *Крачун* (происхождение неясно, возможно, балканизм) присутствует в албан. *Kërcuni*, румын. *Crăciun*, венг. *Karácsony*, диал. словац. *Kračún*, диал. укр., болг., серб., влаш. *Крачун, Крачон* и т.п. (s. 24–26). Хронимам, как и другой терминологии праздника, в монографии уделено большое внимание.

В этом же разделе обобщенно, широкими мазками, но с весьма поучительными, интересными параллелями, описаны главные обряды рождественского цикла, в том числе хождение ряженных (предложена типология ряжения, намечены ареалы распространения или причины отсутствия некоторых персонажей), создание шума ночью с помощью колотушек, ритуалы очищения и охраны жилища, запреты, изготовление рождественских украшений и т.д., а также обрядность следующих за Рождеством дней – св. Степана, Яна Евангелиста, Вифлеемских младенцев, праздников Собор пресвятой Богородицы, Новый год, Богоявление.

Среди общеизвестных обрядовых действий, отличающихся лишь своими вариациями, рассматриваются также некоторые обычаи, неизвестные славянам, например, французский обычай «измерение времени», оставшегося до Рождества: дети «кормили» маленькую овечку, сделанную из шерсти, и если ребенок хорошо себя вел в течение дня, овечку каждый вечер придвигали ближе к яслям и Святому семейству. Представляется, что этот обычай относится к так называемой темпоральной магии, к «рас-

тягиванию времени», известному у славян в предрождественский период, когда в течение 12 дней изготавливали какой-либо предмет (табуреточку, бич, педилку и т.п.), откусывали яблоко каждый день по одному разу, забивали гвоздь в колоду каждый день по удару и т.п.

С другой стороны, существуют обычаи, в которых одна и та же реалья по-разному используется и осмысливается у разных народов. Например, широко распространенный в рождественской обрядности соломенный сноп и столь же хорошо известное, но уже в весенней обрядности, «майское дерево» мы находим в Скандинавии объединенными в обрядности сочельника: в Швеции зерновой сноп (*julkärven*) вешали на деревце, очищенное до верхушки от веток и укрепленное на палке, воткнутой перед домом (или по четырем сторонам дома). Сноп с зернами выставлялся для птиц, чтобы они не клевали созревающие хлеба на полях летом.

Помещенная в книге фотография (s. 55) рождественского соломенного украшения из Финляндии в форме кристаллов (большие и маленькие ромбики, соединенные друг с другом) вызывает в памяти украшения, называемые *свет, паук*, которые нам показывали в Полесье в 80-х годах XX в., зарисовки которых хранятся в Полесском архиве Института славяноведения РАН. Подобные формы украшений известны в Прибалтике, Польше, в Словакии и на Украине. Они напоминают также моравский *muší raj*, который, однако, принадлежит весеннему периоду, баварские и тирольские *Unruh, Strohimmel* и словенские потолочные украшения из Белой Краины и Подравья. По данным авторов, потолочные украшения из соломы известны на большой территории Европы, от Швеции до Альп, от Германии и Дании до Украины.

Вторая часть книги под названием «Время радости» посвящена рассмотрению обрядовых комплексов, составляющих собственно праздник Рождества, и состоит из следующих глав: «Колядование и обрядовые обходы», «Ночь чудес, магии и гаданий», «Рождественское полено. Новогодние и крещенские костры», «Ужин в сочельник», «Зимняя зелень и рождественское деревце», «Рождественские дары и дарители», «О вифлееме и почитании младенца Иисуса», «Рождественские игры», «Коляды и песни рождественского периода».

Каждая глава начинается с описания того общего, что свойственно большинству

европейских традиций, указывается распространение явления. Потом сообщаются особенности обычаев, их варианты, «неологизмы» или «архаизмы», сохранившиеся в отдельных традициях, и предлагается взгляд на пути развития ритуала. Благодаря такому подходу, как в мозаике, складывается общая картина праздника и составляющих его элементов.

Обычай сжигания рождественского полена, по мнению авторов, является архаическим европейским феноменом. Происхождение обряда до конца не ясно, в нем видят то античное наследие и связывают его с зимним солнцеворотом и возрождением солнца (М. Гавацци, Е. Шнеевайс); то интерпретируют его как магический просперативный и апотропический акт (А. ван Геннеп). Полено «антропоморфизируется»: его «кормят», «поят», с ним «разговаривают», обращаются с ним как со священным предметом, сохраняют его остатки до весны. В этом культе, как отмечают авторы, сохранились следы языческого почитания деревьев и силы вегетации, а также очищающей силы огня. На древние магические ритуалы наслоились христианские мотивы, понятые согласно народным представлениям (благословение полена освященной свечой, кропление освященной водой), они соединились с элементами христианских легенд (в очагах французов и итальянцев огонь рождественского полена горел также для Девы Марии с младенцем, чтобы согреть ее в холодном хлеву).

Помимо содержательных исторических экскурсов, дается информация о распространении ритуала в Европе. У западных славян рождественское полено не зафиксировано, зато известно в широкой зоне, тянувшейся дугой с юга – греки, румыны (*boadnic, cloșcă, călindău*), албанцы (*buzmi*), сербы, хорваты и болгары (*бадняк, čok, hreb, бадняк*) – на запад – итальянцы, французы, испанцы – до Британских островов и далее на север до Скандинавии. Есть сведения о нем из Германии (*Christblock, Mettenblock*), Люксембурга, Австрии (*tschock*), Голландии и Бельгии – между Валлонией и Фландрией (*kersavondblock*). В книге цитируются упоминания о рождественском полене VI в. (в г. Брага, нынешняя Португалия, в начале года прихожане поливали полено на очаге вином и клали на него плоды), редкие сведения 1272 г. из Дубровника (правитель города более других одаривал и угощал участников процессии от цеха корабельщиков и моряков, которые в рождественский со-

чельник, считавшийся тогда началом нового года, приносили и сжигали у него во дворе ствол дерева, *серро*), проповеди против этого обычая св. Бернардина Сиеннского в 1424 г. и факты более позднего времени.

В отдельных традициях обряд приобретает особую форму. Так, на шведском острове Готланд, где обычай сохранился до середины XIX в., считалось, что полено должно быть самое большое; полено приветствовали и кропили пивом, садились на него и пробовали при этом рождественский хлеб. Последний обгоревший кусок дерева клали в амбары с зерном и в хлевы. Полено не должно было полностью сгореть, а тлеть в очаге до Нового года.

А вот британский *yule log*, или *christmas clog*, украшался плюшем, хвоей, его поджигали щепкой от прошлогоднего рождественского полена; он должен был гореть 12 дней, и с ним было связано множество гаданий и поверий (обычай дожил до начала XX в.). Старые люди верили, что щепка от новогоднего полена, сохраненная в доме в течение года, способна предохранить от пожара. В Шотландии в очаг клали пень (*yeel-carlin*), вырезанный в виде старой женщины – так надеялись отворотить несчастье и смерть в течение всего следующего года.

На Иберийском полуострове традиция сохранилась до настоящего времени. Полено из оливок, каштана, дуба – *tronco de Navidad, cepo de Natal* вынимают из очага, гасят и сохраняют как сакральный предмет в течение всего года. Зажигают его для охраны от пожара, от града или сильной бури.

Некоторые названия обозначают одновременно и полено, и праздник (*chalandon, charendon* – юго-восточная Франция; *cacho-fio, cacho-fuec* – южная Франция, р-н Ниццы), что находит параллель в южнославянском названии праздника и реалии термином *бадняк*. Во французской обрядности находят и другие соответствия южнославянским обычаям: наличие двух (в провинциях От-Альп, Альп-Меритим) и более поленьев, на Корсике – по количеству мужчин в доме, на юге Лангедока – по количеству членов семьи, в том числе не присутствующих на ужине; при этом верили, что если бы кого-нибудь забыли, он бы в течение года умер.

Обуглившиеся остатки полена во Франции считались оберегом – их вносили в новый дом на новоселье, ими зажигали огонь в новом очаге; зажигали во время бури, чтобы «огонь от святого уголька нейтрализовал огонь с неба» (s. 181); из обгоревших

остатков делали клин для плуга; клали в зерно, в хлев; зажигали во время родов, клали в гроб умершего, бросали в колодец ради оберега воды от заразы (s. 178–181). Подобные обычаи характерны и для итальянской традиции, а также для некоторых южнославянских регионов.

Анализ географии распространения и сопоставление значимых деталей этого интересного древнего обряда мог бы пролить свет на миграционные потоки в Европе и, в частности, на предысторию славян.

Материалы книги дают возможность проследить специфическую реализацию рождественского мотива в разных странах и у разных народов, различное использование одних и тех же обрядовых реалий, развитие одинаковых сюжетов. Не в последнюю очередь это касается евангельских и других религиозных сюжетов, легших в основу современного вида рождественской обрядности.

Практически повсеместно в Европе бытует вера в то, что в рождественскую ночь происходят чудеса природы: вода в источниках превращается в вино, серебро, золото; что открываются небеса; животные начинают говорить человеческим голосом; что звезды танцуют на небе, деревья одеваются листвой, цветы расцветают, пчелы поют. Общим источником этих представлений является упоминание о 17 чудесах в рождественскую ночь, содержащееся в апокрифическом евангелии, возникшем в Египте около 150 г. Однако в разных традициях различается количество чудес, их реализация, детали.

Во многих европейских странах (в Чехии, Австрии, Словении, Польше, Литве, Бельгии, Голландии и др.) распространен обычай ставить в воду веточки деревьев, с тем чтобы они распустились к Рождеству. Обычай можно считать реализацией идеи чудесного оживания природы в сакральное время, но можно принять и вполне рациональное объяснение – желание проверить, не померзли ли, живы ли деревья и будет ли урожай в будущем году. С обычаем связаны гадания об урожае в будущем году и о замужестве.

По приведенным в книге данным легко видеть, как со сменой географических поясов меняются и предметы, используемые для подобных гаданий. Если в средней Европе перед Рождеством в воду ставили набухать ветки плодовых деревьев, на юге Европы (Франция, Италия, Португалия, Хорватия) для гадания об урожае сеяли зерна, так называемое жито св. Варвары, по

прорастанию которого также гадали о будущем урожае. В Греции такое проросшее жито называли «сады Адониса», но связано оно было уже с весенним календарным периодом (s. 158–159).

Большинство рождественских обычаев распространено практически повсеместно, другие же известны лишь отдельным народам. Например, приглашение на трапезу в сочельник стихий, зверей, птиц как отдельный ритуал известно только восточным и южным славянам. Некоторые элементы обрядности в отдельных традициях могут быть отнесены к различным дням рождественского периода и даже выходить за его рамки.

В книге рассмотрен и персональный ряд Рождества – в связи с актуальным до сих пор вопросом о генезисе образов Санта-Клауса и Деда Мороза. Вопреки распространенному мнению, что «наш» Дед Мороз – это тот же «их» Санта-Клаус, все известные персонажи: Св. Николай, «Иисусик» («младенец Иисус», «маленький Иисус», фр. «хороший ребенок»), Дед Мороз и его варианты (Отец Рождество: *Weihnachtsmann, Père Noël, Father Christmas*) – это разные по происхождению персонажи, которые постепенно слились в один образ, популярный сегодня – добродушного щедрого старика, живущего на Севере и приезжающего одарить детей подарками. Примечательно, что против Деда (Отца/Мужчины/Лорда) Мороза (Рождества/Января) как персонификации праздника в середине XX в. во Франции даже прошли специальные пуританские акции: французские епископы сожгли фигуру, изображающую любимого детского персонажа, что служило жестом «изгнания язычества».

Авторы собрали, систематизировали и подвергли сопоставительному анализу обширный материал европейских традиций, касающийся Рождества, – в этом несомненная ценность монографии. Книга читается легко, в ней найдется много нового не только для специалистов-этнографов, но и для лингвистов, филологов, историков благодаря большому количеству изученных источников (только избранная литература включает более 630 названий). На основании рассмотренных фактов и предложенных интерпретаций читатель сам в состоянии сделать некоторые выводы. Ареалы распространения отдельных элементов рождественской обрядности заставляют задуматься над этнической и религиозной историей народов Европы; при доказанно-

сти общеевропейской древней основы обрядовых элементов можно ставить вопрос о миграциях и времени и путях заселения Европы. Исследование можно вести и по другим направлениям: доля и удельный вес христианской составляющей в европейской народной культуре; различное воздействие западной и восточной ветвей-конфессий на дохристианскую культурную основу и др.

Книга прекрасно издана, в ней множество цветных и черно-белых иллюстраций (256 шт.) – литографии, рисунки, фотографии, открытки; в приложениях – список использованной литературы, географический и тематический индексы.

Остается только пожелать, чтобы монография «Европейское Рождество в традициях народной культуры» Э. Вечерковой и В. Фролцовой была доступна для российских читателей в российских библиотечных фондах, а на будущее – чтобы подобные монографии появились по теме каждого значительного праздника европейского народного календаря.

© 2012 г. М.М. Валенцова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1973. Т. 1. Зимние праздники; 1977. Т. 2. Весенние праздники; 1978. Т. 3. Летне-осенние праздники; 1983. Т. 4. Исторические корни и развитие обычаев.
2. Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. Очерки по истории народных верований. М., 1957.
3. Frolec V. a kol. Vánoce v české kultuře. Vyšehrad, 1988.
4. Caraman P. Obrzęd kołędowania u Słowian i u Rumunów. Studium porównawcze. Kraków, 1933; Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.
5. Страхов А.Б. Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Palaeoslavica XI. Supplementum 1. Cambridge (Mass.), 2003.
6. Večerková E. Kraslice na Moravě. Brno, 2003; Večerková E. Lidové obyčeje a jejich výtvarné komponenty. Tvary a symboly. Brno, 2010.
7. Frolcová V. Velikonoce v české lidové kultuře. Vyšehrad; Praha, 2001.

Славяноведение, № 6

B. i A. PODGÓRSCY. Mitologia Śląska czyli przywiarki ślónskie: Leksykon i antologia śląskiej demonologii ludowej. Katowice, 2011. 557 s.

B. и А. ПОДГУРСКИЕ. Мифология Силезии или шлёнские суеверия: Словарь и антология народной демонологии.

Для современного этапа изучения славянских мифологических верований (если оно базируется на фольклорно-этнографических данных) важным является осознание того факта, что их текстовые воплощения представлены бесконечным множеством диалектных форм, которые необходимо продолжать фиксировать и на основе которых можно будет в дальнейшем создать диалектологию славянской народной демонологии. Среди изданий этого профиля особого внимания заслуживают сборники демонологических рассказов и поверий, а также этнодиалектные словари и труды, описывающие локальные культурные традиции. Например, в русской издательской практике последних лет по-

стоянно отмечалась тенденция публиковать сборники мифологических рассказов, записанных в конкретных регионах (в Восточной Сибири, разных р-нах Русского Севера, в Нижегородском Поволжье, Воронежской и Рязанской областях, в Полесье).

В свете такого «регионального» направления в изучении славянской мифологии весьма актуальным можно признать выход в свет нового труда польских авторов – Барбары и Адама Подгурских под названием «Мифология Силезии». Несколько ранее (в 2005 г.) из-под пера этих же авторов вышла из печати «Большая книга польских демонов», посвященная общепольской народной демонологии [1]. Оба исследования выполнены в словарном жанре.

В границы польской Силезии авторы включают не только традиционные этнографические области Нижней и Верхней Силезии, но и близлежащие р-ны Домбровского каменноугольного бассейна, западной Малопольши, Силезских Бескидов, а также некоторые р-ны Ченстоховского воеводства. Особенностью этого региона, как пишется об этом в предисловии к рецензируемой книге, является то, что он представляет собой пограничную область на стыке Польши, Германии, Чехии и характеризуется своеобразной полиэтнической культурой, особой историей, языковой спецификой, особым образом жизни, тесно связанным с угледобывающей промышленностью. В этом смысле народная демонология Силезии обнаруживает, с одной стороны, признаки общепольской и общеславянской традиционной культуры, а с другой – весьма ощутимые черты немецкой и западноевропейской мифологии.

Состав включенных в словарь понятийных категорий определяется его **словником**, т.е. списком заглавных слов. Общее их число в рецензируемом труде – 940 единиц описания, из них 700 – это основные словарные статьи, а 240 – отсылочные. Коль скоро речь идет о выявлении специфики мифологических верований конкретной локальной традиции, вполне закономерно, что большую часть списка образуют местные названия демонологических персонажей (например: *bandurka, błędny ogień, latające światelko, kleklimanka, nocnice, jaroszek, chabernica, skarbnik, utopek, przyponza* и др.), т.е. это диалектная лексика и фразеология, характерная для силезских верований. Но кроме того в словарь включены понятия, представленные метаязыковыми научными терминами или общеупотребительными словами (их чуть более ста): Демонология, Грех, Порча, Насыление порчи, Проклятие, Заговоры, Пророческие сны, Колдовство, Магические растения, Сглаз, Лунные пятна, Апотропей, Черная магия, Черная книга, Самоубийца, Полтергейст, Радуга, Солнце, Буря, Ветер, Гром, Цветок папоротника и т.п. Подобное расширение словника можно признать вполне оправданным и принятым в научной практике, так как оно позволяет более обстоятельно описать сложную, многоуровневую структуру народных верований. Однако надо признать, что рецензируемая книга все же в ряде случаев перегружена близкими по значению, тавтологическими словарными позициями, которые производят впечат-

ление избыточных. Например, мотивы «заколдованного клада» и «неразменного рубля» описываются в десятке однотипных по смыслу (и по общей формулировке) словарных статей: Чертовы деньги, Демонические деньги, Заклятые деньги, Горящие деньги, Дьявольский клад, Счастливы талер, Чертовы сокровища, Скрытый клад, Разбойничий клад и т.п. Схожая ситуация наблюдается и в группе статей (их более 26-и), посвященных близким по смыслу представлениям о сглазе, порче и о разных формах вредоносной магии. Их список (и толковательная часть словарных статей) выглядят как бесконечная череда повторов: Магия, Черная магия, Колдовство, Чары, Чародейство, Суеверные практики, Порча, Сглаз, Насыление порчи, Вредоносный взгляд и под.

Что же касается содержательной основы, то она зависит от целевых установок авторов – работают ли они над созданием труда научного энциклопедического, научно-популярного, историко-этнографического, общепросветительского, беллетристически развлекательного или иного вида словаря. А это в свою очередь определяет и выбор **источников словаря** (исторических, фольклорных, мифологических, лексикографических, краеведческих, литературно-художественных и др.). Источниковедческой базой для написания «Мифологии Силезии» послужил значительный круг фольклорно-этнографических сведений, одна часть которых посвящена в целом славянской и польской мифологии (например, это труды авторитетных польских ученых: А. Брюкнера, З. Глогера, Я. Быстроны, Б. Барановского, Л. Пэлки, Ю. Кшижановского и др.), а другая – изданиями регионального уровня: это большое число сборников фольклорных текстов (в том числе на немецком языке), записанных диалектологами, этнографами и краеведами-энтузиастами на территории Силезии, а также исследований по народной культуре этого края (учтены труды таких знатоков силезской народной культуры, как Л. Малиновский, Ю. Ломпа, Ю. Лигенза, Ст. Валлис, Д. Симонидес, Е. Пошпех, Б. Стельмаховская и др.). Особого упоминания заслуживают фактологические данные, почерпнутые авторами словаря из местной периодики, например из таких трудно доступных для специалистов-славистов изданий, как «Zaranie Śląskie», «Gwiazdka Cieszyńska», «Kwartalnik Opolski», «Głosy znad Odry» и ряда других.

К сожалению, в рецензируемом труде не приводятся точные (вплоть до обозначения страницы) библиографические ссылки, а дается лишь общее указание на источник. Объяснением этому служит заявление авторов о том, что издание не носит строго научного характера, что оно рассчитано на широкий круг читателей и подробная библиографическая документация излишне бы перегрузила тексты словарных статей. По-видимому, из этих же соображений в книге иногда приводятся (наряду с достоверными фольклорными данными) цитаты из художественной литературы, в которых отражаются силезские мифологические верования. Хотя общепризнанным является тот факт, что произведения известного в Силезии писателя Густава Морчина (1891–1963 гг.) отражают особенности местного фольклора, тем не менее необходимо учитывать, что упомянутые им мифологические сюжеты и мотивы прошли определенную литературную обработку, поэтому ссылаться на них как на аутентичные диалектные тексты не вполне правомерно. Кроме того, в качестве подлинно фольклорных приводятся в словаре некоторые устаревшие факты из работ польских авторов первой половины XIX в. (К. Вуйчицкого, Л. Голембёвского, Л. Семеньского, Р. Бервиньского и др.), подвергшиеся впоследствии справедливой научной критике.

Конечно, решающее значение для оценки словаря имеет не столько словник и список источников, сколько **способ описания заглавного слова**, т.е. толковательная часть словарных статей, направленная на выявление культурной семантики обозначенного в заглавии термина или понятия. В тематическом отношении словарь представлен двумя типами статей: во-первых, это единицы описания, относящиеся к общепольской мифологии; во-вторых, это такие образы и мотивы, которые характерны по преимуществу для силезской народной традиции. Статьи первой группы с небольшими изменениями перенесены авторами из ранее опубликованного ими труда «Большая книга польских демонов», которую нам уже приходилось рецензировать [2], поэтому остановимся более подробно на вопросе о том, насколько удалось авторам показать особенности региональной мифологической системы.

Она описывается в словаре с помощью разных методик. Большая часть статей строится по принципу от слова к значению (например, «*Chłopiec* – эвфемистическая

замена названия водяного в поверьях Верхней Силезии», «*Gynsio noszka* – мифическое существо, преследующее ночных путников, известное в силезских поверьях окрестностей Пшчины»). То есть после заглавного слова дается краткая авторская дефиниция, а затем – иллюстративная часть, состоящая из пересказа этнографических свидетельств либо из дословно цитируемых фольклорных текстов. Есть и другой тип словарных статей: в заглавии формулируется некий содержательный признак, а в толковательной части перечисляются персонажи, для которых он оказывается релевантным. Например: «Демоны, душащие людей и пьющие их кровь (змора, вампир, стрига и др.)», «Демоны, вредящие роженицам (богинка, мамуна, дивожона, краснолюдки и др.)». В результате в словаре находят отражение и терминологическая специфика мифологических образов, и их общая классификационная структура.

Таким образом, авторам удается выявить круг региональной мифологической лексики, с помощью которой описывается народная демонология Силезии. При этом важно понимать: большое количество вариантов названий не означает, что таково же общее число персонажных типов «низшей» мифологии, зафиксированных в региональной традиции. Достаточно сказать, что в словарь включено, например, более 60-и местных названий *чёрта*, т.е. один тип персонажа представлен многовариантными формами номинации, и каждая из них образует отдельную словарную статью. Общий состав всех демонологических образов мифологии Силезии можно свести к списку, состоящему примерно из 30–35-и классификационных групп (что в целом совпадает с общепольскими данными).

На основе приведенных в словаре фактов читатель может судить об особенностях силезских народных верований (по сравнению с общепольскими). Во-первых, отчетливо проявляется близкое взаимодействие соседних разноэтнических культурных традиций, которое выражается в фактах использования немецких названий демонов в польских суеверных рассказах (например – *fajerman, erdgajst, wasserman, schratt, spindelholle* и др.; словарь включает более 50-и немецкоязычных терминов), а также в степени популярности среди славянского населения Силезии специфических образов и мотивов, наиболее характерных для немецкой и западноевропейской мифологии (ср. рассказы о подземных гномах, скша-

тах, лесных эльфах, о фрау Холле, Мелюзине, «дикой охоте», ночных видениях в виде всадников без головы, о спящих в горах мифических рыцарях и т.п.). Во-вторых, к особенностям местной мифологии можно отнести изобилие поверий (не столь свойственное для других регионов Польши) о водяных духах: разного рода «топельцах», «утопцах», «водниках», «водных хлопах», «васерманах», «васергейстерах» и т.п. По свидетельству одного из собирателей местного фольклора, в Горной Силезии нет ни единого озера, пруда, речки, ручья, лужи или болотца, о которых бы народ не рассказывал, что там обитает водяной (s. 485). В-третьих, поскольку спецификой региона является горнодобывающее производство, вполне ожидаемо, что среди местных демонологических образов будет исключительно высок процент мифических существ из разряда горных и подземных духов: это так называемые *gnomy*, *skarbniki*, *jaroszki*, *koboldy*, *krasnodudki*, которых объединяет функция быть хозяевами-охранителями подземных богатств. Кроме того, для силезской мифологии – как это показано в словаре – характерна необычно высокая степень популярности (и интенсивности бытования вплоть до настоящего времени) поверий о так называемых блуждающих огнях, т.е. о бесприютных душах грешников, летающих по ночам в природном пространстве в виде огненных явлений; о полудницах-«хаберницах»; о возвращающихся покойниках – «стригонях»; о людях, умеющих разгонять градовые тучи («хмурниках») и других персонажах.

Вместе с тем, в словаре описываются и малоизвестные, узколокальные образы, представленные единичными фольклорными свидетельствами, например: *Chlop z krowskikmi oczami* – лесной полуденный демон, упоминаемый в быличках Силезского Ополя; *Biala Pani z Toszka* – образ из разряда замковых привидений, известный в поверьях Гливицкого повета; *Ksebe* – зазывающий к себе ночных путников болотный дух, сведения о котором зафиксированы в р-нах Тешинской Силезии и целый ряд других.

При общей положительной оценке рецензируемого труда трудно обойтись без ряда критических замечаний. Они касаются по преимуществу той части словаря, которая была перенесена авторами из их ранее опубликованной «Большой книги польских демонов». Речь идет, прежде всего, о фактологических данных, извлечен-

ных из старых источников (средневековых исторических хроник либо из изданий периода донучного народоведения XVIII – первой половины XIX в.) и включенных в словарные статьи наряду с подлинными фольклорными записями, осуществленными современными специалистами. Например, на основе данных из польских хроник Я. Длугоша (XV в.), М. Стрыйковского и М. Бельского (XVI в.) в словарь оказался включенным термин *Dziewanna*, о котором говорится, что это женское лесное божество праславянской мифологии, символизирующее весеннее обновление природы. В подтверждение этой (далекой от научной достоверности) интерпретации авторы приводят этнографические данные о силезском обычае выносить из села во время Великого Поста чучело, именуемое «Мореной» (символ смерти), и возвращаться с зеленой веткой или куклой по имени *Dziewanna* (символ жизни). При этом дается не вполне точная ссылка на работу Е. Пошпеха (1987 г.): польский этнограф в данном случае публикует цитату из раннего труда Ю. Ломпы (1842 г.) и сообщает о том, что это не собственные полевые наблюдения Ломпы, а цитата из какого-то неизвестного источника; это уникальное сообщение не подтверждается более поздними этнографическими данными [3. S. 156–157]. А авторы рецензируемого словаря бесосновательно характеризуют такой вариант обряда (с использованием имени *Dziewanna*) как «повсеместно известный в Силезии» (s. 157). Из трудов того же Ю. Ломпы перенесены в словарь некие образы «двух главных языческих божеств силезской мифологии – Белобога и Чернобога», о которых не утихают споры специалистов, сомневающихся в достоверности их народного происхождения. Не подтверждены также позднейшими фольклорными записями сомнительные свидетельства, взятые из сочинений польского религиоведа и философа Б.Ф. Трентовского (1808–1869) – *paskuda*, *rarszek* и другие, которым приписываются функции помощников владыки пекла (*Pekleńca*). Странными среди польской диалектной лексики выглядят включенные в словарь термины *fauna*, *gryf*, *nimfa*, которые извлечены составителями словаря из средневековых латиноязычных источников, но мифологическое значение которых трактуется не однозначно. В словарь включена статья «Демоны судьбы», однако остается непонятным, фиксируются ли на территории Силезии варианты местных поверий

об этих мифологических персонажах, так как вместо подлинных силезских свидетельств дается лишь некий список имен, относящихся к разным образам разных славянских традиций (позаимствованный из трудов А. Шиевского): богинки, красняки, наречницы, судженицы, орисницы, роженицы, судички, удельницы, вештицы, доля, злыдни.

Несмотря на эти частные замечания, издание словаря «Мифология Силезии» в целом может рассматриваться как позитивный вклад в дело изучения региональной мифологии славянских народов. Его авторы вполне заслуженно получили в 2011 г.

одно из призовых мест в конкурсе печатной продукции краеведческой направленности (именуемом «Top-Book Silesia»), организованном Библиотекой Силезского университета.

© 2012 г. Л.Н. Виноградова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Podgórcy B. i A. Wielka księga demonów polskich. Leksykon i antologia demonologii ludowej. Katowice, 2005.
2. Славяноведение. 2008. № 2.
3. Pośpiech J. Zwyczaje i obrzędy doroczne na Śląsku. Opole, 1987.

Славяноведение, № 6

Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / Отв. ред. Л.Н. Будагова. Серия «Slavica et Rossica». М., 2011. 446 с.

Что первично: история или литература в формировании «образов» страны? Это немного напоминает мне детскую загадку: кто сильнее – кит или слон? Для жителей самих славянских стран литература будет на первом месте в формировании самосознания, именно она с присущим ей эмоциональным восприятием жизни будет легче и эффективнее содействовать утверждению «своего» национального и наднационального «я». Например: я поляк, но я и европеец, можно и наоборот. Превалировать будет здесь принадлежность к Европе, которая постепенно станет снова строить или уже строит новый мировой порядок. Россия для них «лишнее звено», неудобное напоминание многим о своем славянстве, об истории, в которой имя России связано с получением свободы из ее «кровавых рук», как выразился однажды известный украинский историк на конференции в Софии. Но, тем не менее, их литература, их «повесть о времени и пространстве» неотделима от России, ее литературы и истории. Вторжение в эту область опасно и заманчиво уже потому, что не допускает категорических ответов подобно живой жизни, вечно изменчивой и всегда субъективной.

И все же отечественные исследователи на протяжении веков ставят вопросы и осве-

щают ситуации, связанные с восприятием славянского мира, где «Запад» и «Восток» живут «своими героями», питаются родными мифами, пытаются настоящее кормить «героическим прошлым», а «неприятное минувшее» убрать со страниц истории, которая, бывает, «ляпнет» нечто «несообразное» политическому моменту.

Сборник статей подтверждает непреходящий интерес к теме чужого ли, родного ли, но связанного историей, литературой, культурой, эмоциями славянского мира со своим «образом жизни», я бы даже сказал точнее – «образом мысли».

Для стандартно-традиционной рецензии необходимо сказать следующее:

1) сборник включает статьи, в основном охватывающие XIX–XX вв. жизни южных и западных славян в русском отражении – Болгария, Польша, Сербия, Словакия, Словения, Чехия, приведу для знакомства только некоторые работы – В.А. Хорев «О мифологии восприятия Польши в России», Ю.В. Богданов «Русско-турецкая война 1877–1878 г. в художественной публицистике России (Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин)». Тут же и работы, связанные с открытием «славянского зазеркалья», например: Л.К. Гаврюшина «Образ души в славянской традиции в исследовании

Ф.Д. Батюшкова», М.Г. Литаврина «Прощание славянки (актрисы Художественного театра: воспоминания о гастролях в славянских странах)», Н.В. Шведова «Славянские странички журнала “Меценат и мир”»;

2) исследования разобраны и собраны «под флагом» «Запада» и «Востока», точнее, четырех, весьма разнообразных по своему содержанию, историко-литературных или литературно-исторических «картин» славянской жизни в русском зеркале. Это: «Мифы и реалии польско-русских отношений», «Восприятие болгар и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», «Образ жизни славян в свидетельствах очевидцев», «Освоение Россией художественных ценностей славян»;

3) представляется закономерным, что именно четвертая «картина» о «проникновении» славянских литератур в Россию – от дореволюционной до постсоветской, от единичных изданий до массовых тиражей – завершает незавершенный процесс взаимодействия наших стран.

Переходя к представлению, но не к «анатомированию» «мифов и реалий польско-русских отношений», следует подчеркнуть, что именно эта первая «картина» наиболее органична по своему содержанию. Причина здесь может быть названа только одна: ничто так не волновало «русское общество», как «проклятый» польский вопрос и его производные – от семьи и брака до высокой политики и терроризма, от присяги служения России до клятвы верности независимой Речи Посполитой. Авторы этой «картины» В.А. Хорев «О мифологии восприятия Польши в России», А.В. Липатов «Культуры Руси, России, Украины и Белоруссии в их отношениях с Польшей: от Средневековья до начала XVIII в. (опыт цивилизационно-регионального рассмотрения)», В.В. Мочалова «Польский вопрос как славянский и европейский: русский взгляд (1863–1916)». Уже сами заголовки исследований заставляют самым внимательным образом прочитать тексты на одну из самых спекулятивных тем в русской истории и литературе. Практически, по польскому вопросу, хотя темой как таковой он никогда не был, выступали все самые значимые фигуры русской культуры, кумиры общественной мысли, прежде всего XIX в. Достаточно вспомнить «полячишек» Федора Достоевского или Тараса Бульбу пера бессмертного Николая Васильевича Гоголя. Статьи, отмечу, что это произведение только совсем недавно было переведено

на польский язык. Сюда же добавлю и знаменитого Романа Дмовского, видевшего в Царстве Польском самодержавной России бастион против угрозы германизма.

Здесь нарисовано обширное полотно русской и польской мысли, вбирающее в себя размышления и утверждения таких ее столпов, как Карамзин и Пушкин, Киреевский и Бродский, Тютчев и Бердяев. Многоцветье сюжетов, особенно в статье А.В. Липатова, позволяет, прежде всего, увидеть в исторической перспективе отечественную мысль, но все же не это главное – вся ценность текста в том, что он заставляет думать, искать «свою» Польшу, «свою» Россию, «свой» славянский мир.

Если говорить о том, что было «пропущено», то было бы интересно проследить отношение русских к ссыльным полякам, успешно осваивавших Сибирь в XIX в. Но, к сожалению, эта проблема еще не стала, по-видимому, предметом изучения отечественных историков. Все это лишний раз подтверждает, что истории нет конца. И даже «недостаток» может обернуться достоинством. Все впереди.

Вторая «картина» – «Восприятие болгар и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» достаточно традиционна для истории и литературы страны, положившей на алтарь победы неисчислимые жертвы для освобождения своих «братушек» от турецкого ига. В нее включены статьи: М.Г. Смольяниновой «Юрий Венелин и Болгария», И.И. Калиганова «Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие)», В.Н. Федотовой «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в живописи, графике и воспоминаниях русских художников», а также указанная выше статья Ю.В. Богданова, памяти которого посвящена вся книга. Уже исходя из названий статей, можно заметить, что общий заголовок не слишком удачен, соединяя в себе «восприятие» и «войну». Хотя это может быть и придирка с моей стороны.

«Мы все учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь» – действительно, все мы имеем представление в большей или меньшей степени о вышеуказанных сюжетах, особенно о войне за свободу болгар. В такой непростой ситуации авторская задача сводилась, как сейчас говорят, к «новизне», «комплексности» и «актуальности». Последний «штамп» возражений не вызывает. С «комплексностью» тоже все в порядке. С «новизной» сложнее, о чем свидетельствует количество отсылок.

Все же, смею утверждать, что «новизна» заключается не только в количестве ссылок на архивные данные, которые всем давным-давно известны – есть такой «фокус» в исторических сочинениях, – сколько в самом процессе приращения исторического знания, его расширения, в ломке традиционных установок, в привлечении «искусства кисти и пера», в показе не рекламной картинке, но и неприятной правды. Именно такая «новизна» присуща названным статьям, особенно обширной работе И.И. Калиганова. Только есть опасность, что, увлекшись «горькой правдой», мы можем оставить за бортом сам подвиг России.

Итак, просмотрены первые две «картины»: «Запад» – Польша, «Восток» – Болгария.

Третья «картина» – «Образ жизни славян в свидетельствах очевидцев» весьма пестра. Здесь представлены студии: Л.П. Лаптевой «Профессор Юрьевского университета Е.В. Петухов (1863–1948) и его сведения о современных ему славянах», А.Л. Шемякина «Относительность самоощущения: сербский крестьянин глазами русских путешественников», Е.П. Серапионовой «Чешская деревня глазами русских в первой трети XX в.», М.Г. Литавриной со статьей, упоминавшейся выше.

До чего все же «глазасты» эти русские, можно подумать! Но все же именно их субъективные свидетельства от ученых до актрис позволяют представить сам процесс исторического познания страны, народа, «игры жизни», вплоть до театральных впечатлений о славянском зрителе, ценителях русского искусства.

Вставленное в заглавие слово «очевидец» мне решительно не нравится. Лучше было бы поставить безвременное слово – «современник». Но сами тексты добротны, интересны и даже увлекательны. Собственно говоря, сам ряд таких имен, известных историкам, как Е.В. Петухов, П.А. Ровинский, Л.Д. Троицкий, Г.Н. Трубецкой, Н.В. Максимов, В.П. Мещерский, А.Н. Хвостов, А.В. Амфитеатров, Н.Р. Овсянный, В.А. Бобринский, Г.В. Комаров, а для любителей сцены – М.Н. Германова, О.В. Гзовская, их мнений, суждений, фраз – от простых, «что видел, то и говорю», до сложных, «что видел, о том и пишу, размышляя». Так как это, слава Богу, не обзор, я не буду здесь «переписывать» авторов. Скажу только, что присутствующая здесь эмигрантская тема в студиях М.Г. Литавриной и Е.П. Серапионовой значительно

усложняет и обогащает и наше представление о славянах, и сам процесс познания разнообразной деятельности самих русских, попавших после 1917 г. на чужбину, даже если она и славянская.

Четвертая «картина» под названием «Освоение Россией художественных ценностей славян» самая обширная – 14 текстов. Веря, что сами названия уже несут в себе ключевую информацию, перечислю авторов и их статьи: А.Г. Машкова «“Все-славянская” идея Яна Коллара и Людовита Штура и ее рецепция российскими славистами XIX в.», С.А. Шерлаимова «Петр Хельчицкий и Лев Толстой», Л.К. Гаврюшина с вышеуказанным исследованием, Л.Н. Будагова «Динамика восприятия и освоения чешской поэзии в России. XIX–XX вв.», С.В. Никольский «Чешская художественная литература в России после Второй мировой войны», М.Ю. Досталь, статья которой «Метаморфозы в интерпретации творчества Адама Мицкевича в советском литературоведении (1939–1949)» «пережила» ее автора, покинувшего этот мир в прошлом году, Р.Ф. Доронина «Литературоведческая сербистика в Москве после 1945 г.», Н.Н. Пономарева «Болгарская драматургия в советском театре», Л.Ф. Широкова «Словацкие пьесы на русской сцене», И.А. Герчикова «Чешская драматургия на русской сцене», А.С. Стыкалин «Драматургия П. Когуэта: взгляд из отдела культуры ЦК КПСС (1961 г.)», Ю.А. Созина, Т.И. Чепелевская «Словенская культура в современной России. 1990–2000-е годы», Н.В. Шведова, статья которой указана выше. Заключает книгу текст Л.Н. Будаговой «Памяти Юрия Васильевича Богданова».

В такой ситуации останавливаться на одном или нескольких текстах будет нечестно, останавливаться на каждом – изменять авторам первых трех «картин».

Поэтому я полагаю необходимым высказать самые общие соображения «по поводу» и без оно. Итак: исследование «художественных ценностей» мира славянской мысли идет в общем потоке времени, независимо от цвета флага. И нынешнее состояние науки в этой сфере внушает определенные надежды на ее развитие, на дальнейшее изучение процессов в славянском мире, состояние которого весьма тревожно.

В завершении скажу, что мне очень понравились студии, в которых счастливо сочетаются ум, владение пером, умение находить новое и радовать им своих коллег

и, конечно, любовь к «своей» литературе/ истории.

Безусловно, надо отметить одну «редкость наших дней» – присутствие именного указателя, подготовленного Н.В. Шведовой, столь облегчающего научный поиск «своих» и «чужих» героев.

Обычно, в рецензии полагается обязательно «поправить» некие «положения» автора, «указать» на их ошибочность или спорность, «рекомендовать» обратить внимание – всего этого я делать не хочу уже по-

тому, что я просто читал, получая удовольствие. А разве удовольствие критикуют?!

И в завершение моих строк хочу поблагодарить ответственного редактора книги Людмилу Норайровну Будагову, как я понимаю «вдохновителя и организатора» этого удивительно интересного труда, в котором пестрота представленных в нем статей расцвечивает наши представления о славянском море.

© 2012 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 6

A. ZELENKOVÁ. Medzi vzájomnosťou a nevzájomnosťou: Sondy do česko-slovenských a slovensko-českých literárnych vzťahov. Praha, 2009. 378 s.

А. ЗЕЛЕНКОВА. Между взаимностью и невзаимностью: Зондирование чешско-словацких и словацко-чешских литературных отношений

Анна Зеленкова – словацкая исследовательница, работающая в Славянском институте Чешской академии наук (Прага). В «Славяноведении» уже публиковались материалы, связанные с ее научной деятельностью [1]. Новая книга Зеленковой посвящена различным областям взаимоотношений двух близких славянских литератур – чешской и словацкой. Как пишет автор, методологически она опирается на компаративный подход к этим отношениям, заявленный в сборнике «Чешско-словацкая взаимность и невзаимность» (Брно, 2000). Слово «взаимность» отсылает к выдающемуся поэту и мыслителю Я. Коллару (1793–1852), словаку по национальности, писавшему по-чешски и внесшему значительный вклад в историю обеих литератур. В 1836 г. он публикует трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (расширенный вариант был издан на немецком языке в 1837 г.). Коллар полагал, что словацкая литература должна создаваться на чешском литературном языке, которым уже пользовались писатели евангелического вероисповедания. Это была одна из двух основных концепций развития словацкой литературы в XIX в., отзвуки которых проявились и в первой половине XX в. Вторая концепция связана главным

образом с именем Л. Штура (1815–1856), поэта, ученого, общественного деятеля, кодификатора словацкого литературного языка и главы словацкой романтической школы в 1840–1850-х годах. Начиная в русле евангелической чешскоязычной литературы, Штур в середине 1840-х годов со своими единомышленниками решает перейти на словацкий язык, обосновывает необходимость такого перехода и создает первую грамматику нового литературного языка (1846). В книге А. Зеленковой «взаимность» понимается и как сотрудничество чехов и словаков в рамках одной национальной литературы, и как тенденция к тесным взаимоотношениям двух литератур. «Невзаимность» в основном означает автономистские стремления словаков в области литературы и языка, которые (особенно в XIX в.) воспринимались чехами (а отчасти и словаками) как «отделение» (odluka), «раскол» (rozkol), знак ослабления славянского единства перед лицом инонациональной угрозы (австрийцы, венгры). В крайних своих проявлениях она означала переориентацию с ближайших соседей – чехов на Россию или даже венгерскую составляющую Австро-Венгрии.

Временные границы исследования Зеленковой – от начала национального воз-

рождения у словаков (конец XVIII в.) до 1940-х годов. Большинство собранных в книге статей уже публиковались в различных изданиях и были доработаны для вхождения в новый контекст. Исследовательница обосновывает во введении свое обращение к ряду «периферийных» проблем. По ее мнению, оно «может стать и определенным методическим достоинством, потому что анализ ключевых тем и личностей будет, без сомнения, непрерывно продолжаться, тогда как изучение менее известных чешско-словацких и словацко-чешских историко-литературных связей могло бы привести к нетрадиционному, быть может новому и более глубокому освещению процессов взаимодействия и отталкивания» (s. 9). Использование двусторонних терминов «чешско-словацкий» и «словацко-чешский» Зеленкова объясняет тем, что воспринимает обе литературы как равноценные, без исторически сложившейся асимметрии, когда чешская сторона в основном оценивалась как «донор», а словацкая – как «реципиент». Новым импульсом при анализе, пишет автор книги, может стать и популярная ныне имагология – учение об образах, созданных в связи с представителями другого народа. «Здесь ни в коем случае не идет речь о психологическом изучении национального характера или об истории менталитетов» (s. 25). Фиксация мифов и стереотипов должна вести к преодолению устоявшихся схем.

Книга состоит из трех разделов. Первый, название которого почти совпадает с названием всего труда, – «Между взаимностью и невзаимностью чешско-словацких и словацко-чешских литературных отношений» носит обобщающий и фундаментальный характер. Обосновав свои исходные позиции, Зеленкова посвящает 80 страниц истории литературных взаимоотношений чехов и словаков, подробно обрисовывая множество деталей процесса, в целом хорошо известного специалистам по словацкой литературе. Решающей вехой стал 1843 г., когда словацкие романтики во главе со Штуром приняли решение создавать национальную литературу на собственном языке. «Связи между чешской и словацкой литературами вступили на рубеже 30–40-х годов XIX в. в качественно новый этап, для которого характерно противоречие в характеристике чешско-словацкого языкового и литературного единства, – оно по-разному понималось и интерпретировалось обеими сторонами» (s. 53). Чешская сторона продолжала

считать чехов и словаков единым народом, у которого должны быть едиными и язык, и литература; словацкий язык допускался как региональный диалект, литература на нем – как оригинальное ответвление «чехословацкой» литературы. Словаки добивались равноправного партнерства. Здесь проявились и упомянутые стереотипы. Чехи, в частности, долго воспринимали Словакию как фольклорный, романтический край с яркой эмоциональной окраской, с нетронутыми патриархальными чертами, источник сюжетов, мотивов и образов. Словаки, встав на путь самостоятельного литературного развития, порой пытались вернуться к тесному союзу с чехами (Й.М. Гурбан, один из идеологов шуруповского движения, выпустил в 1870-е годы два номера альманаха «Nitra», с которого и началась в 1840-е история словацкого литературного языка, по-чешски). Сложная система притяжений и отталкиваний обретала новые нюансы на рубеже XIX–XX вв. и после образования Чехословакии (1918), что связано главным образом с деятельностью группы литераторов вокруг журнала «Нлас», отмеченной прагматизмом и отказом от романтических иллюзий, и влиянием ученого и политика, будущего президента страны Т.Г. Масарика. Концепция чехословакизма, связанная с именем последнего, вновь пыталась соединить чешскую и словацкую культуры, хотя с течением времени их расхождение было все очевиднее. Назрела необходимость нового понимания процессов взаимодействия, за которое выступал, например, выдающийся чешский критик Ф.Кс. Шальда. Исследование Зеленковой подведено к этому новому этапу, открывающемуся возникновением издательства Л. Мазача (середина 1920-х годов).

Во втором разделе книги представлены статьи, которые лишь частично, на наш взгляд, относятся к исследованиям периферийных явлений в рамках избранной темы. Проблематика статей «Три описания путешествий 1843–1848 гг.» и «К истокам словацкой женской литературы в альманахе “Nitra”» и в самом деле представляет несколько мозаичных камешков в картине чешско-словацких литературных отношений 1840-х годов – важнейшего времени для истории словацкой литературы. Никак нельзя отнести к второстепенным историко-философский труд Л. Штура «Славянство и мир будущего» (1850-е годы), впервые опубликованный в 1867 г. нашими славянофилами на русском языке; об этой книге

до сих пор ведутся жаркие споры. Отказ от австрославизма и ориентация на Россию с ее державностью, родственным языком и православием нередко оценивается как стремление оторвать словацкую культуру от западноевропейских ценностей, да и вся экстраординарная деятельность Штура, как показывает Зеленкова, порой понималась в свете национальной замкнутости, влекущей за собой отставание от европейских соседей, в том числе и чехов. Помимо этого яркого примера «невозможности», автор книги рассматривает еще одно сочинение – «Прошлое, настоящее и будущее чешско-словацкого национального единства» лингвиста С. Цамбела. Он, в частности, выдвинул гипотезу о южнославянском происхождении словацкого языка, которая не подтвердилась, но имела под собой основания (нехарактерные для западнославянских языков морфологические черты среднесловацких говоров). На защиту словацкого языка от чешского влияния Цамбел, как ни парадоксально, призывал венгерские власти, которые, напротив, стремились ассимилировать словаков.

Статья «Начало словакистических исследований в Славянском институте в Праге в межвоенный период» (имеются в виду 1918–1938 гг.) показывает задачи и реальное существование данной институции, у истоков создания которой стоял Т.Г. Масарик (1922 г., фактическая деятельность – с 1928 г.). Значительные средства и силы были направлены на изучение Словакии и Закарпатской Украины. Экономическое, культурное и научное сближение и обмен информацией между чехами и словаками были продиктованы общим стремлением к взаимодействию славянских народов Центральной Европы и к современному уровню славистических исследований (по образцу парижского Institut d'Études Slaves). Одним из проектов Института было создание популярной Словацкой энциклопедии (были изданы лишь отдельные статьи по этнографии, языку и литературе). А. Зеленкова разбирает, в частности, деятельность словацкого политика М. Годжи, чешских литературных критиков Я. Влчека и А. Пражака.

В обширной статье «Франк Вольман и Словакия» представлена научная и творческая биография крупнейшего чешского слависта XX в., оставившего след в различных областях гуманитарных исследований и проявившего себя также как педагог и писатель. В Словакию Вольман (1888–1969) приехал в 1919 г., в 1940 г., как представитель чешской национальности в самостоя-

тельной Словацкой Республике, был вынужден покинуть ее. С 1925 г. Вольман был профессором Университета Я.А. Коменского в Братиславе, где преподавал сравнительную историю славянских литератур, занимался южнославянской драматургией, чешско-словацким фольклором, сербохорватской эпикой, теорией литературы и компаративистикой. С 1928 г. он преподавал в Университете Масарика в Брно. Был членом Пражского лингвистического кружка. Любовь к Словакии, которая служила источником вдохновения в его литературном творчестве (пьеса «Растислав», премьера в Братиславе в 1922 г.), переплеталась у Вольмана с разочарованиями: трудности в карьере, ощущение провинциальности Братиславы и даже дисгармоничного положения чешского интеллектуала в словацкой среде. Интерес ученого к фольклору привел его к изучению словацких народных сказок на основе местных говоров. Его студенты проводили запись фольклорных текстов в 1928–1947 гг., т.е. и после отъезда Вольмана в Брно. «Помимо возникновения и морфологического аспекта, Вольман выдвигал вперед рецептивное и жизненное (семиотика и коммуникация) бытование фольклора, т.е. его репродуктивную фазу» (s. 268). «Словацкие народные сказки» в трех томах, на основе «собирательской акции» Вольмана, вышли только в 1993–2004 гг. Вольман, как показывает А. Зеленкова, стоял у истоков нитранской семиотико-коммуникативной школы, сыгравшей важную роль в развитии словацкого и центрально-европейского литературоведения. Один из ее основателей, видный словацкий ученый А. Попович, в 1956–1959 гг. был аспирантом Вольмана. Его диссертация называлась «Словацко-русские литературные связи в так называемые матичные годы (1863–1875)» (имеется в виду функционирование Матицы Словацкой), защищена в 1960 г. С 1967 г. Попович уже связан с Нитрой, с Кабинетом литературной коммуникации и экспериментальной методики, занимался теорией метатекста и проблемами перевода, наследием структурализма, опираясь и на взгляды своего учителя. В книге приведены три письма Вольмана чешскому слависту И. Поливке, который и дал ему импульс к изучению словацкого фольклора.

Последний раздел книги – «Неизвестные рукописи Штефана Крчмери в архиве Т.Г. Масарика». Фигура Крчмери (1892–1955), писателя, ученого и издателя, была в центре внимания первой монографии

А. Зеленковой (2006). В ней также шла речь о неопубликованной рукописи, посвященной словацкому стихосложению. В новой книге Зеленковой анализируются два текста Крчмери: «И еще раз летящие тени» (набросок романа) и «Ваянский» (эссе; оба относятся к 1933 г.). Название «Летящие тени» является аллюзией на повесть Св. Гурбана-Ваянского (1883), крупнейшего словацкого писателя, издателя и общественного деятеля. Ему же посвящено и эссе. Зеленкова публикует отрывок из художественной прозы Крчмери и два его письма И. Гораку (1933) по поводу эссе о Ваянском.

Книга снабжена списком избранной литературы на 18 страницах (только книжные издания, статьи указаны в примечаниях), резюме на английском и русском языках и именованным указателем.

Подробность и обстоятельность изложения порой влечет за собой длинноты и повторы. Последнее может объясняться

тем, что текст komponуется из ранее опубликованных работ, в которых обобщающие суждения могут дублироваться.

Новая книга Анны Зеленковой представляет интерес главным образом для литературоведов-компаративистов и историков культуры, связанных с Чехией и Словакией. Опубликованные в ней материалы обогащают знания о становлении словацкой национальной литературы и комплексе проблем, относящихся к ее взаимодействию с чешской литературой на протяжении XIX – первой половины XX в.

© 2012 г. *Н.В. Шведова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зеленкова А.* Штефан Крчмери и словацкая теория стиха в чешско-словацком контексте XX века // *Славяноведение*. 2008. № 5; *Шведова Н.В.* А. Зеленкова. Словацкая просодия и версификация в рукописи Штефана Крчмери // *Славяноведение*. 2009. № 2.

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ–16.
СИНОНИМИЯ В ЯЗЫКЕ И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

23–25 апреля 2012 г. в Ясной Поляне прошли очередные, 16-е Толстовские чтения. Эти конференции, посвященные памяти выдающегося ученого, основателя московской этнолингвистической школы, академика Н.И. Толстого (1924–1996), начались 16 лет назад, их инициатором и основным участником стал Отдел этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (зав. отделом – С.М. Толстая). В чтениях участвуют коллеги из других отделов Института славяноведения, из МГУ им. Ломоносова, других городов России и из некоторых зарубежных стран; среди участников – ученики Н.И. Толстого и ученики его учеников. Проходившие сначала в Москве, в последние годы заседания были перенесены в Ясную Поляну, поэтому культурная программа конференции неизменно включает экскурсию в музей-усадьбу Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

Недалеко от Тулы в местечке Кочаки на территории Свято-Никольского храма похоронен Никита Ильич Толстой (рядом с другими представителями рода Толстых). Каждый год по дороге в Ясную участники Чтений заезжают в Кочаки, чтобы посетить его могилу и отдать дань памяти, уважения и любви к Учителю.

Тематика всех Толстовских чтений так или иначе связана с работой над этнолингвистическим словарем «Славянские древности», детищем Н.И. Толстого; последний, пятый, том словаря должен выйти в 2012 г. На чтениях делается попытка, по словам С.М. Толстой, «осмыслить сам язык культуры, состав его единиц, их соотношение, т.е. “грамматику” языка культуры, его важнейшие категории и структуру». Чтения 2012 г. были посвящены одной из таких общих категорий – проблеме синонимии в языке и народной культуре.

Данная категория была рассмотрена с разных точек зрения, в применении к разным славянским языкам и традициям, разным фрагментам традиционной культуры – календарной обрядности, свадьбе, суевериям и гаданиям. Речь шла как о синонимии внеязыковой (знаковой, функциональной, концептуальной), так и синонимии языковой, если понимать язык в этнолингвистическом аспекте как инструмент выражения и описания духовной культуры, а также как один из источников формирования самой культурной реальности.

Конференцию открыл доклад *С.М. Толстой* «Синонимия и изофункциональность», в котором были изложены основные теоретические положения, касающиеся возможности и особенностей применения понятия синонимии к языку традиционной культуры.

Применительно к языку культуры синонимия может пониматься, по аналогии с языком, как семантическое сходство культурных знаков. Как и в случае языка, так и в случае культуры, главной проблемой при изучении синонимии становится проблема экспликации значения и способов сравнения значений разных знаков. Однако необходимо учитывать, что в языке культуры знаком может быть любой элемент окружающего мира и мира человека (явление природы – солнце, луна, дождь, ветер, радуга и т.д., растение, животное, любое свойство, отношение, состояние, чувство, действие, событие, ситуация и т.д.), которым может приписываться то или иное символическое значение. В культуре более сильную, чем в языке, роль играет прагматический фактор, прежде всего цель и оценка. Отсюда явный сдвиг культурной синонимии в сторону изофункциональности: синонимами становятся знаки, играющие одинаковую роль (символическую, магическую, мифологическую)

в культурном тексте (обряде, поверье, изображении, фольклорном тексте). В языке культуры, в отличие от вербального языка, синонимами могут быть неоднородные в логическом отношении элементы – предмет и действие (битие и палка, метение и веник, кормление и пища), действие и лицо (подпрыгивание и человек высокого роста), предмет и лицо (новорожденный и его рубашечка, которую протаскивают сквозь прокоп в земле, фата и невеста) и т.д. Это также связано с символическим характером культурных знаков и ролью магии в их использовании.

Формирование и состав синонимических рядов для культурных знаков зависит от характера и количества признаков, положенных в основу (более абстрактный признак, например *хороший–плохой*, формирует более многочисленный синонимический ряд, более конкретный признак или совокупность нескольких признаков сужает ряд синонимов). В языке культуры синонимия понимается более свободно, поскольку главный признак, по которому уподобляются культурные знаки – это функция, что означает больше возможностей для уподобления знаков.

Интересными в языке культуры предстают соотношения понятия синонимии и метафоры, синонимии и метонимии, синекдохи, синонимии и символики, синонимии и магии. Например, синонимичными могут быть метафора и ее основание (девушка и калина/роза), часть и целое (живое дерево и его ветка, песок – и Земля), родовое и видовое понятия (дерево и явор/рябина), предмет и его хозяин (шапка и человек – хозяин шапки), агент и объект действия (молния и дерево, пораженное молнией) и т.п. Синонимичными оказываются все виды границ, безотносительно к категории времени и пространства (межа, граница села, порог, окно, полночь, полдень, наступление весны, новогодье).

В отдельных сферах культуры синонимия очень значима, например механизм «синонимизации» особенно характерен для некоторых видов фольклорных текстов, таких, как снотолкования, проклятия, запреты, гадания. Синонимы в образуемых в данных случаях рядах не всегда поддаются однозначному толкованию, например, ряд знаков, предвещающих дождь в сновидениях, включает: яркое солнце, грибы, рыба, покойник, плакать/слезы, которые объяснимы – т.е. символика их соотносима – лишь на более глубинном уровне.

Каждый отдельный элемент по разным признакам может входить в разные «синонимические ряды», например, веретено по признаку остроты может входить в ряд предметов-оберегов, по характерному действию вращения – в ряд крутящихся предметов или соответствующих действий, по принадлежности к женской сфере – к ряду женских символов и т.д. Отношения синонимии могут связывать также свойства предметов и их признаки. Как показал в своей известной работе Н.И. Толстой, семантические оппозиции типа «мужской–женский», «правый–левый», «верх–низ» и т.д. могут во многих контекстах приравниваться друг к другу, и тогда правые члены оппозиций (мужской–правый–верх и т.д.) образуют один синонимический ряд, а левые члены оппозиций (женский–левый–низ и т.д.) – другой.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. Обсуждалась проблема вариативности/синонимии фольклорного текста, применимости понятия изофункциональности для народных легенд, соотношения вариативности и изофункциональности, условия синонимичности вариантов фольклорных текстов; уточнялись вопросы соотношения значения и функции знака. В результате обсуждения было признано, что функция – это один из видов семантики и в языке культуры семантика часто сводится к функции. Противопоставление этих двух категорий порой трудно осуществимо, но в случае если функция плохо выражена, при различии значений знака можно говорить о синонимии. Фольклорный текст, в связи со спецификой жанра, следует изучать с учетом его жанровых особенностей.

Следующие три доклада объединяла лексикологическая направленность, выявление культурной семантики избранных групп славянской лексики и фразеологии.

Доклад *Е.Л. Березович* «К “синонимии” переносных значений соматической лексики (на материале славянских языков)» был посвящен анализу синонимических рядов, в которые вступают соматизмы в переносных (метафорических и метонимических) значениях. Рассматривались случаи, когда разные соматизмы (термины, относящиеся к телу) имеют одинаковые или сходные переносные значения, представленные в дериватах и фразеологии; при этом имеет место также сходство мотивационных моделей. В центре внимания докладчицы были синонимические ряды, связанные с соматизмом «кожа» («шкура»). Материалом для наблюдений послужили данные разных славянских языков и диалектов. Автор приходит к выводу, что наиболее регулярно «кожа» вступает в синонимические

отношения с теми соматизмами, которые, как и она сама, обозначают «нетопографические» части тела, т.е. такие, которые не имеют закрепленного места на «карте» организма: «тело (плоть)», «кровь», «мясо», «кости». Большинство синонимических рядов основано на способности таких слов метонимически замещать человека, ср., к примеру, выражения, имеющие мотивацию «те, кто обречен на смерть»: рус. диал. *шкура* 'сверхсрочнослужащий в царской армии', литер. *пушечное мясо* = укр. *гарматне* (редк. *воєнне*) *м'ясо* (*пушечное (военное) мясо*) 'о солдатах, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть', рус. жарг. *мясо* 'солдаты неквалифицированных родов войск', диал. *мослы* 'бранно по отношению к солдатам', польск. диал. *kość* и словен. диал. *meso* 'солдат, посылаемый на смерть'.

И.А. Седакова в докладе «Синонимия и антонимия 'легкости' в славянских языковых и культурных контекстах» проанализировала полисемию 'легкого', которая способствует развитию синонимических рядов ('быстрый', 'счастливый', 'приятный' и др.) и порождает этикетные и прочие словесные клише. В народной культуре 'легкость' противопоставит 'тяжести' и 'трудности', что отчетливо эксплицируется в обрядах и поверьях, связанных с рождением, вступлением в брак и смертью, а также в демонологии и народной медицине. Синонимами 'легкости' выступают не только вербальные, но и предметные (пух, перо, соломинка) и акциональные (дуть, обмахивать) знаки.

В докладе «К вопросу о синонимии мифологических персонажей: синонимические ряды имен словацких демонов» *М.М. Валенцова* рассматривала принципы формирования синонимических рядов терминов – имен словацких мифологических персонажей (МП), отметив, что лексическая синонимия связана с синонимией самих демонических сущностей. Иначе говоря, синонимичные имена МП, обусловленные сходством отдельных характеристик или функций этих персонажей, в свою очередь являются причиной изменения старых образов и формирования новых. Были проиллюстрированы примерами следующие принципы формирования синонимических рядов имен словацких МП: восприятие иноязычных по происхождению лексем (*striga, bosorka, vaserman*), иногда вместе с денотатом (*permonik*); пополнение ряда за счет диалектных (ареальных) названий (*vila – rusalka – poludnica*); образование терминов на основе тропов (метафоры, метонимии и т.п.) (*mora: hnetuch, prilihac, sedielko, nocnica*); возникновение терминов в результате развития полисемии и расхождения значений опорной лексемы (*boh, bohuňa, bohynka*); семантические изменения, обусловленные функционированием демонологических текстов в рамках устной диалектной формы речи. Былички и другие демонологические рассказы бытуют преимущественно в диалектной разговорной форме, которой свойственна «приблизительность словоупотребления», «варьирование словообразовательной и лексической синонимии», «диффузия семантики» (определения Т.С. Коготковой). Исследователи не обращали должного внимания на данную особенность диалектного слова, важную для понимания изменений в семантике демонологической лексики и формирования новых пучков признаков, описывающих старо-новые МП.

Следующий блок докладов был посвящен исследованию синонимии в обрядах семейного цикла славян – свадебном и похоронном.

А.В. Гуря в докладе «Этнокультурная синонимия в свадебном обряде» показал, что в славянской свадьбе синонимия представлена в предметном, персонажном, акциональном и других кодах. Различаются изофункциональные и «синонимичные» единицы. Если знаки выступают в обряде в идентичных ритуальных актах в одной и той же позиции, но не являются эквивалентными по смыслу, то такие знаки – этнодиалектные варианты, а не синонимы (например, невесту вводили в дом жениха по полотну, по красной нити, кожуру и под.). Если же предметы используются в аналогичной функции и объединяются общей семантикой, например семантика изобилия у разных видов зерна, которым осыпают молодых, то эти виды зерна можно считать синонимами. Изофункциональные и «синонимичные» предметы, выступающие в одном и том же контексте, могут существенно различаться признаками, мотивирующими их сходную ритуальную функцию и синонимичное значение (ср. предметы, которые подкладывали под постель молодым). Нередко один и тот же смысл передается в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно с помощью разных кодов. Докладчик показал разнообразие и изменчивость функций ритуальных предметов, отметив, что практически по каждой из них предмет может входить в разные изофункциональные ряды. Этим свойством обусловлено появление в обряде различных гибридных форм предметов со взаимопересекающимися названиями, например

комбинации хлеба и деревца (моравский свадебный хлеб в форме дерева), гибридных форм жезла, знамени и деревца и др. В докладе были выделены основные проблемы в исследовании данной темы: 1) следует ли разграничивать понятия изофункциональности и синонимии, изофункционального и синонимического ряда, а в итоге – функции и значения; 2) как соотносятся между собой понятия этнокультурного синонима и локального варианта (например, конкретные виды свадебного карава как наддиалектного инварианта); 3) как измерять семантическую близость и определять границы синонимии, можно ли распространять понятие синонимии на сложные знаковые комплексы (вроде целых обрядовых церемоний), на знаковые единицы разных кодов, которые идентичны между собой по смыслу (например, курица, телушка, яблоня, роза, ступа как символы невесты), но к которым принцип изофункциональности не всегда применим.

Иной – ареологический – аспект рассмотрения вопроса о синонимии в свадебном обряде у славян был выбран *Е.С. Узеневой* в докладе «Реализация основных мотивов свадьбы в балканской и карпатской региональных традициях». Были рассмотрены разные обрядовые действия, имеющие сходную мотивировку или сходные функции и выражающие общую содержательную идею, которые образуют синонимический ряд, парадигму действий. Наиболее отчетливо в рамках одного варианта свадебного обряда представлено использование широкого спектра различных категорий синонимов: знаков разных кодов, знаков, находящихся в отношении метонимии, знаков-символов, знаков-метафор. Это предмет и действие (зерно и осыпание им), лицо и предмет (невеста и части ее одежды), часть и целое (целый хлеб и кусок), метонимические символы (знамя, деревце, красный цвет украшений, барашек, горячая сладкая водка, сладкий хлеб, целый хлеб, золотая фольга в букетах, целая фляжка с вином и прочее как символы девственной невесты). Приводившиеся в докладе примеры синонимии включают не только синонимы предметного, персонажного и акционального рядов, но и вербального (обрядовой терминологии). Концептами-синонимами, соотносимыми как с текстом свадебного обряда, так и с его терминологическим оформлением, являются *витье, кружение, верчение*. Докладчица поставила вопрос о правомерности сопоставления синонимических рядов различных локальных и региональных традиций, вместе с тем отмечая, что, как показывает материал, во многом синонимические ряды в балканской и карпатской традициях совпадают. Специфика каждой из традиций заключается в выборе синонимии, их иерархии и мотивировках.

В докладе «Семантика “наоборот” и ее реализации в славянских похоронных ритуалах» *А.А. Плотникова* рассмотрела различные ритуально-магические действия, которые совершаются в рамках славянского похоронно-поминального обрядового комплекса вопреки обычному порядку вещей и привычному ходу событий. Речь шла о переворачивании различных предметов (посуды и других емкостей), о движении в обратную сторону по горизонтали (справа налево, с запада на восток) и о других пространственных обращениях. Ритуально-магические действия, выполненные «наоборот», связаны с общей семантикой предотвращения опасных для жизни человека событий: они исполняются во избежание новой смерти в доме, для «выпроваживания» души умершего, для предотвращения «возвращения» умершего к живым, превращения его в вампира и т.п. Были представлены синонимические ряды действий, которым приписывается аналогичный смысл, например переворачивание, разбивание, закапывание, пускание по воде использованной для мытья покойного посуды и др.

Среди докладов, в которых речь шла о календарной обрядности, два были посвящены греческой традиции. *К.А. Климова* рассматривала «Синонимию продуцирующих обрядов греческого календарного цикла» – элементы предметного, акционального и вербального кодов календарных обрядов Новой Греции. На основании сопоставительного анализа функций этих элементов были выстроены синонимические ряды в рамках одного кода, например изофункционального использования предметов, обеспечивающих плодородие и благополучие, таких, как «волосатый» (поросший водорослями) камень, «новая» вода, ветка кизила, хлеб и т.д.; изофункциональных действий – ритуальные удары палкой, поливание водой, символический сев и т.д.; изофункциональных вербальных формул – *Και του χρόνου* (И в следующем году того же!), *Σιδερένιοι* (Будьте железными (здоровыми)!), *Μέσα... Έξω...* (В дом... Из дома...) и др. Наибольший интерес представляет междоудовая синонимия, например общая продуцирующая функция предмета (ветка кизила), действия (разбивание плода граната) и вербальной формулы (*Να είστε στερεοί σαν τη κρανά!* (Будьте крепкими, как кизил!)). Обращает на себя внимание большое сходство греческих и славян-

ских символов плодородия, используемых в календарных обрядах, среди которых камень (поросший или голый), вода, ветка или палка плодового дерева, выпечка, огонь, выставление семян под звезды и др.

О.В. Чёха в докладе «Семантика начала в новогреческом календарном году» рассматривала языковую и обрядовую синонимию «первых» дней разных вариантов нового года в новогреческом народном календаре: первого января, первого марта и первого сентября, для обозначения которых используются названия: *πρωτοχρονιά* (досл. 'первое число года'), *αρχιχρονιά* (досл. 'начало года'), реже *καινούριος χρόνος* (досл. 'новый год'). В соответствии с делением хозяйственного года на две половины, границами которых служат дни св. Георгия и св. Дмитрия, первым днем (*πρωτοχρονιά*) или *πρώτη γιορτή του χρόνου* (первым праздником в году) в некоторых локальных традициях называют день святого Георгия (23.04), Крестовоздвижение (14.09), день св. Никиты (15.09), св. Дмитрия (21.09) и некоторые другие даты (в этой связи особенно примечательно, что первое марта – *πρωτομαρτιά* – не получает названия типа *πρωτοχρονιά* или *αρχιχρονιά*). Несмотря на то, что значительная часть «новогодней» обрядности приурочена к дню Рождества или Пасхи (ср. в этой связи термин *Πάσκα* в значении 'Рождество' (о-в Керкира)), она не находит отражения на языковом уровне, т.е. в названиях этих праздников.

Тему новогодья в календаре продолжила О.В. Трефилова в докладе «Изофункциональность инициальных календарных обрядов в культуре славян». Были рассмотрены обряды начала нового года, приуроченные к разным календарным датам: Новому году, Ивану Купале, Троице, Пасхе, Вознесению, Трифонову дню. Выстроены изофункциональные ряды («начинательных» действий (засекание дерева, ритуал-диалог, битье зеленой веткой, возжигание костров) в рамках различных праздников, и на основе одинаковых и изофункциональных действий сделан вывод о синонимии обрядности некоторых праздников (например Рождества и Юрьева дня). Некоторую синонимичность можно усматривать и в праздниках, в которые, по поверьям, «открываются небеса», – Сочельник, Рождество, Новый год, Благовещение, Вознесение.

Докладом «Изофункциональность суеверий (на примере народных рассказов о «кровавом навете»)» О.В. Беловой был открыт блок, посвященный фольклорным жанрам. На примере текстов о «кровавом навете» (приписываемом евреям ритуальном использовании христианской крови), записанных в различных регионах (Подолія, Галиция, Буковина, Белоруссия, польско-литовское пограничье), рассматривались модификации данного суеверия в современном фольклоре – с точки зрения структуры текста (сюжетообразующие мотивы: бочка с гвоздями; добровольное жертвование крови; получение крови в медицинских учреждениях; добавление в мацу, помимо крови, иных субстанций; использование крови при изготовлении мацы для излечения врожденной слепоты, для обеспечения деторождения и т.п.) и бытования сюжета в различных контекстах (приурочивание «навета» к еврейской Пасхе, осеннему празднику Кушцей, еврейской свадьбе и даже к Масленице; приписывание его «немцам» и иным «чужакам»). Докладчица на основе собранного материала проиллюстрировала варьирование в пределах одного и того же сюжета «предметного» и «персонажного» рядов суеверий, а также указала на сходную оценку, в связи с «наветом», праздников, обрядов и т.п. как «опасных».

В докладе Л.Н. Виноградовой «Прогностические знаки, предвещающие жизнь/смерть и брак/безбрачие» на материале фольклорных образов подблюдных песен и акциональных форм гаданий были рассмотрены синонимические ряды культурных символов с общим значением, во-первых, «предвестие смерти», а во-вторых – «предвестие замужества». По оценочному признаку (плохое предсказание – хорошее предсказание) эти ряды прогностических знаков вступают в антитетические отношения, однако во многих случаях оба понятия (смерть, замужество) кодируются через одни и те же символические образы. Например, в гаданиях дым от потушенной свечи, идущий в сторону входной двери, означает свадьбу для девушки и смерть для женатых. В подблюдных песнях в том же значении выступают мотивы: «уехать из дома», «смотреть на чужую сторону», «оказаться за рекой», «запряженные кони», «снаряженные сани», «ковать золотой венец», «грести золото лопатами», «растягивать бело полотно» и ряд других.

Аналогичные символы со значением смерти в жанре снотолкований проанализировала М.В. Ясинская в докладе «Логика толкований славянских сновидений». На материале, в основном, польского народного сонника был рассмотрен круг образов-символов, которые являются прогностическими знаками болезни и смерти. Символы-предвестники болезни

и смерти можно представить в виде синонимических рядов, которые могут группироваться внутри семантических полей, метафорически или метонимически связываемых со смертью (копание земли, строительство дома, движение вниз), когда нивелируются категориальные значения и в роли синонимов выступают предмет, действие и атрибут (земля, лопата, копать, черный). С другой стороны, синонимические ряды можно построить внутри каждой из категорий, различные члены которых будут принадлежать различным семантическим полям: предметные (яма, дом, лопата, крест), атрибутивные (белый, грязный, мокрый, ущербный), акциональные (разрушать, терять, падать, копать). Синонимичными между собой также можно считать и сами «сценарии», в которые предметы, признаки и атрибуты объединяются: выпадение зуба, проваливание в пропасть, обрушение стены дома и т.д., так как все они объединены общей функцией: видеть их во сне предвещает болезнь и смерть.

В докладе *Т.А. Агапкиной* «Изофункциональность и синонимия в фольклоре, верованиях и обрядах, связанных с деревьями» рассматривалась проблема изофункциональности культурных символов, принадлежащих одному классу (классу деревьев и кустарников); а также была сделана попытка установить, насколько включение той или иной ботанической породы дерева в определенный сюжет (текст, верование, обряд) влияет на стереотип этого дерева в традиционных верованиях и фольклоре.

В дискуссии по докладу отмечалась трудность изучения категорий синонимии и даже изофункциональности на тематически ограниченном материале. Вместе с тем, результаты исследования, представленные в докладе, дают дополнительный важный материал для понимания функционирования категории синонимии в культуре.

Конференция была оценена участниками как полезный и необходимый этап в осмыслении механизмов функционирования традиционной духовной культуры и ее терминологии. Отмечалась особая творческая атмосфера конференции, неограниченная свобода дискуссии (вопросы и заинтересованное обсуждение сопровождали каждый доклад), доброжелательность, свойственные встречам единомышленников и коллег, работающих в рамках одной школы, одного направления и, в конечном итоге – для решения одной задачи: реконструкции духовной культуры славян и понимания ее этнической и культурной специфики.

© 2012 г. *М.М. Валенцова*

ПАМЯТИ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХОРЕВА
(1932–2012)

25 мая 2012 г. ушел из жизни один из лидеров российской полонистики, профессор Виктор Александрович Хорев. В это трудно поверить, с этим невозможно смириться — его уход был внезапным, ученый был полон сил и замыслов. Совсем недавно наш журнал (№ 2, 2012) публиковал статью к 80-летию юбилею Виктора Александровича, в которой отмечены основные вехи его научной деятельности, в феврале в Институте славяноведения прошла посвященная ему конференция «Victor Chorgev – Amicus Poloniae», тезисы материалов которой опубликованы; тогда же вышла и новая, оказавшаяся последней книга очерков ученого — «Восприятие России и русской литературы польскими писателями».

16 мая Виктор Александрович вернулся из очередной поездки в Польшу, где плодотворно работал и обсуждал с польскими коллегами из Института литературных исследований ПАН планы дальнейшего сотрудничества, 22 мая поехал в Гродненский университет, для становления полонистики в котором он сделал так много, получая звание профессора *honoris causa*. Это звание стало последним среди тех многочисленных, которыми Виктор Александрович был отмечен. Из этой поездки он уже не вернулся.

Предполагалось, что Виктор Александрович примет участие в V Конгрессе зарубежной полонистики, состоявшемся 10–13 июля 2012 г. в Институте польской филологии Университета в Ополе. Во время, отведенное для запланированного доклада Виктора Александровича, профессор Светлана Мусиенко представила документальный фильм о вручении ему этого почетного звания и его научную биографию. В томе материалов V Конгресса будет опубликован доклад Виктора Александровича, с которым он выступил на торжестве в Гродно.

Отечественная, да и мировая полонистика понесла невозвратимую потерю. Ведь Виктор Александрович был не только выдающимся исследователем, строгим и авторитетным, но вместе с тем доброжелательным и чутким критиком работ своих коллег. Он принадлежал к поколению тех шестидесятников, для которых не были пустым звуком интересы отечественной науки и ее международный престиж — потому он стал прекрасным организатором, хранителем прежних лучших традиций российской полонистики и литературоведения в целом. Он был одаренным и трудолюбивым человеком, тружеником науки и ее новатором.

При этом Виктор Александрович для многих был и останется Учителем с большой буквы. Он обладал редким сегодня даром самоотдачи и душевной щедрости, оставаясь в любых перипетиях судьбы (а их у него было немало) жизнерадостным и энергичным человеком, добрым и отзывчивым, он всегда готов был поддержать в сложной ситуации, помочь не только советом и участием, но и конкретным делом, не считаясь при этом со временем. Он в равной мере умел держать удар и делиться радостью, побеждать и проигрывать с честью.

В адрес нашего Института поступили многочисленные соболезнования — от Национального комитета славистов РФ, от МГУ им. Ломоносова (кафедры славянских языков филологического и кафедры истории южных и западных славян исторического факультетов; кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения), от ИМЛИ РАН, Института культурологии Министерства культуры РФ, от кафедры польской филологии Гродненского университета им. Янко Купалы и др.

Скорбь близких, коллег и учеников Виктора Александровича разделяют его многочисленные польские друзья и коллеги, о чем свидетельствуют поступившие соболезнования

от Посольства Республики Польша в России, от постоянного представительства Польской Академии Наук при Российской Академии Наук, от дирекции и сотрудников Института литературных исследований ПАН, из университетов Варшавы, Кракова, Гданьска, Познани, Быдгощи, Подлясской Академии в Седльцах, из Центра польско-российского диалога и согласия в Варшаве, из Национальной библиотеки, от Президента и членов Союза польских писателей и др.

Опубликованы многочисленные некрологи в польской прессе – скорбная весть в ведущем органе «Gazeta Wyborcza» вышла под заголовком «Ушел посол польской культуры в России».

В своем интервью для Польского радио профессор Института Истории Варшавского университета Иероним Граля справедливо назвал Виктора Александровича «послом польскости» в России и «человеком-институтом», подчеркнув, что Хорев – это намного больше, чем один институт: «это Институт Польши в России и Институт России в Польше».

По инициативе Польского культурного центра Посольства Республики Польша в Москве в «Новой газете» (27.V.2012) было помещено сообщение, в котором выражены и наши чувства: «Ушел из жизни выдающийся ученый, полонист и полонофил, наш большой друг профессор В.А. Хорев. Не стало замечательного, любимого друзьями, коллегами и учениками человека, деятельного ученого, воспитавшего несколько поколений полонистов, сделавшего очень многое для дружбы российской и польской науки. Нам будет трудно без него».

Коллеги, ученики, друзья

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2012 ГОДУ**

СТАТЬИ

Валева Е.Л. Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы. С. 79–96.....	№ 5
Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая. С. 3–19.....	№ 3
Виноградова Л.Н. Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий. С. 29–34.....	№ 6
Гросул В.Я. Генезис бессарабской автономии в составе России (К 200-летию присоединения Бессарабии к России). С. 20–31.....	№ 3
Достян И.С. Политика России в Балканском вопросе: некоторые спорные проблемы историографии. С. 32–40.....	№ 3
Дронов М.Ю. Роль средних учебных заведений Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинской интеллигенции Словакии в 20–30-е годы XX века. С. 83–92.....	№ 3
Задорожнюк Э.Г. Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи. С. 13–29.....	№ 5
Искендеров П.А. Эхо польской «Солидарности» в албанских горах. С. 33–39...	№ 1
Искендеров П.А. Исторические корни идеи «Великой Албании». С. 30–40.....	№ 5
Карцева З.И. Роман эпохи конца литературоцентризма (на материале русской и болгарской прозы). С. 22–28.....	№ 6
Кимура К. «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений. С. 3–15	№ 1
Колосова В.Б. Этноботанические заметки. VII. Тысячелистник. С. 35–46.....	№ 6
Короткова Д.А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году. С. 51–64.....	№ 3
Косик В.И. Черная Гора (1918–1941). С. 51–60.....	№ 5
Костяшов Ю.В. Генерал Иван Хорват – сербский авантюрист на русской службе (вторая половина XVIII века). С. 34–41.....	№ 2
Крючков И.В. Венгрия и Балканы в 1911–1912 годах по донесениям генерального консульства России в Будапеште. С. 41–50.....	№ 3
Курохтина Т.Н. К вопросу об определении понятия «суржик». С. 93–101.....	№ 3
Макарова И.Ф. «Русский след» в болгарском четническом движении 1867 года. С. 41–50.....	№ 5
Неменский О.Б. «Право народа» в православной мысли Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII века. С. 3–11.....	№ 4
Носкова А.Ф. Российская историография сталинизма в СССР и странах Восточной Европы: некоторые итоги изучения (конец XX–начало XXI века). С. 40–54.	№ 1
Павлова М.С. Проблема интернационализации Немана в советско-польско-литовских отношениях в 1923–1926 годах. С. 75–82.....	№ 3
Петрухин В.Я. Начало Руси: древнерусская традиция и средневековая историография. Миф, правда и вымысел. С. 3–7.....	№ 2
Сазонова Л.И. Сказание о Наполеоне-антихристе: старообрядческий вариант антинаполеоновского мифа. С. 42–61.....	№ 2
Серапионова Е.П. Чешско-русская Еднота. С. 32–41.....	№ 4
Софронова Л.А. «Записки» Яна Хризостома Пасека: Дневник. Роман. Энциклопедия. С. 22–31.....	№ 4
Станков Н.Н. «Сто дней» канцлерства Г. Штреземана и Чехословакия (13 августа – 30 ноября 1923 года). С. 65–74.....	№ 3
Степанов Д.Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века. С. 12–21.....	№ 4
Суслов А.В. Генрик Сенкевич и проекты лидеров польского национально-демократического движения на рубеже XIX–XX веков. С. 3–12.....	№ 6

Таирова-Яковлева Т.Г. К вопросу о формировании крупного частного землевладения в украинском гетманстве (середина XVII – начало XVIII века). С. 27–33.....	№ 2
Турилов А.А. Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточнославянского влияния»). С. 8–26.....	№ 2
Улунян Ар.А. Готовился ли переворот в Албании? «Дело Т. Сейко»: версии. С. 16–32.....	№ 1
Шведова Н.В. Темы любви и смерти в поэзии словацкого надреализма. С. 13–21	№ 6
Шерлаимова С.А. Вацлав Гавел: драматург – диссидент – президент – драматург. С. 3–12.....	№ 5
Шкаровский М.В. Церковная жизнь в Македонии в 1941–1944 годах и создание Македонской православной церкви. С. 61–78	№ 5
Якушкина Е.И. Семантика сербских лексем <i>чојство</i> и <i>јунаштво</i> . С. 55–61	№ 1

К ЮБИЛЕЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812

Макарова Г.В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект. С. 47–59.....	№ 6
Марней Л.П. Из истории наполеоновских подделок русских ассигнаций в начале XIX века. С. 78–87	№ 6
Сагомонян А.А. (Москва). Под знаменами Наполеона и Александра: испанские солдаты в России в 1812 году. С. 88–94.....	№ 6
Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков. С. 74–77	№ 6
Филатова Н.М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года. С. 60–73	№ 6

СООБЩЕНИЯ

Ганенкова Т.С. Грамматические значения предлога <i>на</i> в современном македонском языке. С. 86–98	№ 1
Кукса А.Н. Проблема снабжения продовольствием Белоруссии в 1917–1919 годах. С. 102–109.....	№ 3
Мурашко Г.П. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... С. 62–69.....	№ 1
Стыкалин А.С. Советские спецслужбы в венгерских событиях 1956 года. Размышления над книгой. С. 42–52.....	№ 4
Урунова Р.Д. К вопросу о происхождении вариантов местоимения первого лица единственного числа в восточнославянских текстах X–XIV веков. С. 62–67	№ 2
Хорев В.А. Другой Броневский. С. 70–79.....	№ 1
Шолак З. Личное имя и его субститут в творчестве Иво Андрича. С. 80–85	№ 1

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века. С. 53–68.....	№ 4
Венедиктов Г.К. О судьбе первого тома «Ученых записок» Института славяноведения АН СССР. С. 110–120.....	№ 3
Вольман С. Моя жизнь между наукой и искусством. С. 95–98	№ 6
Лаптева Л.П. Значение Вацлава Ганки в развитии славяноведения в России и русско-чешских научных контактов в XIX веке. С. 68–85.....	№ 2
Марьина В.В. Осколки памяти: встречи со словацкими и чешскими историками. С. 69–84.....	№ 4
Фролова М.М. Общество истории и древностей российских и славянская проблематика (1848–1857). С. 86–101.....	№ 2

ПУБЛИКАЦИИ

- Морозов Б.Н. Царь Василий Шуйский перед польским королем (новый памятник «турецкой темы» с легендарной перепиской польского короля, турецкого султана и царя Михаила Федоровича). С.102–106 № 2

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Акимова О.А. Croatologija. God.1. Br.1. С. 97–100..... № 4
- Белова О.В. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Ч. 1–2. Народная медицина беларусаў Падзвіння; Вып. 2. Ч. 1–2. Народная проза беларусаў Падзвіння. С. 109–112..... № 2
- Большакова О.В. East and West: History and contemporary state of Eastern studies. С. 100–103..... № 4
- Борисова С.А. Т. Hodana. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia). С. 85–90..... № 4
- Буркут И.Г., Фисанов В.П. С.А. Романенко. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). С. 105–108..... № 5
- Валенцова М.М. E. Večerková, V. Frolcová. Evropské Vánoce v tradicích lidové kultury. С. 99–104 № 6
- Виноградова Л.Н. В. і А. Podgórcy. Mitologia Śląska czyli przywiarki ślónskie: Leksykon i antologia śląskiej demonologii ludowej. С. 104–108..... № 6
- Вишняков Я.В. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. С. 102–105 № 5
- Дулєбова И. Florilegium in honorem Alexandri Isačenko. Ad iubilaum centenarium oblatum. С. 95–97..... № 4
- Задорожнюк Э.Г. Václav Havel – Vilém Prečan. Korespondence (1983–1989). С. 97–101..... № 5
- Калиганов И.И. Г.А. Пожидаева. Лексикология демественного пения. С. 107–109 № 2
- Колупаев В.Е. М.С. Николова. Русская книга в Болгарии (1878–1912). С. 106 № 4
- Косик В.И. С. Н. Букасова-Богословова. Руската следа във Варна. С. 99 № 1
- Косик В.И. И. Стоянов. ТЦБК. Идеи и проекти. С. 100–102..... № 1
- Косик В.И. Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. С. 108–111 № 6
- Никифоров К.В. S.P. Ramet. Tri Jugoslavije. Izgradnja države i izazov legitimacije. 1918–2005. С. 105–111 № 1
- Орехов А.М. Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). С. 103–105..... № 4
- Проклов И.Н. Н.М. Вагапова. Международные театральные сезоны в Белграде: БИТЕФ 1967–2007. С. 112–115..... № 2
- Серапионова Е.П. В.В. Марьина. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945. С. 115–116..... № 1
- Серапионова Е.П. Т. Ивантышинова и кол. авторов. Мифы – стереотипы – образы: Восприятие России в Словакии. С. 121–122..... № 3
- Серапионова Е.П. L. Harbuľová. Sibírsky autonomizmus. Zdroje, prejavy, reflexie (1917–1939). С. 109–111 № 5
- Силкин А.А. А. J. Тимофеjev. Руси и други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. С. 112–114 № 1

Станков Н.Н. В. Ferencuhová. Francúzsko a slovenská otázka 1789–1989. С. 103–105	№ 1
Хаванова О.В. G. Pálffy. The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century. С. 90–92	№ 4
Шведова Н.В. A. Zelenková. Medzi vzájomnosťou a nevzájomnosťou: Sondy do česko-slovenských a slovensko-českých literárnych vzťahov. С. 111–114.....	№ 6
Шерлаимова С.А. J. Med. Literárni život ve stínu Mnichova (1938–1939). С. 116–118	№ 2
Ямбаев М.Л. М. Талалай. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. С. 93–95	№ 4

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Пашаева Н.М. Письмо в редакцию. С. 123–125	№ 3
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белова О.В., Петрухин В.Я. Международная конференция «Выбор веры и идеологические изменения в Средние века в перспективе сравнительных исследований». С. 119–121.....	№ 2
Борисенок Е.Ю. Политика и культура в белорусско-русско-украинских отношениях XVII–XXI веков. С. 121–122.....	№ 2
Валенцова М.М. Толстовские чтения–16. Синонимия в языке и народной культуре. С. 115–120	№ 6
Герчикова И.А. Имагологические исследования за рубежом. С. 107–112.....	№ 4
Глушковский П., Мягков Г.П., Циунчук Р.А. Polonia в Казани и в Волго-Уралье: проблемы изучения. С. 112–115	№ 4
Макарцев М.М. Конференция «Образ России на Балканах». С. 116–118.....	№ 5
Трефилова О.В. «Круглый стол» «Карпато-балканские ареальные исследования: лексика и фразеология». С. 118–120	№ 5
Тунин А.Е. Балканистика в Москве и Санкт-Петербурге сегодня: общее и различное. С. 117–122.....	№ 1
Фролова М.М. Конференция «Россия и славяне: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина». С. 112–115	№ 5

ЮБИЛЕИ

Чирков С.В. К юбилею Сигурда Отговича Шмидта. С. 118–120	№ 4
К юбилею Людмилы Норайровны Будаговой. С. 121–123.....	№ 5
К юбилею Александра Александровича Гугнина. С. 123	№ 1
К юбилею Валентины Владимировны Марьиной. С. 116–117.....	№ 4
К юбилею Сергея Васильевича Никольского. С. 123–124	№ 2
К юбилею Виктора Александровича Хорева. С. 125–126.....	№ 2

НЕКРОЛОГИ

Турилов А.А. Памяти Ольги Александровны Князевской (1920–2011). С. 121–123	№ 4
Турилов А.А. Памяти Риккардо Пиккио (1923–2011). С.123–126.....	№ 4
Памяти Николая Ивановича Бухарина (1945–2012). С. 125–127.....	№ 5
Памяти Ирины Степановны Достян (1920–2012). С. 126–127	№ 3
Памяти Юрия Степановича Новопашина (1934–2012). С. 124–125	№ 5
Памяти Виктора Александровича Хорева (1932–2012). С. 121–122	№ 6
Памяти Елены Захаровны Цыбенко (1923–2011). С. 124–126.....	№ 1

CONTENTS

ARTICLES

<i>Suslov A.V.</i> (Moscow). Henryk Sienkiewicz and projects of the leaders of the Polish national-democratic movement at the turn of the nineteenth – twentieth centuries	3
<i>Shvedova N.V.</i> (Moscow). Motives of love and death in the poetry of the Slovak Nadrealism	13
<i>Kartseva Z.I.</i> (Moscow). Novel at the age of the end of literature-centrism (based on the Russian and Bulgarian prose).....	22
<i>Vinogradova L.N.</i> (Moscow). Family values of traditional culture: an axiological aspect of the Slavic imprecations studies.....	29
<i>Kolossova V.B.</i> (St. Petersburg). Ethno-botanical notes. VII. Milfoil.....	35

TO THE ANNIVERSARY OF THE 1812 PATRIOTIC WAR

<i>Makarova G.V.</i> (Moscow). Factor of public opinion during the Patriotic War of 1812: the Polish aspect.....	47
<i>Filatova N.M.</i> (Moscow). Russia in political propaganda of the Duchy of Warsaw during the Campaign of 1812.....	60
<i>Falkovich S.M.</i> (Moscow). The myth of Napoleon in the Polish mass consciousness.....	74
<i>Marney L.P.</i> (Moscow). Concerning the history of Napoleonic counterfeit of Russian assignations.....	78
<i>Sagomyan A.A.</i> (Moscow). Under the banners of Napoleon and Alexander: Spanish soldiers in Russia in 1812.....	88

FROM THE SLAVIC STUDIES HISTORY

<i>Wollman S.</i> My life between academia and arts.....	95
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Valentsova M.M.</i> E. Večerková, V. Frolcová. Evropské Vánoce v tradicích lidové kultury	99
<i>Vinogradova L.N.</i> B. i A. Podgórcy. Mitologia Śląska czyli przywiarki ślónskie: Leksykon i antologia śląskiej demonologii ludowej.....	104
<i>Kossik V.I.</i> Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе.....	108
<i>Shvedova N.V.</i> A. Zelenková. Medzi vzájomnosťou a nevzájomnosťou: Sondy do česko-slovenských a slovensko-českých literárnych vzťahov	111

SCHOLARLY LIFE

<i>Valentsova M.M.</i> Tolstoy readings – 16. Synonymity in language and folk culture.....	115
--	-----

OBITUARY

In memoriam Viktor Aleksandrovich Khorev (1932–2012).....	121
Index of articles and materials published in the journal in 2012	123

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2012, № 6